

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosofff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Жан-Поль Сартр

Затворники Альтоны

Пьеса в пяти актах

.

Мне казалось, я выдумал имя Герлаха. Я ошибался: оно случайно хранилось в памяти. Я более чем кто-либо сожалею о своей ошибке, ибо это имя одного из смелых и прославленных врагов национал-социализма.

Гельмут фон Герлах посвятил свою жизнь борьбе за мирное сосуществование Франции и Германии, за мир.

В 1933 году он возглавил высланных немцев; его имущество, а также имущество его семьи было конфисковано. Он умер в ссылке двумя годами позже, отдав последние силы помощи своим соотечественникам-эмигрантам.

Слишком поздно менять имена моим персонажам, но я прошу его друзей и близких принять мои извинения и сожаления.

АКТ ПЕРВЫЙ

Просторная гостиная заставлена претенциозной и безвкусной мебелью в стиле прошлого века Германии. Внутренняя лестница, ведущая наверх, кончается небольшой площадкой, куда выходит запертая дверь. Направо – двустворчатая стеклянная дверь в густо заросший парк; свет, пробивающийся сквозь листву, окрашивает комнату в зеленоватые тона. На стене – три огромные фотографии франца, и на каждой из них, в правом углу внизу, – черная траурная лента.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Лени, Вернер, Иоганна.

Лени стоит, Вернер сидит в кресле, Иоганна сидит на кушетке. Все молчат. После короткой паузы массивные готические часы бьют три раза. Вернер поспешно встает.

Лени (смеется). Смирно! (пауза.) И это в тридцать три года!

(Раздраженно.) Да садись же ты!

Иоганна. Почему? Разве уже пора?

Лени. Пора? Будем ждать, вот и все.

Вернер пожимает плечами.

Мы будем ждать, ты это отлично знаешь.

Иоганна. Откуда ему знать?

Лени. Так у нас заведено. Перед каждым семейным советом...

Иоганна. И как часто они бывают?

Лени. Когда-то они были нашими праздниками...

Иоганна. Каждый по-своему празднует. И что же?

Лени (продолжает). Вернер приходил слишком рано, а старый Гинденбург запаздывал.

Вернер (Иоганне). Не верь ей. Отец всегда был по-военному точен.

Лени. Правильно. Мы ждали его здесь, а он у себя в кабинете курил сигару, поглядывая на часы. Он входил по-военному в три часа десять минут. Десять минут: ни минутой раньше, ни минутой позже. Двенадцать, со служебного совещания, восемь – когда он председательствовал на административном совете.

Иоганна. А зачем такие сложности?

Лени. Чтобы у нас было время набраться страху.

Иоганна. И на верфи?

Лени. Шеф является последним.

Иоганна (поражена). Что? Кто это сказал? (Смеется.) Кто придает этому значение?

Лени. Пятьдесят лет своей жизни старый Гинденбург думал, что это имеет значение.

Иоганна. Возможно, тогда, но теперь...

Лени. Теперь он уже ни во что не верит. (Пауза.) И все же опоздает на десять минут. Убеждения меняются, а привычки остаются: наш бедный отец приобрел свои привычки еще при Бисмарке. (Вернеру.) Помнишь, как мы его ждали? (Иоганне, указывая на Вернера.) Он дрожал и спрашивал – кого же накажут!

Вернер. Будто ты не дрожала, Лени?

Лени (сухо, с усмешкой). Я? Я умирала со страху, но говорила себе: он за все заплатит.

Иоганна (с иронией). И заплатил?

Лени (улыбаясь, но очень жестко). Платит. (Оборачиваясь к Вернеру.) Так кого же накажут, Вернер? Кто из нас двоих будет наказан? О, мы впали в детство. (Неожиданно резко.) Ненавижу, когда жертвы уважают своих палачей.

Иоганна. Вернер не жертва.

Лени. Взгляните на него.

Иоганна (указывая на зеркало). Взгляните на себя.

Лени (удивленная). На себя?

Иоганна. Уж не такая вы храбрая! И вы много говорите.

Лени. Для того чтобы вас развлечь. Отец давно не внушает мне страха. Да, и на этот раз мы знаем, что он нам скажет.

Вернер. Не могу себе представить.

Лени. Не представляешь? Фарисей, святоша, закрываешь глаза на все, что тебе не по душе! (Иоганне.) Старый Гинденбург скоро околеет, Иоганна. Разве вы не знали?

Иоганна. Нет, знала.

Вернер. Ложь! (Задрожав от возмущения.) Я тебе говорю, что это ложь.

Лени. Не дрожи так. (С внезапной яростью.) Да, околеет, да, околеет! Как собака! И ты был предупрежден: конечно, был, раз все рассказал Иоганне.

Иоганна. Ошибаетесь, Лени.

Лени. Полно! У него нет от вас секретов.

Иоганна. Очевидно, есть.

Лени. Тогда кто же вам сообщил?

Иоганна. Вы.

Лени (в изумлении). Я?

Иоганна. Три недели тому назад, после консилиума, один из врачей прошел вслед за вами в голубую гостиную.

Лени. Да, Гильберт. Ну и что?

Иоганна. После его ухода я встретила вас в коридоре.

Лени. И что же?

Иоганна. Больше ничего. (Пауза.) У вас очень выразительное лицо, Лени.

Лени. Я этого не знала. Благодарю. Я ликовала?

Иоганна. У вас был испуганный вид.

Лени (кричит). Неправда! (Берет себя в руки.)

Иоганна (мягко). Поглядите на себя в зеркало: в складках рта еще таится испуг.

Лени (сухо). Зеркала – это по вашей части.

Вернер (ударяет по ручке кресла). Довольно! (Гневно глядит на них.) Если это правда, что отец должен умереть, то ведите себя хотя бы пристойно и молчите. (Лени.) Что с ним?

Лени не отвечает.

Я спрашиваю тебя – что с ним.

Лени. Ты сам знаешь.

Вернер. Неправда!

Лени. Ты узнал об этом на двадцать минут раньше, чем я.

Иоганна. Лени? Вы хотите сказать?..

Лени. Прежде чем пройти в голубую гостиную, Гильберт зашел в розовую. Там он встретил моего брата и все ему рассказал.

Иоганна (ошеломлена). Вернер!

Вернер, погрузившись в кресло, не отвечает.

Я... я не понимаю.

Лени. Вы еще не знаете Герлахов, Иоганна.

Иоганна (указывая на Вернера). Одного я узнала в Гамбурге, три года тому назад, и сразу полюбила его, он был свободным, искренним, веселым. Как он изменился здесь!

Лени. И он не боялся слов, в Гамбурге, ваш Герлах?

Иоганна. Ничего он там не боялся.

Лени. Подлинный Герлах тот – кого вы видите здесь

Иоганна (обернувшись к Вернеру, с грустью). Ты обманываешь меня.

Вернер (поспешно и громко). Ни слова больше. (Указывая на Лени.) Посмотри на ее улыбку: она подготавливает почву.

Иоганна. Кому?

Вернер. Отцу. Нас хотят принести в жертву; основная их цель разъединить нас. Что бы ты ни думала обо мне, не упрекай меня: не то ты сыграешь им на руку.

Иоганна (нежно, но строго). Мне не в чем упрекать тебя.

Вернер (настойчиво и в то же время рассеянно). Что ж, тем лучше! Тем лучше!

Иоганна. Чего им надо от нас?

Вернер. Не волнуйся: они нам скажут.

Пауза.

Иоганна. А что с ним?

Лени. С кем?

Иоганна. С отцом.

Лени. Рак горла.

Иоганна. От этого умирают?

Лени. Обычно умирают. (Пауза.) Может, он еще и протянет. (Мягко.) Он вам нравился? Правда?

Иоганна. И сейчас нравится.

Лени. Он нравился всем женщинам. (Пауза.) Какое возмездие! Этот рот, который так любили... (Видя, что Иоганна не понимает.) Вероятно, вы не знаете, но основное поражение при раке горла...

Иоганна (поняв). Замолчите.

Лени. Bravo! Вы становитесь подлинной фон Герлах! (Берет Библию, толстую тяжелую книгу – фолиант XVI века, и с трудом переносит ее на стол.)

Иоганна. Что это?

Лени. Библия. Когда созывается наш семейный совет, ее кладут на стол.

Иоганна удивленно смотрит на нее.

(Добавляет с некоторым раздражением.) Конечно, на тот случай, если понадобятся клятвы.

Иоганна. Какие могут быть клятвы?

Лени. Кто знает.

Иоганна (со смехом, чтобы ободрить себя). Вы-то сами не верите ни в бога, ни в черта.

Лени. Это правда. Но мы ходим в церковь и присягаем на Библии. Я уже говорила вам – наша семья утратила смысл жизни, но сохранила свои добрые традиции. (Поглядев на часы.) Три часа десять минут: можешь встать, Вернер.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и отец.

В то же мгновение из сада входит отец. Услышав, как открывается дверь с веранды, Вернер оборачивается, Иоганна колеблется, прежде чем встать, но в конце концов встает с недовольным видом. Отец торопливыми шагами пересекает комнату и, положив руки на плечи Иоганны, усаживает ее в кресло.

Отец. Прошу вас, дитя мое.

Иоганна садится.

(Склоняется, целует ей руку, затем, резко выпрямившись, глядит в сторону Вернера и Лени.) Собственно говоря, мне уже нечего вам сообщить. Тем лучше. Перейдем прямо к делу. И без церемоний, не так ли? (После короткой паузы.) Итак, я обречен.

Вернер берет за руку отца.

(Почти грубо ее отдергивает.) Я же сказал: без церемоний.

Вернер оскорбленно отворачивается и садится. Пауза.

(Устремляя на всех пристальный взгляд, продолжает несколько хриплым голосом.) Вы твердо уверены в моей смерти. (Не сводит с них глаз, как бы желая убедить себя.) Я скоро подохну. Подохну. Это очевидно. (Овладев собой, почти весело.) Дети мои, природа сыграла со мной самую гнусную штуку. Чего я стою – это вопрос иной... Но моя плоть никому не причинила огорчений... Через полгода я стану трупом, не имея с этого никакой выгоды. (Со смехом отвечает на жест Вернера.) Садись: я уйду пристойно.

Лени (с вежливым любопытством). Вы собираетесь...

Отец. Неужели ты думаешь, что я примирюсь с причудами каких-то клеточек, я, человек, заставляющий плавать сталь по морям? (После короткой паузы.) Полгода – это более, чем нужно, чтобы привести в порядок все мои дела.

Вернер. А после полугода?

Отец. После? Что ты хочешь, чтобы было? Ничего.

Лени. Совсем ничего?

Отец. Насильственная смерть: последняя попытка исправить природу.

Вернер (сдавленным голосом). Кто должен исправить?

Отец. Ты, если сумеешь.

Вернер вздрагивает.

(Смеется.) Не тревожься, я все возьму на себя: вам придется позаботиться только о моих похоронах. (Некоторое время молчит.) Довольно об этом. (После долгой паузы, приветливо, Иоганне.) Дитя мое, прошу вас еще немного запастись терпением. (Другим тоном, Лени и Вернеру.) Вы принесете клятву по очереди.

Иоганна (обеспокоенно). Сколько церемоний! А вы говорили, что их не будет. В чем нужно поклясться?

Отец (добродушно). Пустяки, невестушка! Во всяком случае, непрямые члены семьи освобождаются от клятвы. (Поворачивается лицом к сыну, с торжественностью, не то иронической, не то искренней.) Вернер, встань. Сын мой, ты был адвокатом. Когда Франц умер, я призвал тебя на помощь, и ты не колеблясь покинул свою контору. Это заслуживает награды. Ты станешь хозяином этого дома и возглавишь наше предприятие. (Иоганне.) Как видите, ничего страшного: он станет одним из властителей этого мира.

Иоганна молчит.

Не согласны?

Иоганна. Не мне отвечать вам.

Отец. Вернер! (Нетерпеливо.) Ты отказываешься?

Вернер (мрачно и смущенно). Я поступлю, как вы решите...

Отец. Разумеется. (Глядя на него в упор.) Но поневоле?

Вернер. Да.

Отец. Крупнейшее судостроительное предприятие! Тебе приносят его в дар, и ты недоволен. Почему?

Вернер. Я... хотя бы потому, что я недостойн.

Отец. Весьма вероятно. Но ничего не подделаешь: мой единственный наследник по мужской линии – ты.

Вернер. Франц обладал всеми необходимыми качествами.

Отец. Кроме одного, его нет в живых.

Вернер. Представьте себе, я был хорошим адвокатом. И не так уж приятно стать плохим шефом.

Отец. Может, ты окажешься и не таким уж плохим.

Вернер. Я не в силах приказывать, когда гляжу человеку в глаза.

Отец. Почему?

Вернер. Нет у меня ощущения, что я выше его...

Отец. Смотри выше глаз. (Касаясь лба.) Сюда, например: только на лоб.

Вернер. Надо обладать вашей гордыней.

Отец. А у тебя ее нет?

Вернер Откуда мне было ее взять? Чтобы вылепить франца по своему подобию, вы не пожалели ничего. Разве моя вина, что я приучен только слепо повиноваться?

Отец. Это одно и то же.

Вернер. Что одно и то же?

Отец. Повиноваться и приказывать: в обоих случаях ты передаешь приказания, которые получил.

Вернер. Вы их получали?

Отец. Я не так давно перестал их получать.

Вернер. Кто же вам приказывал?

Отец. Не знаю. Возможно, я сам. (Улыбаясь.) Я открою тебе секрет: если хочешь командовать, представь себя на месте другого.

Вернер. Я не хочу быть ни на чьем месте.

Отец. Дай мне умереть, и через неделю ты окажешься на моем.

Вернер. Решать! Сколько надо мужества – взять все на себя. Отвечать одному за сто тысяч человек. Как вы могли так жить!

Отец. Я уже давно ничего не решаю. Я подписываю бумаги. С будущего года

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosofff.org
будешь подписывать их ты.

Вернер. И ничего другого вы не делаете?

Отец. Вот уже десять лет – ничего.

Вернер. А зачем вы были нужны? Это мог делать любой.

Отец. Да, любой.

Вернер. Хотя бы я?

Отец. Хотя бы.

Вернер. Все так несовершенно, столько винтиков, а если один из них затормозит?

Отец. На такой случай существует Гельберт. Ты его знаешь. Замечательный человек. Он работает у нас двадцать пять лет.

Вернер. Значит, по сути дела, мне повезло. Это он будет командовать?

Отец. Ты с ума сошел. Гельберт? Он твой служащий: ты ему платишь, чтобы он подсказывал тебе, какие надо давать распоряжения.

Вернер (после паузы). Ни разу в жизни, отец, вы не оказали мне доверия. Вы заставили меня руководить предприятием только потому, что я ваш единственный наследник, и уже позаботились о том, чтобы превратить меня в горшок с цветами.

Отец (печально усмехаясь). Горшок с цветами! А я? Что такое я? Шляпа, напыленная на мачту! (Грустно и мягко, почти старческим тоном.) Крупнейшее предприятие Европы... Ведь это огромная организация...

Вернер. Отлично. Чтобы скоротать время, буду перечитывать свои речи в суде и путешествовать.

Отец. Нет.

Вернер (удивленно). Что может быть безобиднее?

Отец (повелительно и резко). Об этом не может быть и речи. (Глядит на Вернера и Лени.) Слушайте меня! Наследство останется неделимым. Категорически запрещается продажа или передача кому-либо вашей доли. Запрещается продажа или сдача в наем этого дома. Запрещается покидать его. Вы будете жить здесь до самой смерти. Поклянитесь. (Лени.) Начинай.

Лени (улыбаясь). Должна вас честно предупредить, что клятвы меня ни к чему не обязывают.

Отец (также улыбаясь). Ну, начинай, начинай, я доверяю тебе, Лени: покажи пример брату.

Лени (подходит к Библии, протягивает руку). Я... (Делает над собой усилие, чтобы не расхохотаться.) Ничего не поделаешь: простите, отец, меня душит смех... (В сторону, так, чтобы слышала только Иоганна.) Вот так каждый раз.

Отец (добродушно). Смейся, дитя мое, сколько хочешь, но клянись.

Лени (улыбаясь). Клянусь на святой Библии повиноваться вашей последней воле.

Отец, смеясь, смотрит на нее.

(Вернеру.) Теперь ты глава семьи!

Вернер стоит с отсутствующим видом.

Отец итак, Вернер...

Вернер поспешно поднимает голову, с затравленным видом смотрит на отца.

Лени (серьезно). Освободи нас, брат: поклянись, и все кончится.

Вернер поворачивается к Библии.

Иоганна (вежливо, спокойным тоном). Одну минуту, пожалуйста.

Отец, желая ее смутить, смотрит на нее с наигранным удивлением.

(С достоинством выдерживает его взгляд.) Клятва Лени была лишь комедией; все смеялись; но когда дошла очередь Вернера, больше никто не смеется. Почему?

Лени. Потому что ваш муж все принимает всерьез.

Иоганна. Тем больше причин для смеха. (Пауза.) Вы его поймали. Лени.

Отец (властно). Иоганна...

Иоганна. Вы также поймали его, отец

Лени. А вы меня.

Иоганна. Я бы хотела, отец, чтобы мы объяснились откровенно.

Отец (улыбаясь). Мы с вами?

Иоганна. Да, мы с вами.

Отец по-прежнему улыбается.

(Берет Библию и с трудом переносит ее на другой стол.)

Сначала поговорим, а потом, кто пожелает, поклянется.

Лени. Вернер! Неужели ты позволишь жене защищать тебя?

Вернер. Разве на меня нападают?

Иоганна (отцу). Я бы хотела знать, на каком основании вы распоряжаетесь моей жизнью?

Отец (указывая на Вернера). Я распоряжаюсь его жизнью, потому что она принадлежит мне, над вашей жизнью я не властен.

Иоганна (улыбаясь). Неужели вы думаете, что у нас две разные жизни? Ведь и вы были женаты. Вы любили мать своих детей?

Отец. Как полагается.

Иоганна. Понимаю. От этого она и умерла. А мы, отец, любим друг друга больше, чем полагается. Все, что имеет отношение к нам, мы решаем сообща. (После паузы.) Если он поклянется но принуждению и, верный своему обету, запретя в этом доме, значит, примет решение помимо меня и против меня; вы разлучите нас навсегда.

Отец (все с той же улыбкой на лице). Наш дом вам не по душе?

Иоганна. Нет, не по душе.

Отец (помолчав). На что вы жалуетесь, милая невестка?

Иоганна. Я вышла замуж за гамбургского адвоката, у которого не было ничего, кроме его таланта, а через три года оказываюсь одна, заключенной в этой крепости, женой кораблестроителя.

Отец. Неужели это так печально?

Иоганна. Для меня – да. Я любила Вернера за его независимость, и вы отлично понимаете, что он потерял ее.

Отец. Кто же ее отнял?

Иоганна. Вы.

Отец. Полтора года тому назад вы оба решили переехать сюда.

Иоганна. Вы нас об этом просили.

Отец. Ну что ж, если совершена ошибка, вы к этому тоже причастны.

Иоганна. Я не хотела вынуждать его делать выбор между вами и мной.

Отец. Напрасно.

Лени (любезно). Он выбрал бы вас.

Иоганна. Шансы были равны. Но бесспорно одно: он возненавидел бы избранного.

Отец. Почему?

Иоганна. Потому что он любит вас.

Отец, насупившись, пожимает плечами.

Знаете ли вы, что такое безнадежная любовь?

Отец меняется в лице.

Лени (замечает это. Поспешно). А вы, Иоганна, знаете?

Иоганна (холодно). Нет. (Пауза.) А Вернер знает.

Вернер встает и направляется к двери, ведущей в сад.

Отец (Вернеру). Куда ты?

Вернер. Ухожу. Вам будет свободнее.

Иоганна. Вернер! Я борюсь за нас обоих.

Вернер. За нас? (Сухо.) В доме Герлахов женщины молчат.

(Идет к двери.)

Отец (тихо и повелительно). Вернер!

Вернер сразу останавливается.

Садись, Вернер!

Вернер (медленно возвращается на место, садится, повернувшись к ним спиной, всем своим видом показывая, что не намерен участвовать в беседе). Пусть говорит Иоганна.

Отец. Что же дальше, милая невестка?

Иоганна (с тревогой глядя на Вернера). Отложим этот разговор. Я очень устала.

Отец. Нет, дитя мое, вы его начали – надо доводить до конца.

Пауза. Иоганна в растерянности молча глядит на Вернера.

Должен ли я понять, что вы отказываетесь жить здесь после моей смерти?

Иоганна (почти умоляюще). Вернер!

Вернер молчит.

(Меняя тон.) Да, отец. Именно это я и хотела сказать.

Отец. И где же вы будете жить?

Иоганна. В нашей старой квартире.

Отец. Вы вернетесь в Гамбург?

Иоганна. Вернемся туда.

Лени. Если Вернер захочет.

Иоганна. Он захочет.

Отец. А дело? Вы согласны, чтобы он возглавил его?

Иоганна. Да, если вы этого желаете и если Вернеру по вкусу роль подставного хозяина.

Отец (словно раздумывая). Жить в Гамбурге...

Иоганна (с надеждой). Мы ни о чем другом вас не просим. Неужели вы не согласитесь на одну-единственную уступку?

Отец (любезно, но категорически). Нет. (После паузы.) Мой сын останется здесь, чтобы жить и умереть, как я, как его дед и прадед.

Иоганна. Почему?

Отец. А почему бы и нет?

Иоганна. Нельзя оставить дом пустым?

Отец. Да.

Иоганна (вдруг резко). Пусть он провалится!

Лени (разражается смехом. Вежливо). Хотите, я подожгу его? В детстве я частенько мечтала об этом.

Отец (оглядываясь вокруг, шутливо). Бедный дом: неужто он заслуживает такую ненависть?.. И у Вернера он вызывает ужас?

Иоганна. И у Вернера и у меня. Он так уродлив!

Лени. Мы это знаем.

Иоганна. Нас сейчас четверо; к концу года нас может оказаться трое. К чему нам тридцать две комнаты, заставленные мебелью? Когда Вернер уходит на верфь, мне страшно.

Отец. И потому вы хотите покинуть нас? Это не может быть основной причиной.

Иоганна. Нет.

Отец. Есть другая?

Иоганна. Да.

Отец. Какая же?

Вернер (вскрикивая). Иоганна, я запрещаю тебе...

Иоганна. Тогда скажи сам!

Вернер. Зачем? Ты ведь знаешь, я подчинюсь ему.

Иоганна. Почему?

Вернер. Он – отец. Ах, покончим с этим. (Поднимается.)

Иоганна (приближаясь к нему). Нет, Вернер, нет!

Отец. Он прав, милая невестка. Покончим с этим. Семья – это дом. Я прошу вас поселиться в этом доме, потому что вы вошли в нашу семью.

Иоганна (смеясь). На семью можно все взвалить, но не ей вы приносите нас в жертву.

Отец. А кому же?

Вернер. Иоганна!

Иоганна. Вашему старшему сыну!

Долгая пауза.

Лени (спокойно). Франц умер в Аргентине четыре года тому назад.

Иоганна смеется ей в лицо.

Свидетельство о смерти мы получили в пятьдесят шестом году. Ступайте в мэрию Альтоны – вам его покажут.

Иоганна. Умер? Допустим: как же назвать ту жизнь, которую он ведет? Одно бесспорно, мертвый или живой, но он живет здесь.

Лени. Нет!

Иоганна (указывая на дверь наверху). Там. За той дверью.

Лени. Сумасшедшая! Кто вам это сказал?

Пауза.

Вернер (когда речь заходит о брате, спокойно встает, глаза его блестят, становится увереннее). Кто мог сказать? Я.

Лени. В постели?

Иоганна. Допустим.

Лени. Какая гадость!

Вернер. Это моя жена. Она имеет право знать то, что знаю я.

Лени. Право любви? Что за мещанство! Тому, кого я люблю, я могу отдать душу, но буду лгать ему всю жизнь, если это нужно.

Вернер (яростно). Послушать только, как эта слепая рассуждает о красках. Кому ты будешь лгать? Попугаям?

Отец (властно). Замолчите вы все! (Гладит Лени по волосам.) Упрямая головка, а волосы мягкие.

Лени резко вырывается.

(Пристально глядит на нее.) Франц живет там, наверху, уже тринадцать лет; он не выходит из своей комнаты, его никто не видит, кроме Лени, которая ухаживает за ним.

Вернер. И кроме вас.

Отец. Меня? Кто это тебе сказал? Лени? и ты ей поверил? Как вы сразу находите общий язык, когда можно уязвить меня. (Пауза.) Вот уже тринадцать лет, как я его не видел.

Вернер (поражен). Почему?

Отец (просто). Потому что он не хочет видеть меня.

Вернер (растерянно). Ах, вот как... (Пауза.) Отлично. (Возвращается на свое

место.)

Отец (Иоганне). Благодарю вас, дитя мое. Как видите, члены нашей семьи не имеют предубеждения против истины. Но всегда предпочитают, чтобы ее высказывали посторонние. (Пауза.) Итак, Франц живет там, наверху, больной и одинокий. Что это меняет?

Иоганна. Почти все. (Пауза.) Надеюсь, вы останетесь довольны, отец: родственница со стороны, почтя чужая, выскажет правду вместо вас. Вот что мне известно: в сорок шестом году разразился скандал, не знаю, в чем было дело, мой муж был тогда еще в плену, во Франции. Началось судебное дело. И Франц исчез. Вы утверждали, что он уехал в Аргентину, а на самом деле он прятался здесь. В пятьдесят шестом году Гельберт скоропалительно уезжает в Южную Америку и привозит оттуда свидетельство о смерти Франца. Некоторое время спустя вы приказываете Вернеру отказаться от карьеры и поселяете его здесь в качестве будущего наследника. Я не ошибаюсь?

Отец. Нет. Продолжайте.

Иоганна. Мне нечего добавить. Я не знаю, кем был Франц, что он совершил, чем стал. Но в одном лишь я уверена: если мы останемся здесь, то лишь для того, чтобы стать его рабами.

Лени (исступленно). Неправда! Ему достаточно меня.

Иоганна. Очевидно, нет.

Лени. Кроме меня, он никого не хочет видеть!

Иоганна. Возможно, но отец опекает его на расстоянии, а потом опекать его придется нам. Мы станем рабами-тюремщиками.

Лени (оскорбленно). Разве я тюремщик?

Иоганна. Откуда мне знать? Разве не вы оба заперли его?

Леня (достаёт из кармана ключ). Поднимитесь и постучите в дверь. Если он не откроет – вот ключ.

Иоганна (берет ключ). Спасибо. (Смотрит на Вернера.) Что мне делать, Вернер?

Вернер. Что хочешь. Так или иначе ты убедишься – это ловушка.

Иоганна колеблется, потом медленно поднимается по лестнице. Стучит в дверь. Один раз, другой. Ею овладевает нервная ярость: удары сыплются градом. Она оборачивается лицом к залу и собирается спускаться.

Лени (хладнокровно). У вас ключ.

Какую-то секунду Иоганна колеблется – ей страшно. Вернер испуган и встревожен. Иоганна, ваяв себя в руки, вставляет ключ в замок и тщетно пытается открыть дверь, хотя ключ поворачивается в скважине.

Ну, что?

Иоганна. Заперто изнутри. Очевидно, на засов. (Начинает спускаться с лестницы.)

Лени. Кто же задвинул засов? Я?

Иоганна. Возможно, есть другая дверь.

Лени. Вы отлично знаете, что нет. Это крыло изолировано. Если дверь на засове, то задвинуть его мог только сам Франц.

Иоганна спустилась с лестницы.

Итак? Мы его, несчастного, держим в неволе?

Иоганна. По-разному можно держать человека в неводе. Можно добиться и того,

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosofff.org
чтобы он сам избегал всех.

Лени. Как это делают?

Иоганна. Лгут. (Глядит на Лени.)

Та кажется растерянной.

Отец (поспешно, Вернеру). Тебе приходилось выступать в делах подобного рода?

Вернер. В каких делах?

Отец. Затворничества.

Вернер (сдавленным голосом). Однажды.

Отец. Отлично. Допустим, что здесь произойдет обыск; прокуратура немедленно займется делом, не так ли?

Вернер (защищаясь). С какой стати произойдет обыск? В течение тринадцати лет его не было.

Отец. Здесь был я.

Пауза.

Лени (Иоганне). К тому же я слишком быстро вожу машину, вы не раз мне об этом говорили. Могу налететь на дерево. Что станет с Францем?

Иоганна. Если он не сошел с ума, позовет слуг.

Лени. Он не сошел с ума, но он их не позовет. (Пауза.) О смерти брата мы узнаем по запаху! (Пауза.) Сломают дверь и найдут его на полу среди ракушек.

Иоганна. Каких ракушек?

Лени. Он любит крабы.

Отец. (Иоганне, дружелюбно). Послушайте, невестка. Смерть франца будет величайшей сенсацией нашего века.

Иоганна не отвечает.

Величайшей сенсацией, Иоганна...

Иоганна (жестко). Какое это для вас будет иметь значение. Вы будете лежать в земле.

Отец (улыбаясь). Я – да. Но не вы. Вернемся, однако, к этой истории сорок шестого года. Разве срок давности истек? Отвечай! Это по твоей части, Вернер.

Вернер. Я не знаю состава преступления.

Отец. В лучшем случае – избиение, увечье; в худшем – попытка убийства.

Вернер (сдавленно). Нет, срок давности не истек.

Отец. Тебе известно, что нас ждет: соучастие в попытке убийства, фальсификация документов, заключение.

Вернер. Фальшивые документы? Какие?

Отец (смеясь). А свидетельство о смерти? Я за него достаточно дорого заплатил. (Помолчав.) Что ты скажешь, адвокат? Это дело для суда присяжных?

Вернер молчит.

Иоганна. Все ясно. Надо выбирать, Вернер: либо мы станем слугами безумца,

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosoff.org
которого они предпочитают тебе, либо сядем на скамью подсудимых. Каков твой выбор? Мой сделан: я выбираю суд присяжных. Лучше тюремное заключение, чем бессрочная каторга. (Пауза.) Итак?

Вернер молчит. Иоганна растеряна.

Отец (с жаром). Дети мои, я не могу прийти в себя. Шантаж! Ловушка! Все это фальшиво звучит! Все придумано. Сын мой, прошу тебя, пожалей хоть немного брата. Поймите, целый ряд обстоятельств не дает вам права оставлять Лени одну. Во всем остальном вы будете свободны как ветер. Вы увидите: все кончится прекрасно. Франц не проживет долго: однажды ночью вы закопаете его в парке; с ним исчезнет последний истинный фон Герлах... (Жест в сторону Вернера.) ...Я хотел сказать – последнее чудовище. Вы оба здоровые и нормальные. У вас будут нормальные дети, и они будут жить, где захотят. Оставайтесь здесь, Иоганна, ради сыновей Вернера. Они станут наследниками сказочного имущества. Вы не имеете права лишать их его.

Вернер (вскакивает, взгляд его мрачен, глаза лихорадочно блестя). Ах, вот вы о чем!

Все оборачиваются к нему.

О сыновьях Вернера?..

Отец изумлен, утвердительно кивает.

(Торжествуя.) Вот он, Иоганна, вот его маневр. Плевать вы хотели на Вернера и на его сыновей, плевать вы на них хотели, отец!

Иоганна приближается к нему.

Проживи вы достаточно долго, чтобы увидеть моего первого сына, он стал бы вам противен, потому что он плоть от плоти моей, а я всем существом своим был вам противен с самого дня моего рождения! (Иоганне.) Бедняга отец! Какая незадача! Вот детей франца он бы обожал.

Иоганна (повелительно). Замолчи! Не разжигай себя. Если ты начнешь себя жалеть, мы погибли!

Вернер. Напротив! Я хочу освободиться. Ты что, хочешь, чтобы я послал их к черту?

Иоганна. Да.

Вернер (смеясь). Отлично.

Иоганна. Скажи им – нет! Не кричи, не смейся. Одно лишь слово – нет.

Вернер оборачивается к отцу и к Лени. Они молча глядят на него.

Вернер. Они не сводят с меня глаз.

Иоганна. Ну и пусть!

Вернер, пожав плечами, бессильно опускается в кресло.

Вернер!

Вернер избегает ее взгляда. Долгая пауза.

Отец (со сдержанным торжеством). Итак, дорогая невестка?

Иоганна. Он не поклялся.

Отец. Сейчас поклянется. Слабые подчиняются сильным: таков закон.

Иоганна (уязвленная). Кто же, по-вашему, сильный? Тот полоумный наверху, беспомощный как грудной младенец, или мой муж, Вернер, который всего достиг сам, хотя вы его покинули?

Отец. Вернер слаб, а Франц силен: никто этого не сможет отрицать.

Иоганна. А чем занимаются сильные на земле?

Отец. Обычно ничем.

Иоганна. Понимаю.

Отец. Это люди, которые по природе своей властвуют над всеми, подобно смерти. Они держат в своих руках судьбы людей.

Иоганна. И Франц таков?

Отец. Да.

Иоганна. Откуда вы это знаете, не видя его тринадцать лет?

Отец. Нас здесь четверо. Он даже не подозревает, что является нашей судьбой.

Иоганна. О чем же он думает?

Лени (грубо, с иронией, но искренне). О крабах.

Иоганна (насмешливо). Целый день?

Лени. Он поглощен ими.

Иоганна. Какое старье! Как ваша мебель. Да полноте, вы не верите в это.

Отец (улыбаясь). Мне осталось жить всего полгода, невестка: это слишком мало, чтобы поверить во что-нибудь. (После паузы.) А вот Вернер верит.

Вернер. Ошибаетесь, отец. То были ваши мысли, и вы внушили их мне, а сами растеряли их на своем пути. Так не осуждайте меня за то, что и я освободился от них. Я такой же человек, как все люди. Не сильный, не слабый; совсем обыкновенный. Стараюсь не отставать от жизни. А Франц, не знаю, узнал бы я его при встрече, но я совершенно уверен, что он самый обыкновенный человек. (Указывая Иоганне на фотографию Франца.) Чем он примечательнее меня? (Как зачарованный глядит на портрет.) Он даже некрасив!

Лени (насмешливо). Еще бы! Даже некрасив!

Вернер (все еще под гипнозом, но уже менее настойчиво). И разве я рожден, чтобы служить ему? Ведь и рабы бунтуют. Мой брат не станет моей судьбой.

Лени. Предпочитаешь, чтобы ею была твоя жена?

Иоганна. Вы причисляете меня к сильным?

Лени. Да.

Иоганна. Что за странная мысль! С чего это?

Лени. Вы были актрисой, не так ли? Знаменитостью.

Иоганна. Допустим. А потом испортила себе карьеру. Дальше что?

Лени. Дальше? Вы вышли замуж за Вернера. И с тех пор ничего не делаете и думаете о смерти.

Иоганна. Если вы хотите унижить его – зря стараетесь. Когда он встретил меня, я только что покинула сцену, навсегда, и была как безумная. Он может гордиться тем, что спас меня.

Лени. Уверена, что он так не думает.

Иоганна (Вернеру). Слово за тобой.

Молчание. Вернер не отвечает.

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosoff.org
Лени. Как вы его смутили, беднягу. (Помолчав.) Иоганна, если бы не ваша неудача, вы бы выбрали его? Некоторые браки подобны похоронам.

Иоганна собирается ответить.

Отец (прерывая ее). Лени! (Гладит ее по голове.)

Лени с гневом вырывается.

Ты превосходишь себя, дочь моя. Будь я тщеславен, то решил бы, что моя смерть приводит тебя в исступление.

Лени (живо). Не сомневайтесь, отец. Разве вы не видите: ваша близкая кончина усложняет все дело.

Отец (смеется, Иоганне). Не сердитесь на Лени, дитя мое. Она хотела сказать, что мы одной породы: мы, Франц и я. (Пауза.) Вы мне очень симпатичны, Иоганна. Порой мне даже казалось, что вы будете оплакивать меня. Вы единственная.

(Улыбается ей.)

Иоганна (резко). Если все земное еще не чуждо вам и если мне повезло вам понравиться, то как же вы осмеливаетесь унижать передо мной моего мужа?

Отец, не отвечая, качает головой.

Или вы уже по ту сторону жизни?

Отец. По ту или по эту, все уже не важно. Осталось шесть месяцев. Я не из тех, кому дано прожить старость. (Глядит в пространство. Как бы самому себе.) Дело будет расти беспрестанно, частных капиталов не хватит, государство протянет свои щупальцы; может статься, что Франц проживет десять, двадцать лет. Как он будет страдать...

Лени (безапелляционно). Он не страдает.

Отец (будто не слышал). По существу, моя жизнь после моей смерти продолжится, только без моего участия. (Замолкает, сгорбившись, глядит в пространство.) Он поседет... обрюзгнет, как все заключенные...

Лени (яростно). Замолчите!

Отец (будто не слыша ее. Со страдальческим, видом). Это невыносимо, невыносимо.

Вернер (медленно). А если мы останемся здесь, вы будете менее несчастны?

Иоганна. Берегись!

Вернер. Чего? Это мой отец, я не хочу, чтобы он страдал.

Иоганна. Он страдает за другого.

Вернер. Пусть. (Берет Библию и относит ее на прежнее место.)

Иоганна (поспешно). Он разыгрывает перед тобой комедию.

Вернер (зло, тоном, полным намеков). А ты? Разве ты меня не разыгрываешь? (Отцу.) Ответьте... Вы будете менее несчастны?..

Отец. Не знаю.

Вернер (отцу). Посмотрим.

Пауза. Отец и Лени неподвижны. Они напряженно ждут.

Иоганна. Один вопрос. Только один вопрос, а затем поступай как знаешь.

Вернер глядит на нее с мрачным и упрямым видом.

Отец. Подожди, Вернер.

Вернер отстраняется от Библии. Его нечленораздельное ворчание можно принять за согласие.

Что за вопрос, Иоганна?

Иоганна. Почему Франц избрал затворничество?

Отец. В этом вопросе много других вопросов.

Иоганна. Расскажите, что произошло.

Отец (с легкой иронией). Во-первых, война.

Иоганна. Да, но война была для всех. Разве остальные прячутся?

Отец. Тех, кто попрятались, вы не видите.

Иоганна. Значит, он воевал?

Отец. До конца.

Иоганна. На каком фронте?

Отец. В России.

Иоганна. Когда он вернулся?

Отец. Осенью сорок шестого.

Иоганна. Так поздно? Почему?

Отец. Он один уцелел из всего полка. Крадучись, прошел пешком через всю Польшу и оккупированную Германию. Однажды раздался звонок.

Раздается отдаленный и приглушенный звонок.

И вошел Франц.

В глубине, за спиной отца, в полумраке, появляется Франц. Он в штатском, еще очень молод, ему не более двадцати трех, двадцати четырех лет. Иоганна, Вернер и Лени в этих кадрах-воспоминаниях не видят персонажа, который возникает перед ними. Лишь тот, кто непосредственно вспоминает – отец, в первых двух кадрах-воспоминаниях, и Лени с отцом в третьем кадре, – повернутся к тому, с кем будут говорить. Интонации актеров в кадрах-воспоминаниях приглушены, жесты как бы нереальны, все должно звучать словно издали, даже в бурных сценах, для того чтобы подчеркнуть время, отдаляющее прошлое от настоящего. В данный момент отец не видит Франца.

В правой руке Франца раскупоренная бутылка шампанского; зритель увидит ее только в тот момент, когда он будет пить. Бокал на столе заставлен каким-либо предметом.

Иоганна. Он сразу заперся?

Отец. С первого дня не выходил из дому. А год спустя поднялся наверх и заперся.

Иоганна. Весь тот год вы виделись каждый день?

Отец. Почти каждый день.

Иоганна. И что он делал?

Отец. Пил.

Иоганна. А что говорил?

Франц (далеким, безжизненным голосом). Здравствуй, до свидания. Да. Нет.

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosoff.org
Иоганна. Ничего больше?

Отец. Ничего. Только однажды. Поток слов, смысл которых я не мог уловить. (С горьким смехом.) Я был в библиотеке и слушал радио.

Треск радиоприемника, позывные. Все звуки приглушены. Голос диктора: «Слушайте последние известия. В Нюрнберге международный военный трибунал приговорил маршала Геринга...»

Франц выключает приемник. Когда он передвигается, то все время остается в тени.

(Вздрагивает, быстро оборачиваясь.) Что ты делаешь?

Франц глядит на него мертвым, ничего не выражающим взглядом.

Я хочу знать приговор.

Франц (через всю сцену, циничным и мрачным тоном). Висельник – чего ждать приговора. (Пьет.)

Отец. Откуда ты знаешь?

Франц молчит.

(Иоганне.) В те времена вы еще не читали газет?

Иоганна. Нет. Мне еще не было двенадцати.

Отец. Все газеты были в руках союзников. «Мы немцы, значит мы виновны; мы виновны, потому что мы – немцы». И так каждый день, на каждой странице. Какое-то наваждение! (Францу.) Восемьдесят миллионов преступников: какая чушь! В лучшем случае их было полсотни. Так пусть их повесят, а нас оправдают: это был бы конец кошмара! (Повелительно.) Доставь мне удовольствие, включи приемник.

Франц будто не слышит. Продолжает пить.

(Сухо.) Ты слишком много пьешь.

Франц смотрит на него таким взглядом, что отец растерянно умолкает. Пауза.

(Продолжает настойчиво, со страстным желанием понять.) Ну какой смысл, что целый народ обрекают на отчаяние? Что сделал я, чтобы заслужить презрение всего мира? Мои убеждения всем известны. А ты, Франц, ты, который был солдатом и дрался до конца?

Франц выразительно смеется.

Ты нацист?

Франц. Черта с два.

Отец. Тогда выбирай: либо осуждение виновных, либо пусть вся Германия отвечает за их ошибки.

Франц (без единого жеста раздражается сухим и диким смехом). Это одно и то же.

Отец. Ты что, рехнулся?

Франц. Можно по-разному уничтожить народ: осудив его целиком или заставив отречься от тех вождей, которых он выбрал. Второе страшнее.

Отец. Я ни от кого не отрекаюсь, к тому же нацисты не были моими вождями: я их лишь терпел.

Франц. Ты с ними мирился.

Отец. А что я должен был делать, черт возьми?

Франц. Ничего.

Отец. Что касается Геринга, то я его жертва. Пойди погляди на наши верфи. Их двенадцать раз бомбили, ни одного целого ангара: вот как он нас защищал!

Франц (грубо). Я сам не лучше Геринга. Если они повесят его, то буду повешен и я.

Отец. Геринг был тебе всегда противен!

Франц. Но я повиновался.

Отец. Твоим армейским начальникам.

Франц. А кому повиновались они? (Смеясь.) Мы ненавидели Гитлера, другие любили его: в чем разница? Ты поставлял ему военные корабли, я – трупы. Скажи, что мы могли бы сделать больше, если бы мы его обожали?

Отец. Так что же? Все виновны?

Франц. Боже мой, нет! Никто! Виновны лишь раболепствующие псы, принимающие суд победителей. Хороши победители! Знаем мы их: в восемнадцатом году они тоже судили нас, теми же лицемерными добродетелями. Что они сделали с нами с тех пор? Во что они сами превратились? Помолчи: дело победителей брать в руки ход истории. Они его взяли и дали нам Гитлера. Это они – судьи? Разве они никогда не убивали, не грабили, не насиловали? А кто бросил бомбу на Хиросиму? Уж не Геринг ли? Если они будут судить нас, то кто же будет судить их? Они кричат о наших преступлениях, чтобы оправдать то преступление, которое готовят исподволь: систематическое истребление немецкого народа. (Разбивает бокал об стол.) Все невиновны перед лицом врага. Все: вы, я, Геринг и остальные.

Отец (кричит). Франц!

Свет вокруг франца гаснет, он исчезает.

Франц! (Короткая пауза. Медленно поворачивается к Иоганне и тихо смеется.) Я ничего не понял, а вы?

Иоганна. Ничего. Ну а потом?

Отец. Это все.

Иоганна. Но ведь надо же сделать выбор, либо все виновны, либо все невиновны?

Отец. Он не выбирал.

Иоганна (на минуту задумавшись). Но ведь это бессмысленно.

Отец. Возможно и так... не знаю.

Лени (поспешно). Не заходите в дебри, Иоганна. Мой брат очень мало думал о Геринге, о военной авиации, ведь он сам служил в пехоте. Он тоже считал, что есть виновные и есть невиновные, но он судил по-иному. (Перебивая отца, который хочет что-то сказать.) Мне лучше знать – я вижу его каждый день. Невиновным было двадцать лет, они были солдатами; виновным было пятьдесят – это были их отцы.

Иоганна. Понимаю.

Отец (все равнодушие его исчезло, когда он заговорил о франце. Голос его страстен). Ничего вы не понимаете: она лжет.

Лени. Отец! Вы отлично знаете, что Франц ненавидит вас.

Отец (с силой, Иоганне). Франц любил меня больше всех.

Лени. До войны.

Отец. И до и после.

Лени. Тогда почему же вы говорите – любил?

Отец (удивленно). Мы, кажется, говорили о прошлом... Лени.

Лени. Не оправдывайтесь: вы выдали свою мысль. (Пауза.) Мой брат пошел добровольцем в армию в восемнадцать лет. Пусть отец расскажет вам, почему он это сделал – вам станет яснее история нашей семьи.

Отец. Расскажи сама, Лени: не хочу лишать тебя этого удовольствия.

Вернер (стараясь сохранить спокойствие). Предупреждаю, Лени: одно слово, порочащее отца, – и я немедленно уйду.

Лени. Ты боишься поверить мне?

Вернер. Я не позволю оскорблять отца в моем присутствии.

Отец (Вернеру). Успокойся, Вернер. Говорить буду я. С самого начала войны государство нам давало большие заказы. Флот построили мы. Весной сорок первого года правительство сообщило мне о своем желании приобрести земли, которые нам не были нужны, пустошь за холмом, ты знаешь.

Лени. Правительство – это был Гиммлер. Он искал землю для концлагерей.

Тяжелое молчание.

Иоганна. Вы знали об этом?

Отец. Да.

Иоганна. И вы согласились?

Отец (тем же тоном). Да. (Пауза.) Франц увидел, что производятся работы. Мне передавали, что он часто бродит вдоль колючей проволоки.

Иоганна. А после?

Отец. Ничего. Молчание. Потом сам нарушил молчание. Как-то в июне сорок первого года. (Поворачивается к Францу, внимательно смотрит на него, продолжая говорить с Иоганной и Вернером.) Я сразу понял, что он совершил глупость. Это было ужасно некстати: Геббельс и адмирал Дениц были в Гамбурге и должны были осмотреть наши новые верфи.

Франц (голос молодой, мягкий, ласковый, но взволнованный). Мне нужно поговорить с вами, отец.

Отец (глядит на него). Ты был там?

Франц. Да. (С ужасом, резко.) Отец, это больше не люди.

Отец. Стража?

Франц. Нет, заключенные. Я сам себя ненавижу, и все же они вызывают во мне ужас. Они грязны, их раны полны вшей. (Пауза.) У них такой вид, точно они все время испытывают страх.

Отец. Они таковы, какими их сделали.

Франц. Меня бы таким не сделали.

Отец. Да?

Франц. Я бы ответил на удар.

Отец. Кто говорит о том, что они не отвечают?

Франц. Их взгляд.

Отец. Будь ты на их месте, у тебя был бы такой же.

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosofff.org
франц. Нет. (С суровой решимостью.) Нет.

Отец (пристально глядит на него). Погляди на меня. (Берет его за подбородок, пылливо глядя в его глаза.) Откуда у тебя это?

франц. Что?

Отец. Страх к заключению.

франц. Я не чувствую страха.

Отец. Но ты его желаешь?

франц. Я... Нет.

Отец. Вижу. (Пауза.) Эти земли, я не должен был продавать их?

франц. Раз вы... продали – значит, не могли поступить иначе.

Отец. Мог.

франц (ошеломлен). Вы могли отказать?

Отец. Разумеется.

франц отшатывается с жестом негодования.

Ну что? Ты больше не доверяешь мне?

франц (пересиливая себя, с уверенностью). Я... знаю, что вы мне объясните.

отец. Что тут объяснять? Заключенные Гимллера. Если бы отказал я, он купил бы землю у другого.

франц. У другого.

Отец. Разумеется. Где-нибудь в другом месте, на востоке или на западе, но те же заключенные страдали бы от тех же стражников, от тех же побоев. А у меня появился бы враг в правительстве.

франц (настойчиво). Вам не следовало вмешиваться в эту историю.

Отец. Почему же?

франц. Потому что вы – это вы.

Отец. И чтобы ты, маленький фарисей, мог спокойно умыть руки? Да, пуританин?

франц. Отец, вы меня ужасаете, у вас совсем нет сострадания к ближним.

Отец. Я буду им сочувствовать, когда смогу реально им помочь.

франц. Такой возможности у вас никогда не будет.

Отец. Раз так, я не буду сочувствовать им – это потерянное время. А ты испытываешь сострадание к ним? Ну же! (Пауза.) Если бы ты любил своего ближнего, франц, ты бы не осмелился презирать этих заключенных.

франц (уязвленный). Я не презираю.

Отец. Презираешь. Потому что они грязны, и потому что они боятся. (Поднимается и подходит к Иоганне.) Он еще верил в человеческое достоинство.

Иоганна. Он был прав?

Отец. Вот этого я не знаю, невестка. Все, что я могу сказать вам: мы, Герлахи, – жертвы Лютера: этот пророк наделил нас безумной гордыней. (Садится на прежнее место и указывает Иоганне на франца.) Франц бродил по холмам, спорил сам с собой, и когда его совесть говорила ему «да», то вы

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosoff.org
могли разрезать его на куски, но он не пошел бы против совести. В его
возрасте я был таким же.

Иоганна (иронически). У вас была совесть?

Отец. Да. Я расстался с ней из скромности. Это княжеская роскошь. Когда
ничем не занят, то мнишь себя ответственным за весь мир. А я работал.
(Францу.) Что ты хочешь, чтобы я тебе сказал? Что Гитлер и Гиммлер
преступники? Пожалуйста: я тебе говорю это. (Смеется.) Это мое сугубо
личное мнение и к тому же бессмысленное.

Франц. Значит, мы бессильны?

Отец. Да, если мы выберем бессилие. Ты ничем не поможешь людям, если
начнешь проклинать их перед судом божьим. Вместо того чтобы работать..
(Пауза.) Восемьдесят тысяч рабочих с марта месяца. Предприятия мои растут
изо дня в день! В руках у меня неограниченная власть.

Франц. Еще бы: вы служите нацистам.

Отец. Потому что они служат мне. Нацисты – это плебеи на троне. Но они
воюют, чтобы завоевать для меня рынки, и я не стану ссориться с ними из-за
какого-то ничтожного куска земли.

Франц (упрямо). Вам не следовало связываться с этим.

Отец. Маленький принц! Маленький принц! Ты хочешь возложить бремя людей на
свои плечи? Тяжелая ноша, и ты не знаешь людей. Оставь! Займись лучше
нашими заводами: сегодня они принадлежат мне, завтра – тебе; это плоть моя
и кровь, это сила моя и могущество, это твое будущее. Через двадцать лет ты
будешь хозяином и твои корабли будут плавать по всем морям, а кто вспомнит
Гитлера? (Пауза.) Ты просто мечтатель.

Франц. Не настолько, как вы думаете.

Отец. Вот как? (Пристально смотрит на него.) Что ты сделал? Что-нибудь
дурное?

Франц (гордо). Нет.

Отец. Хорошее?

Долгая пауза.

Черт возьми! (Пауза.) Итак? Это серьезно?

Франц. Да.

Отец. Ничего не бойся, мой маленький принц, я все улажу.

Франц. Только не на этот раз.

Отец. На этот раз, как и в другие. (Пауза.) Так что же? (Пауза.) Хорошо, я
буду тебя спрашивать. (Задумывается.) Это имеет отношение к нацистам? Так.
К лагерю? Так. (Осененный догадкой.) Поляк! (Поднимается и взволнованно
шагает по комнате. Иоганне.) Накануне начальник лагеря сообщил нам, что
сбежал один поляк, раввин. (Францу.) Где он?

Франц. У меня в комнате.

Пауза.

Отец. Где ты его нашел, поблизости?

Франц. В парке: он даже не прятался. Он бежал в исступлении; а сейчас
охвачен страхом. Они его убьют...

Отец. Знаю. (Помолчав.) Если его никто не видел, все в порядке. Мы отправим
его на грузовике в Гамбург.

Франц уныло молчит.

Его видели? Хорошо. Кто?

Франц. Фриц.

Отец (Иоганне). Это был наш шофер, убежденный нацист.

Франц. Он утром взял машину, сказав, что едет в городской гараж. Но еще не вернулся. (С оттенком легкой гордости.) Так что же я – мечтатель?

Отец (улыбаясь). Больше, чем когда-либо. (Сухо.) Почему ты привел его к себе в комнату? Чтобы испугать мой проступок?

Молчание.

Отвечай: из-за меня?

Франц. Из-за нас. Вы – это я.

Отец. Да. (Пауза.) Если Фриц донес...

Франц (упрямо). Они придут. Я знаю.

Отец. Отправляйся в комнату Лени и запишись там. Я приказываю тебе. Я все улажу.

Франц недоверчиво глядит на него.

Что еще?

Франц. А беглец?..

Отец. Я сказал: все. Этот человек под моей крышей. Ступай.

Франц исчезает, отец садится в кресло.

Иоганна. Они пришли?

Отец. Через сорок пять минут.

В глубине появляются два эсэсовца, позади них стоят ещё двое.

Эсэсовец. Хайль Гитлер.

Отец. Хайль. Кто вы и что вам надо?

Эсэсовец. В комнате вашего сына мы обнаружили беглого заключенного: ваш сын прячет его у себя уже сутки.

Отец. В своей комнате? (Иоганне.) Он не захотел прятаться в комнате Лени, храбрый мальчуган. Решил пойти на риск. И что же?

Эсэсовец. Вы поняли?

Отец. Отлично: мой сын поступил весьма легкомысленно.

Эсэсовец (возмущенный). Что? (Пауза.) Встаньте, когда я с вами разговариваю.

Раздается телефонный звонок.

Отец (не встает). Нет. (Поднимает трубку и, даже не спрашивая кто говорит, протягивает ее эсэсовцу.)

Эсэсовец (вырывая трубку). Алло! О! (Щелкает каблуками.) Так точно... Да. Будет исполнено. (Пораженный, смотрит на отца.) Так точно. Слушаюсь. (Щелкает каблуками. Вешает трубку.)

Отец (жестко, без улыбки). Легкомысленно, не так ли?

Эсэсовец. Так точно. Не более.

Отец. Если вы тронули хоть один волос...

Эсэсовец. Он бросился на нас.

Отец (удивлен и взволнован). Мой сын?

Эсэсовец молча кивает головой.

И вы его ударили?

Эсэсовец. Нет. Клянусь вам. Мы только держали его...

Отец (задумавшись). Он на вас бросился! Это не похоже на него. Вы его вызвали на это. Что вы сделали?

Эсэсовец молчит.

Пленный! (Встает.) На его глазах? На глазах у моего сына? (В исступлении и страшном гневе.) Мне кажется, вы перестарались. Ваше имя?

Эсэсовец (жалобно). Герман Альдрих.

Отец. Так вот, Герман Альдрих! Даю вам слово, что вы на всю жизнь запомните двадцать третье июня тысяча девятьсот сорок первого года. Ступайте.

Эсэсовец исчезает.

Иоганна. И он запомнил?

Отец (улыбаясь). Я думаю. Но его жизнь была коротка.

Иоганна. А франц?

Отец. Его тотчас же отпустили. С условием, что он пойдет добровольцем в армию. В следующую зиму он уже был лейтенантом на русском фронте. (Пауза.) Что с ним там было?..

Иоганна. Не нравится мне эта история.

Отец. Тут нечему нравиться. (Пауза.) Не забывайте, то был сорок первый год, невестка.

Иоганна (сухо). И что же?

Отец. Надо было выжить.

Иоганна. Поляк не выжил.

Отец (равнодушно). Нет. Но не по моей вине.

Иоганна. Я в этом не уверена.

Вернер. Иоганна!

Иоганна. В вашем распоряжении было сорок пять минут. Что вы сделали для спасения вашего сына?

Отец. Вы отлично это знаете.

Иоганна. Вы позвонили в Гамбург Геббельсу?

Отец. Да.

Иоганна. Сообщили ему, что из лагеря сбежал заключенный и умоляли о снисхождении к вашему сыну.

Отец. Я также просил, чтобы пощадили жизнь беглеца.

Иоганна. Само собой разумеется. (Пауза.) Но когда вы звонили Геббельсу...

Отец. Да?

Иоганна. Вы не могли знать точно, что шофер донес на Франца.

Отец. Он следил за нами без конца.

Иоганна. Да, но возможно, что он ничего не видел и уехал в город по другому поводу.

Отец. Возможно.

Иоганна. И, конечно, вы ни о чем его не спросили

Отец. Кого?

Иоганна. Этого фрица.

Отец пожимает плечами.

Где он теперь?

Отец. В Италии, под деревянным крестом.

Иоганна (после паузы). Значит, мы никогда не узнаем, кто выдал беглеца. Если не фриц, то вы...

Вернер (яростно). Я запрещаю тебе...

Отец. Не кричи все время, Вернер.

Вернер умолкает.

Вы правы, дитя мое. (пауза.) Когда я взял трубку, я решил – одно из двух! (Пауза.)

Иоганна. Один шанс из двух, когда речь идет об убийстве еврея... Это никогда не мешало вам спать?

Отец (спокойно). Никогда.

Вернер (отцу). Я полностью согласен с вами, отец. Все жизни равноценны. Но если приходится выбирать, то жизнь сына все же дороже.

Иоганна (мягко). Дело не в том, что ты думаешь, Вернер, а что мог подумать Франц. Что он подумал, Лени?

Лени (с улыбкой). Как-никак вы знаете фон Герлахов, Иоганна.

Иоганна. Замкнулся?

Лени. Уехал, не проронив ни олова, и никогда нам не писал.

Пауза.

Иоганна (отцу). Вы обещали все уладить, и он доверился вам. Как всегда.

Отец. Я сдержал слово: мне обещали, что беглеца пощадят. Как я мог предположить, что его убьют на глазах у моего сына?

Иоганна. То был сорок первый год, отец. В сорок первом благоразумие требовало предвидеть все. (Подходит к портрету Франца и разглядывает его.) Маленький пуританин, жертва Лютера, который ценой жизни хотел искупить ваш грех – продажу вами земли. (Поворачивается к отцу.) Вы все уничтожили. Все оказалось лишь игрой богатого шалунишки. Правда, игра была опасная, смертельно опасная, но только для партнера... Он понял, что ему все дозволено, потому что не несет ответственности за свои поступки...

Отец (просияв). Вот какую ему нужно было жену!

Вернер и Лени резко поворачиваются к отцу.

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosofff.org
Вернер (яростно). Что?

Лени. Как это бестактно, отец!

Отец (Вернеру и Лени). Она сразу поняла. (Иоганне.) Не правда ли? Я должен был сторговаться на двух годах тюрьмы. Какой промах! Все было бы лучше, чем безнаказанность.

Пауза. Отец в глубокой задумчивости. Иоганна по-прежнему разглядывает портрет. Вернер встает, кладет руку ей на плечо, поворачивает ее к себе.

Иоганна (холодно). Что с тобой?

Вернер. Не жалея франца: он из тех, кто и поражение обращает в победу.

Иоганна. Как?

Вернер (указывая на фотографию). Гляди! Двенадцать наград!

Иоганна. Двенадцать поражений. Он гнал за смертью, но ему не везло – смерть бежала быстрее его. (Отцу.) Итак! Он воевал, он вернулся в сорок шестом, а год спустя произошел скандал. Что это было?

Отец. Выходка нашей Лени.

Лени (скромно). Отец очень снисходителен ко мне. Искала случай развлечься. Вот и все.

Отец. К нам поместили американских офицеров. Она увлекала их, а потом, когда страсти разгорались, шептала им на ухо, что она нацистка, а они поганые евреи.

Лени. Чтобы охладить их пыл. Разве не забавно?

Отец. Но иногда они взрывались. Один из них пришел в ярость.

Лени. Обыкновенно если американец не еврей, то антисемит. Случается, что и еврей бывает антисемитом. Тот не был евреем и рассердился.

Иоганна. Что же произошло?

Лени. Хотел меня изнасиловать, Франц прибежал на помощь, они катались по полу. Американец оказался сильнее. Я взяла бутылку ихватила его по голове.

Иоганна. Он умер?

Отец (равнодушно). Где там! Разбилась бутылка. (Пауза.) Но пролежал полтора месяца в больнице. Франц, разумеется, все взял на себя.

Иоганна. И бутылку?

Отец. Все.

В глубине появляются два американских офицера.

(Поворачиваясь к ним.) ...Вследствие досадного недоразумения, простите, я хотел сказать – вследствие тяжелой ошибки. (Пауза.) Прошу вас, поблагодарите от моего имени генерала Хопкинса и передайте ему, что мой сын покинет Германию, как только получит визу.

Иоганна. В Аргентину?

Отец (поворачивается к ней, в то время как американцы исчезают). Таково было условие.

Иоганна. Понимаю.

Отец (небрежно). Американцы вели себя прекрасно.

Иоганна. Как Геббельс в сорок первом году.

Отец. Лучше! Гораздо лучше! Вашингтон собирался восстановить наши заводы и поручить нам создание торгового флота.

Иоганна. Бедный Франц!

Отец. Что мне оставалось? Тут были замешаны крупные интересы. По сравнению с ними разбитая голова капитана весила немного. Даже без моего вмешательства оккупанты замяли бы скандал.

Иоганна. Вполне возможно. (Пауза.) Он отказался уехать?

Отец. Не сразу. Виза была получена. На субботу назначен отъезд. А в пятницу утром Лени сообщила, что Франц больше не выйдет из своей комнаты. (Пауза.) У меня мелькнула мысль, что он умер, но, поглядев в глаза моей дочери, понял: она выиграла.

Иоганна. Что выиграла?

Отец. Этого она не сказала.

Лени (улыбаясь). Мы играем в поддавки. Кто проиграл, тот победитель.

Иоганна. А дальше что?

Отец. Так мы прожили тринадцать лет.

Иоганна (повернувшись к портрету). Тринадцать лет.

Вернер. Превосходно! Поверьте, я оценил вашу работу. Как вы ее разыграли, бедняжку. Поначалу она еле слушала вас, а потом, задыхаясь, задавала вопросы. Что ж, портрет завершен! (Смеется.) «Вот какая жена ему нужна!» Браво! Это просто гениально, отец!

Иоганна. Прекрати! Ты нас погубишь.

Вернер. Все равно мы погибли: что нам осталось? (Хватает Иоганну за руку выше локтя, притягивает к себе, глядит на нее в упор.) Куда ты смотришь? у тебя глаза пустые, как у статуи. (Внезапно резко отталкивает ее.) Вульгарнейшая лесть, и ты попала в ловушку! Я в тебе обманулся, дорогая.

Пауза. Все молча смотрят на него.

Иоганна. Вот когда настало время.

Вернер. Время чего?

Иоганна. Последнего испытания, любовь моя.

Вернер. Какого испытания?

Иоганна. Твоего. (Пауза.) Мы у них в руках. Рассказывая о Франце, они рассчитывали, что их слова рикошетом попадут в тебя.

Вернер. Может, скажешь еще, что меня приворожили?

Иоганна. Никого они не приворожили: но хотели тебе внушить, что я заморожена.

Вернер. Будь любезна говорить яснее.

Иоганна. Им надо доказать, что тебе ничего не принадлежит, даже твоя жена.

Отец потихоньку потирает руки. Пауза.

(Внезапно.) Увези меня отсюда!

Короткая пауза.

Я тебя умоляю!

Вернер смеется.

(Жестко и холодно.) В последний раз прошу тебя – уедем! В последний раз! Ты слышишь меня?

Вернер. Слышу. У тебя нет других вопросов ко мне?

Иоганна. Нет.

Вернер. Стало быть, я могу поступить, как считаю нужным?

Усталый жест Иоганны.

Отлично. (Подходит к Библии.) Клянусь никогда не нарушить последней воли моего отца.

Отец. Ты останешься здесь?

Вернер (рука по-прежнему на Библии). Раз вы настаиваете. В этом доме я жил, в нем я и умру. (Склоняет голову.)

Отец (поднимаясь с кресла, дружелюбно). В добрый час. (Улыбается ему.)

Вернер поначалу угрюм, затем улыбается с покорной признательностью.

Иоганна (обводит всех взглядом). Так вот что значит семейный совет. (Пауза.) Вернер, я уезжаю. С тобой или без тебя. Выбирай.

Вернер (не глядя на нее). Без меня.

Иоганна. Хорошо. (После короткой паузы.) Желаю тебе от души не очень сожалеть о моем отъезде.

Лени. Зато мы будем очень сожалеть. В особенности отец. Когда вы собираетесь нас покинуть?

Иоганна. Не знаю еще. Когда окончательно пойму, что проиграла.

Лени. Вы еще не уверены?

Иоганна (с улыбкой). Нет еще.

Пауза.

Лени (думает, что поняла план Иоганны). Если сюда придет полиция, нас всех троих арестуют за франца. Кроме того, меня обвинят в убийстве.

Иоганна (без обиды). Разве я похожа на тех, кто доносит в полицию? (Отцу.) Разрешите уйти?

Отец. Спокойной ночи, дитя мое.

Иоганна раскланивается и уходит.

Вернер (смеется). Вот так так... (Внезапно умолкает, подходит к отцу, робко кладет руку на его плечо, глядит на него нежно и озабоченно.) Вы довольны?

Отец (с отвращением). Не прикасайся ко мне! (Пауза.) Семейный совет закончен, ступай к своей жене.

Вернер с отчаянием глядит на него, поворачивается и уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Отец, Лени.

Лени. А вам не кажется, что вы слишком жестоки?

Отец. С Вернером? Будь это нужно, я был бы ласков. Но так уж выходит –

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosofff.org
суровость дает лучшие результаты.

Лени. Не надо доводить его до крайности.

Отец. Подумаешь!

Лени. У его жены какие-то планы.

Отец. Театральный жест: разочарование пробудило в ней актрису, и ей захотелось бросить фразу под занавес.

Лени. Дай бог, если так... (Пауза.) До вечера, отец. (Ожидает, чтобы отец ушел, тот не двигается.) Я должна закрыть ставни. Время Франца. (Настойчиво.) До вечера.

Отец (улыбаясь). Ухожу, ухожу. (Пауза. С неожиданной застенчивостью.) А он знает, что со мной?

Лени (удивленно). Кто? Ах, Франц! Да нет, конечно.

Отец. А! (С наигранной иронией.) Ты щадишь его?

Лени. Его? Да вы могли бы попасть под поезд... (Равнодушно.) По правде сказать я просто забываю ему сообщить.

Отец. А ты завяжи узелок на память.

Лени (берет платок и завязывает увел). Готово.

Отец. Так не забудешь?

Лени. Нет, но нужно, чтобы представился случай.

Отец. Когда он представится, постарайся также спросить, может ли он принять меня.

Лени (устало). Опять! (Сурово, но без гнева.) Он не примет вас. Зачем заставляя меня каждый день повторять то, что вы знаете уже тринадцать лет?

Отец (яростно). А что я знаю, дрянь? Что я знаю? Ты не можешь открыть рта, чтобы не солгать. Я даже не знаю, передаешь ли ты ему мои письма и мои мольбы, и я не уверен, быть может, ты убедила его, что я умер десять лет тому назад.

Лени (пожимая плечами). На что вы надеетесь?

Отец. Я хочу знать правду или хотя бы покончить с твоей бесконечной ложью.

Лени (указывая на второй этаж). Вот она где правда. Поднимитесь и найдете ее. Поднимитесь! Ну, поднимитесь же!

Отец (гнев его прошел, он кажется испуганным). Ты с ума сошла!

Лени. Расспросите его, и вам все будет ясно.

Отец (с тем же выражением). Я даже не знаю...

Лени. Условный сигнал! (Смеясь.) О, вы его отлично знаете. Сотни раз я замечала, как вы следите за мной. Я слышала ваши шаги, видела вашу тень и ничего не говорила, но еле удерживалась, чтобы не расхохотаться.

Отец хочет возразить.

Может, я ошиблась? Тогда доставлю себе удовольствие проинформировать вас сама.

Отец (глухо и помимо воли). Нет.

Лени. Четыре удара, потом пять, потом два раза по три. Чего же вы ждете?

Отец. А кого я там встречу? (Пауза. Глухим голосом.) Если он меня выгонит,

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosofff.org
я этого не перенесу.

Леня. Предпочитаете убеждать себя, что только я мешаю ему упасть в ваши объятия.

Отец (с трудом). Ты должна простить меня, Лени. Я часто бываю несправедлив. (Гладит ее по голове.)

Лени ершится.

какие у тебя мягкие волосы. (Проводит рукой по ее волосам, уже более рассеянно, словно раздумывая.) А ты имеешь на него влияние?

Лени (гордо). Конечно.

Отец. А ты не могла бы понемножку, осторожно, я прошу тебя, подчеркнуть ему особо – и это очень важно, – что мой первый визит будет и последним. Я пробуду у него всего лишь час. Даже меньше, если мой визит утомит его. А главное, передай непременно, что я не спешу. (Улыбаясь.) То есть не очень спешу.

Лени. Одну лишь встречу.

Отец. Одну.

Лени. Одну, и вы умрете. Зачем же тогда видеть его?

Отец. Чтобы увидеть.

Лени вызывающе смеется.

Лени. И попрощаться. А что изменится от того, что вы уйдете по-английски?

Отец. Для меня? Все. Если я увижу его вновь, я все подсчитаю и подведу итог.

Лени. Надо ли так стараться? Подвести итог можно и без вас.

Отец. Ты так думаешь? (Короткая пауза.) Я должен сам провести последнюю черту, иначе все пойдет прахом. (С почти застенчивой улыбкой.) Ведь в конце-то концов я ее прожил, эту жизнь: я не хочу, чтобы она пропала. (Пауза. Почти робко.) Так ты с ним поговоришь?

Лени (грубо). Зачем? Вот уже тринадцать лет, как я охраняю его – и вы хотите, чтобы я сдалась, когда нужно продержаться всего лишь полгода?

Отец. Охраняешь его от меня?

Лени. От всех, кто хочет его гибели.

Отец. Я хочу погубить франца?

Лени. Да.

Отец (раздраженно). Ты что, рехнулась? (Успокаивается. Горячо, почти умоляюще.) Послушай, возможно, мы по-разному понимаем, что францу нужно, но я тебя прошу, помоги мне повидаться с ним всего лишь раз: даже если бы я захотел, где мне взять время вредить ему?

Лени резко смеется.

даю тебе слово...

Лени. Кто вас об этом просит? Не надо подарков.

Отец. Тогда объяснимся.

Лени. Фон Герлахи не объясняются.

Отец. Ты воображаешь, что я у тебя в руках?

Лени (тем же тоном, с той же улыбкой). Все-таки немножко у меня в руках. Разве нет?

Отец (с иронической, презрительной улыбкой). Полно!

Лени. Кто из нас, отец, больше нуждается в другом?

Отец (вкрадчиво). Кто из нас двоих, Лени, больше боится другого?

Лени. Я не боюсь вас. (Смеется.) Какой блеф! (Вызывающе смотрит на него.) Знаете, почему я неуязвима? Я счастлива.

Отец. Ты? Что можешь ты знать о счастье?

Лени. А вы? Что вы о нем знаете?

Отец. Вот я гляжу на тебя: если это от счастья у тебя такие глаза, то это самая утонченная пытка.

Лени (почти растерянно). О да! Самая утонченная, самая утонченная! Я закружилась! Если остановиться – разобьюсь. Вот это и есть счастье, безумное счастье! (Торжествующе и зло.) Я-то вижу с францем! Я имею все, что хочу!

Отец мягко смеется.

(Умолкает и смотрит на него внимательно.) Нет. Вы ничего не делаете зря. Очевидно, у вас крупный козырь. Так. Откройте его.

Отец (добродушно). Вот так, сразу?

Лени (жестко). Да, сразу. Держите про запас? Для выигрыша, чтобы застать меня врасплох?

Отец (так же добродушно). А если я не хочу открывать карты?

Лени. Я вас заставлю.

Отец. Каким образом?

Лени. Не сдамся. (С трудом поднимает тяжелую Библию и кладет ее на стол.) Франц не примет вас, клянусь в этом. (Протягивает руку.) Клянусь на этой самой Библии, что вы умрете, не повидав его. (Пауза.) Вот так. (Пауза.) Теперь открывайте карты.

Отец (миролюбиво). Ишь ты! А ведь ты не расхохоталась. (Гладит ее волосы.) Когда я глажу твои волосы, я думаю о земле: снаружи покрыта шелком, а внутри кипит. (Медленно потирает руки. С безобидной и нежной улыбкой.) Я оставляю тебя, дитя мое. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лени одна, затем Иоганна, после отец.

Лени, не двигаясь, смотрит на дверь в глубине сцены налево, куда вышел отец.

Словно спохватившись, она направляется к стеклянным дверям направо, открывает их, закрывает наружные ставни и запирает застекленную дверь. Комната погружается в полумрак.

Лени медленно поднимается по лестнице на площадку и стучит в дверь франца: четыре удара, пять, затем два раза по три. В то время как она выстукивает два последних удара, справа в дверях бесшумно появляется Иоганна. Прислушивается. Слышно, как кто-то поворачивает ключ и снимает железный засов, дверь наверху открывается, из комнаты франца падает сноп электрического света. Но никого не видно. Лени скрывается за дверь: слышно, как задвигается засов и запирается замок. Иоганна входит в комнату, приближается к серванту, выстукивает указательным пальцем дважды по три

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosofff.org
удара, она явно хочет запомнить, но, очевидно, не расслышала первоначальные удары. Она снова повторяет сигнал. Внезапно все лампочки огромной люстры ярко освещают комнату. Иоганна вздрагивает, еле сдерживаясь, чтобы не вскрикнуть. Это отец, вошедший слева, включил свет. Иоганна прикрывает глаза рукой.

Отец. Кто здесь?

Иоганна опускает руку.

Иоганна! (Направляется к ней.) Ради бога, простите. (Он уже на середине комнаты.) Во время допросов в полиции арестованному направляли прожектор в лицо: что вы могли подумать обо мне, я ослепил вас таким ярким светом?

Иоганна. Думаю, что вам следовало бы погасить его.

Отец (не двигаясь). А еще?

Иоганна. И еще, что хотя вы и не полицейский, но все же собираетесь подвергнуть меня допросу.

Отец улыбается и опускает руки с наигранно убитым видом.

(Очень быстро.) Вы никогда не входите в эту комнату. Что вы здесь делали, как не подстерегали меня?

Отец. Но, дитя мое, ведь вы тоже никогда сюда не входите.

Иоганна не отвечает.

Допрос не состоится. (Зажигает две лампы под розовыми муслиновыми абажурами и гасит люстру.) Вот розовый свет полуправды. Теперь вам лучше?

Иоганна. Нет. Позвольте мне уйти.

Отец. Позволю, когда вы выслушаете мой ответ.

Иоганна. Я ни о чем не спрашивала.

Отец. Вы спросили, что я здесь делаю, и я хочу вам ответить, хотя мне нечем гордиться. (Короткая пауза.) Вот уже многие годы почти что ежедневно, когда я убежден, что Лени не застанет меня врасплох, я сажусь в это кресло и жду.

Иоганна (с невольным интересом). Чего?

Отец. Что Франц зашагает по комнате и мне посчастливится услышать его шаги. (Пауза.) Вот все, что мне осталось от моего сына: звук шаркающих по полу подошв. (Пауза.) Ночью я встаю. Все снят, но я знаю, что Франц бодрствует: и он и я, мы оба мучаемся той же бессонницей. Это тоже способ общения. А вы, Иоганна? Кого подстерегаете вы?

Иоганна. Я никого не подстерегала.

Отец. Значит – просто случай, редчайший случай. Счастливая случайность: я хотел поговорить с вами с глазу на глаз. (При виде раздражения Иоганны, живо добавляет.) Нет, нет, не надо тайн, никаких тайн, только от Лени. Вы все скажете Вернеру, я на этом настаиваю.

Иоганна. Так проще всего было бы его позвать.

Отец. Я прошу вас – две минуты. Две минуты, и я сам его позову. Если вы будете еще настаивать на этом.

Иоганна (удивленная последней фразой, останавливается и смотрит на него в упор). Отлично. Чего же вы хотите?

Отец. Хочу поговорить с невесткой о молодом семействе Герлахов.

Иоганна. Молодое семейство Герлахов разбилось вдребезги.

Отец. Да что вы говорите?

Иоганна. Ничего нового: и это вы сами разбили его.

Отец (расстроенный). Боже мой! Это просто по неловкости. (Сочувственно.) Но мне показалось, что вы знаете способ все поправить.

Иоганна быстро направляется в глубину сцены налево.

Что вы делаете?

Иоганна (включая полный свет). Начинается допрос – я включаю прожектора. (Возвращается и становится под люстрой.) Где мне встать? Здесь? Отлично. А теперь, под холодным светом абсолютной правды и абсолютной лжи, заявляю, что не стану ни в чем сознаваться по той простой причине, что мне не в чем сознаваться, кроме как в своем собственном бессилии, я одна. Я уеду, буду ожидать Вернера в Гамбурге. Если он не вернется... (Жест отчаяния.)

Отец (очень серьезно). Бедная Иоганна, мы причинили вам столько зла. (Внезапно изменившимся голосом, доверительно, но и весело.) А главное – будьте красивы.

Иоганна. Что вы сказали?

Отец (с улыбкой). Я сказал – будьте красивы.

Иоганна (резко и оскорбленно). Красива?

Отец. Вам это легко.

Иоганна (с той же интонацией). Красива! Очевидно, чтоб вы лучше меня запомнили в день расставания?

Отец. Нет, Иоганна: в день, когда вы пойдете к Францу.

Иоганна потрясена.

Ну, две минуты истекли: прикажете позвать вашего мужа?

Она делает отрицательный жест.

Отлично, пусть это будет нашей тайной.

Иоганна. Вернер все узнает.

Отец. Когда?

Иоганна. Через несколько дней. Да, я повидаю вашего Франца, повидаю вашего домашнего тирана, лучше обращаться к богу, чем к его угодникам.

Отец (после паузы). Я рад, что вы решили попытать ваше счастье. (Принимается потирать руки. Спыхватывается и прячет руки в карманы.)

Иоганна. Позвольте мне в этом усомниться.

Отец. Почему?

Иоганна. Потому что наши интересы противоположны. Я хочу, чтобы Франц вернулся к нормальной жизни.

Отец. Я также этого хочу.

Иоганна. Вы? Да стоит ему только высунуть нос, как жандармы схватят его и семья будет обеспечена.

Отец (улыбаясь). Мне кажется, что вы не вполне представляете себе мое могущество. Пусть только сын мой спустится, и я тотчас же все улажу.

Иоганна. Ничего лучше не придумать, если вы хотите, чтобы он тотчас убежал в свою комнату и заперся там навсегда.

Пауза.

Отец (опустил голову и устался на ковер. Глухим голосом). Один шанс из десяти – что он откроет вам дверь, один из ста – что выслушает вас, один из тысячи – что ответит вам, будь у вас этот тысячный шанс...

Иоганна. Что тогда?

Отец. Согласились бы вы сказать ему, что я должен умереть?

Иоганна. А разве Лени?..

Отец. Нет. (Поднял голову.)

Иоганна (пристально смотрит на него). Так вот в чем дело! (Не отрывая от него взгляда.) Вы не лжете. (Пауза.) Один шанс из тысячи. (Вздрагивает и, спохватившись, добавляет.) Надо ли спросить его, хочет ли он вас принять?

Отец (поспешно, испуганно). Нет, нет! Простое сообщение, ничего больше: старик умирает. Никаких комментариев. Обещаете?

Иоганна (улыбаясь). Клянусь на Библии.

Отец. Спасибо.

Иоганна продолжает смотреть на него.

(Сквозь зубы, словно желая объяснить ей свои действия, но глухим голосом, как если бы он говорил самому себе.) Мне хотелось бы помочь ему. Не предпринимайте ничего сегодня. Лени вернется поздно, он, вероятно, будет утомлен.

Иоганна. Тогда завтра?

Отец. Да. В середине дня.

Иоганна. Где я вас найду, если вы мне понадобится?..

Отец. Нигде. (Пауза.) Я уезжаю в Лейпциг. (Пауза.) Если вас постигнет неудача... (Жест.) Я вернусь через несколько дней. Когда вы или выиграте или проиграете.

Иоганна (взволнованно). Вы оставите меня одну? (Спохватившись.) А почему нет? (Пауза.) Ну, счастливого вам пути, и умоляю, не надо никаких пожеланий...

Отец. Погодите! (С извиняющейся улыбкой, но очень серьезно.) Боюсь вызвать ваше раздражение, дитя мое, но повторяю, вам надо быть красивой.

Иоганна. Опять!

Отец. Вот уже тринадцать лет, как Франц никого не видел. Ни души.

Иоганна (пожимая плечами). Кроме Лени.

Отец. Лени не душа. И я не уверен в том, что он ее видит. (Пауза.) Он откроет дверь, и что же произойдет? Вдруг испугается? Навсегда замкнется в своем одиночестве?

Иоганна. А что изменится, если я размалю себе лицо?

Отец (мягко). Он любил красоту.

Иоганна. К чему она была ему – сыну промышленника?

Отец. Он завтра вам скажет об этом.

Иоганна. Ничего он мне не скажет. (Пауза.) Я некрасива. Понятно?

Отец. Если вы некрасивы, то кто же?

Иоганна. Никто. Существуют лишь замаскированные уроды. А я не хочу больше носить маску.

Отец. Даже для Вернера?

Иоганна. Да, даже для Вернера. Оставьте ее себе. (Пауза.) Понятен ли вам смысл моих слов? Меня делали... красивой. Для каждого очередного фильма. (Пауза.) Простите, это мое больное место. Когда мне об этом напоминают, я теряю голову!

Отец. Это я должен просить прощения, дитя мое.

Иоганна. Оставьте. Откуда вам знать. А если бы и знали, не важно. (Пауза.) Я была, вероятно, миловидна... Мне говорили, что я красива, а я поверила. Разве я знала, что мне делать на земле? Нужно как-то оправдать свое бытие. Обидно, что они ошиблись. (Резко.) Ну а корабли? Они служат оправданием?

Отец. Нет.

Иоганна. Я так и думала. (Пауза.) Пусть франц принимает меня такой, какая я есть. В этом платье и с этим лицом. Первая случайная женщина всегда достаточно хороша для мужчины.

Пауза. У них над головой раздаются шаги франца. Неровные шаги, то замедленные, то быстрые, то просто топот на месте. Иоганна смотрит на отца с волнением, словно спрашивая: «Так это франц?»

Отец (отвечая на ее взгляд). Да.

Иоганна. И вы целые ночи напролет...

Отец (бледный и напряженный). Да.

Иоганна. Я отказываюсь.

Отец. Вы думаете, он сумасшедший?

Иоганна. Неизлечимо.

Отец. Это не безумие.

Иоганна (пожимая плечами). Что же это тогда?

Отец. Горе.

Иоганна. А кто несчастнее безумца?

Отец. Он.

Иоганна (резко). Я не пойду к францу.

Отец. Пойдете. Завтра, в середине дня. (Пауза.) Другого шанса нет ни у кого из нас: ни у вас, ни у него, ни у меня.

Иоганна (повернувшись к лестнице, медленно). Я поднимусь по этой лестнице, постучу в эту дверь...

Пауза. Шаги стихли.

Хорошо, я буду красивой. Чтобы защитить себя.

Отец улыбается ей и потирает руки.

Занавес

АКТ ВТОРОЙ

Комната франца. Налево в нише дверь (выходит на площадку). Железный засов.

В глубине комнаты – огромная кровать, без тюфяка и простыней: на пружинном матрасе – свернутое одеяло. По обе стороны кровати – две двери: одна ведет в ванную, другая – в туалет. Справа у стены – стол и один стул. Слева – свалена в кучу сломанная мебель, битые безделушки: остатки былой мебелировки. Справа в глубине комнаты, над кроватью, – огромный портрет Гитлера. Там же полки с катушками магнитофонной пленки. По стенам развешаны плакаты, напечатанные на машинке и прописью: «Просьба не мешать». «Страх запрещен». Стол завален устрицами, бутылками из-под шампанского, бокалами, линейками и пр. Стены и потолок в пятнах от сырости.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Франц, Лени.

Франц в солдатской форме. Мундир рваный, местами сквозь дыры просвечивает тело. Он сидит спиной к Лени и на три четверти спиной к зрителю. Под столом спрятан магнитофон. Лицом к зрителю, в белом фартуке, Лени подметает комнату. Она работает спокойно, неторопливо, без лишней суетливости, как подобает хорошей хозяйке. У нее ничего не выражающее, почти сонное лицо. В то время как Франц говорит, Лени изредка поглядывает на него, она явно следит за ним, выжидая, когда он кончит вещать.

Франц. Незримые обитатели потолка, внимание! Незримые обитатели потолка, внимание! Вас обманывают. Два миллиарда лжесвидетелей! Два миллиарда ложных показаний в секунду! Выслушайте жалобу человечества: «Нас предали наши действия. Нас предали наши слова и наш подлый образ жизни...» Ракообразные, подтверждаю мои показания: они не думали того, что говорили, и не совершали того, что хотели. Мы заявляем суду: невиновны. Главным образом, не вздумайте выносить приговор на основании признаний, пусть даже подписанных. В наше время говорили: «Обвиняемый сознался, следовательно, он невиновен». Дорогие слушатели, мой век был веком разбазаривания: в высших сферах решили истребить род людской. Начали с Германии, уничтожив ее до конца. (Наполняет бокал.) Лишь один говорил правду: рухнувший Титан, воин и мирянин, свидетель-очевидец, испокон веку и навсегда, *in secula seculorum* [1 – Во веки веков (латин.)]. Это – я. Человек мертв, и я свидетельствую за него. Века, я дам вам ощутить, каков был привкус моего века, и вы оправдаете обвиняемых. Факты, я на них плюю: предоставляю их лжесвидетелям; я предоставляю им причины случайные и основные. У нашего века был свой особый привкус. Мы постоянно ощущали его. (Пьет.) И пили, чтобы его заглушить. (Задумавшись.) И странный же это был вкус. А? Что? (Внезапно поднимается, содрогаясь от ужаса.) Но я еще вернусь к этому.

Лени (думая, что он закончил запись). Франц, мне надо поговорить с тобой.

Франц (кричит). В присутствии Крабов – молчать.

Лени (ровным голосом). Послушай, дело серьезное.

Франц (Крабам). Значит, вы спрятались под скорлупой? Bravo! Прощай, нагота! Но зачем вы сохранили глаза? Самое уродливое, что было у нас. А? Зачем? (Ждет ответа.)

Раздается треск.

(Вздрагивает. Изменившимся, глухим, хриплым голосом, скороговоркой.) В чем дело? (Поворачивается к Лени, смотрит на нее подозрительно и строго.)

Лени (спокойно). Пленка. (Нагибается, достает магнитофон и ставит его на стол.) Кончилась... (Нажимает на кнопку.)

Пленка перематывается, голос Франца раздается в обратном порядке.

Выслушай меня наконец.

Франц опускается на стул, положив руку на грудь.

(Оборачивается к нему. Заметив его страдальческий вид, равнодушно.) Что произошло?

Франц. Что могло произойти?

Лени. Сердце?

Франц (страдальчески). Перебои!

Лени. А что тебе нужно, вымогатель? Другую пленку?

Франц (сразу успокоившись). Нет, не надо. (Встает, смеется.) Я труп, Лени. Мертвецки устал. Убери их!

Она собирается снять пленку.

Погоди! Прислушаю себя еще раз?

Лени. С самого начала?

Франц. Все равно.

Лени включает аппарат. Слышен голос Франца: «Лишь один говорит правду...» и т. д.

(Одно мгновение слушает, лицо сводит судорога. Говорит на фоне записи.) Я не то хотел сказать. Кто это говорит? Ни слова правды. (Снова прислушивается.) Не могу выносить этого голоса. Он мертвый! Да останови же, бог мой. Останови, ты меня с ума сведешь!..

Лени не спеша выключает магнитофон и перематывает пленку. Она ставит номер на пленке и кладет ее рядом с другой.

(подавленно, глядя на нее.) Так. Опять все сызнова.

Лени. Как всегда.

Франц. Нет. Все же я продвигаюсь. В один прекрасный день слова сами по себе придут ко мне, и я скажу то, что хочу. Потом отдохну. (Пауза.) Ты думаешь, это существует?

Лени. Что?

Франц. Отдых.

Лени. Нет.

Франц. Я так и думал.

Короткая пауза.

Лени. Так ты выслушаешь меня?

Франц. Ну?

Лени. Мне страшно.

Франц (вздвигнув). Страшно? (Смотрит на нее с беспокойством.) Как, ты сказала: страшно?

Лени. Да.

Франц (резко). Тогда убирайся вон! (Берет со стола линейку и концом ее ударяет по надписи: «Страх запрещен».)

Лени. Отлично. Мне уже не страшно. (Пауза.) Прошу тебя: выслушай меня.

Франц. Я ничего другого не делаю. У меня и так от тебя трещит голова. (Пауза.) Ну?

Лени. Я не знаю точно, что там творится, но...

Франц. Что творится? Где? В Вашингтоне? В Москве?

Лени. Внизу, под тобой.

Франц. Подо мной? (Внезапно понижая.) Отец умирает.

Лени. При чем тут отец? Он всех нас переживет.

Франц. Тем лучше.

Лени. Тем лучше?

Франц. Лучше или хуже, мне плевать. Ну? В чем же дело?

Лени. Тебе грозит опасность.

Франц (убежденно). Да. После моей смерти! Если мой след будет затерян в веках, все пойдет насмарку. Кто спасет тогда Человека, Лени?

Лени. Кому захочется. Со вчерашнего дня твоя жизнь в опасности.

Франц (равнодушно). Ну и защищай меня: это твое дело.

Лени. С твоей помощью.

Франц. У меня нет времени. (Раздраженно.) Я пишу историю, а ты пристаешь с анекдотами.

Лени. По-твоему, это анекдот, если они убьют тебя?

Франц. Да.

Лени. Даже если тебя убьют преждевременно?

Франц (нахмурившись). Преждевременно? (Пауза.) Кто меня хочет убить? Лени. Оккупанты.

Франц. Понимаю. (Пауза.) Мне заткнут глотку, а тридцатый век будет обманут с помощью фальшивых документов. (Пауза.) Они кого-нибудь подослали к нам в дом?

Лени. По-моему, да.

Франц. Кого же?

Лени. Не знаю еще. Думаю, что жену Вернера.

Франц. Горбунью?

Лени. Да. Она повсюду сует свой нос.

Франц. Угости ее крысиным ядом.

Лени. Она очень осторожна.

Франц. Как все сложно! (Беспокойно.) Мне нужно еще десять лет.

Лени. Предоставь мне десять минут.

Франц. Ты мне надоела. (Идет в глубь сцены, проводит рукой по сложенным на этажерке пленкам.)

Лени. А если у тебя украдут их?

Франц (резко поворачивается к ней). Что?

Лени. Пленки.

Франц. Ты сошла с ума.

Лени (сухо). Что если они придут в мое отсутствие, или еще проще: прикончат меня?

Франц. Ну и что? Я не открою. (Улыбаясь.) Они и тебя хотят убить?

Лени. Вероятно. Как ты проживешь без меня?

Франц не отвечает.

Ты умрешь с голоду.

Франц. Нет у меня времени голодать. Я просто умру – и все. Мое дело вещать. Смерть, она завладеет моим телом, а я даже не замечу этого и буду продолжать говорить. (Пауза.) Одно хорошо, тебе не придется закрывать мне глаза. Они выломают дверь и что найдут? Труп убитой Германии. (Смеется.) Подобно нечистой совести, я буду издавать зловоние.

Лени. Ничего им не придется выламывать. Они постучат, ты будешь жив еще, и ты им откроешь.

Франц (удивленно, улыбаясь). Я?

Лени. Ты. (Пауза.) Они знают сигнал.

Франц. Они не могут его знать.

Лени. Последнее время они шпионят за мной, ты думаешь, они его не подслушали? Отец, например, несомненно знает.

Франц. Вот как? (Помолчав.) Он с ними заодно?

Лени. Кто знает? (Пауза.) Говорю тебе: ты им откроешь, откроешь.

Франц. И что же потом?

Лени. Отберут пленки.

Франц (открывает ящик стола, достает револьвер и с улыбкой указывает на него Лени). А это?

Лени. Они не станут прибегать к насилию, а просто убедят отдать их.

Франц смеется.

Умоляю: изменим сигнал.

Франц уже не смеется. Он смотрит на нее угрюмо, как затравленный зверь.

Ну так как же?

Франц. Нет. (На ходу вымышляет причину отказа.) Все неразрывно связано. История подобна священному писанию: изменишь запятую, и ничего не останется.

Лени. Отлично. Не будем касаться истории. Ты подаришь им пленки, а сверх того магнитофон.

Франц (с загнанным видом разглядывает пленки; колеблется, обуреваемый сомнениями). Пленки... пленки.. (Пауза. Задумывается, резким движением сметает их на пол.) Вот что я с ними сделаю! (Крайне возбужденно, таинственно, точно доверяет Лени важную тайну, а на самом деле придумывает все тут же на месте.) Представь себе, пленками я занимался на всякий случай. На тот случай, если бы тридцатый век не изобрел магическое стекло.

Лени. Стекло? Это что-то новое. Ты никогда не упоминал о нем.

Франц. Я не все рассказываю тебе, сестренка. (С довольным видом потирает руки, как отец.) Представь себе черное стекло. Тоньше эфира. Сверхчувствительное. На нем отражается дуновение. Малейшее дуновение. Вся история отражена на нем от начала времен до вот этого жеста. (Щелкает пальцами.)

Лени. Где же оно?

франц. Стекло? Повсюду. Здесь. Это изнанка света. Они изобретут аппарат с вибрирующими пластинками, и все оживет. Ну что? (Точно в трансе.) Все наши деяния. (Снова резким и вдохновенным тоном.) То будет настоящий кинематограф: собравшись в кружок, Крабы увидят пылающий Рим и танцующего Нерона. (Обращаясь к фотографии Гитлера.) И тебя увидят, папаша. Ведь ты плясал, не правда ли? (Поддает ногой пленки.) В огонь! В огонь! На кой дьявол они мне сдались? Освободи меня от них. (Внезапно.) Что ты делала шестого декабря тысяча девятьсот сорок четвертого года в двадцать часов тридцать минут?

Лени пожимает плечами.

Не помнишь? А они знают: твоя жизнь раскрыта для них, Лени; я открыл жестокую истину: мы живем под постоянным наблюдением.

Лени. Мы?

франц (лицом к публике). И ты, и я, и все эти мертвецы; люди. (Смеется.) Держись прямо. За тобой наблюдают. (Мрачно, про себя.) Никто не предоставлен самому себе.

Короткий смех Лени.

Смейся, пока не поздно, бедная Лени. Тридцатый век придет как вор. Поворот рычага, ночь оживет; ты очутишься среди них.

Лени. Живая?

франц. Умершая тысячу лет назад.

Лени (равнодушно). Подумаешь!

франц. Погребенная и ожившая вновь: стекло все восстановит, даже наши мысли. Ну что? (Пауза. Не то с искренним, не то с притворным волнением.) А быть может, мы уже там?

Лени. Где?

франц. В тридцатом веке. Уверена ли ты, что эта комедия идет впервые? Мы еще живые или уже перевоплотились? (Смеется.) Держись прямо. Если Ракообразные наблюдают, не сомневайся, они считают нас безобразными.

Лени. Почему ты так думаешь?

франц. Крабы любят только крабов: это естественно.

Лени. А если это были люди?

франц. В тридцатом-то веке? Если останется хоть один человек, его поместят в музей... Неужели ты думаешь, они сохраняют нашу нервную систему?

Лени. И потому это превращение в крабов?

франц (сухо). Да. (Пауза.) У них будут иные тела, а следовательно, иные мысли. Но какие? Какие?.. Суди сама, как важно и сложно мое дело. Я защищаю вас перед судьями, которых не имею чести знать. Работа вслепую: ты здесь невзначай обронил слово, а оно обрушивается из века в век. Что оно будет означать там? А знаешь, я иногда говорю белое, когда хочу, чтобы они представили себе черное. (В отчаянии опускается на стул.) О боже!

Лени. Что еще?

франц (подавленно). Стекло!

Лени. Ну и что?

франц. Теперь все отражено на стекле. Нам постоянно придется следить за собой. Надо же было мне его найти! (Резко.) Объясняй! Оправдывай! Не знать ни минуты покоя! Мужчины, женщины, затравленные палачи, неумолимые жертвы, я стал вашим мучеником.

Лени. Если они все видят, к чему твои пояснения?

Франц (смеясь). Ха! Но ведь это крабы, Лени: они ничего не понимают. (Вытерев лоб платком, разглядывает его и разочарованно бросает на стол.) Соленая водица.

Лени. А ты чего ждал?

Франц (пожав плечами). Кровавого пота. Я заработал его. (Вскакивает. Оживленно и притворно весело.) Слушай мою команду. Лени! Ты будешь читать прямую передачу. Небольшая проба голоса. Говори громко и четко. (Очень громко.) Свидетельствуй перед судьями, что Рыцари Демократии не позволяют нам восстанавливать стены наших жилищ.

Лени молчит, все это ее раздражает.

Начинай, а потом я выслушаю тебя.

Лени (обращаясь к потолку). Свидетельствую, что все рушится.

Франц. Громче!

Лени. Все рушится.

Франц. Что осталось от Мюнхена?

Лени. Несколько кирпичей.

Франц. От Гамбурга?

Лени. Пустыня.

Франц. Где обитают уцелевшие немцы?

Лени. В подвалах.

Франц (к потолку). Мыслимо ли себе это представить? Прошло тридцать лет! Улицы, заросшие травой, машины затерявшиеся среди сорняка. (Словно прислушиваясь к ответу.) Возмездие? Ерунда! Уничтожить конкуренцию в Европе – вот основной принцип. Отвечай, что осталось от нашего предприятия?

Лени. Две верфи.

Франц. Две! До войны у нас их было сто! (Потирает руки. Естественным голосом.) На сегодня достаточно. Голос слаб, но когда ты его форсируешь, то ничего. (Пауза.) Теперь говори (Пауза.) Итак, решено подорвать мой дух?

Лени. Да.

Франц. Неудачный маневр: мой дух непоколебим.

Лени. Бедный мой Франц! Он добьется всего, что задумал.

Франц. Кто?

Лени. Посланец оккупантов.

Франц. Ха! Ха!

Лени. Он постучит, ты откроешь и знаешь, что он скажет?

Франц. Плевать!

Лени. Ты считаешь себя свидетелем, скажет он, нет, ты обвиняемый. (Короткая пауза.) Что ты ответишь?

Франц. Ступай! Тебя подкупили. Это ты стремишься подорвать мой дух.

Лени. Но что ты ответишь, Франц? Что ответишь? Вот уже двенадцать лет, как ты стоишь на коленях перед судилищем будущего, признаешь за ним все права.

Тогда почему не признать за ним и право приговорить тебя?

Франц (кричит). Потому что я свидетель защиты!

Лени. Кто избрал тебя?

Франц. История.

Лени. И раньше бывало, что человек считал себя избранником истории, а она призывала другого.

Франц. Со мной этого не произойдет. Все будут оправданы. Даже ты, такова моя месть. Я загоню историю в мышиную нору! (Умолкает. Обеспокоенно. Тихо.) Они подслушивают. Ты заседаешь, заседаешь, и я заношусь. (В потолок.) Прошу прощения, дорогие слушатели: слова исказили мои мысли.

Лени (неистово, с иронией). Вот он, человек стального духа! (Презрительно.) Ты только и делаешь, что извиняешься.

Франц. Хотел бы я увидеть тебя на моем месте. Вечером они снова заскрипят.

Лени. Разве крабы скрипят?

Франц. Эти скрипят. Очень неприятно. (В потолок.) Дорогие слушатели. Прошу вас отметить поправку...

Лени (взрываясь). Довольно! Довольно! Пошли их вон!

Франц. Ты с ума сошла?

Лени. Дай отвод их суду, умоляю тебя, в этом единственная твоя слабость. Скажи им: «Вы мне не судьи!» и тебе некого будет бояться. Ни в этом мире, ни в ином.

Франц (резко). Ступай! (Берет две раковины и начинает тереть одну о другую.)

Лени. Я не закончила уборку.

Франц. Отлично. Удаляюсь в тридцатый век. (Встает, заменяет висящую на стене табличку с надписью: «Просьба не мешать» другой: «Вернусь завтра в полдень». Снова садится и продолжает тереть раковины.) Не гляди так пристально: у меня затылок горит. Я запрещаю наблюдать за мной! Если решила остаться – займись делом!

Лени не шевелится.

Сейчас же опусти глаза.

Лени. Опущу, если будешь говорить со мной.

Франц. Ты меня сведешь с ума! Сведешь с ума!

Лени (с невеселым смешком). Ты ни о чем другом и не мечтаешь!

Франц. Ты хочешь смотреть на меня? Гляди! (Встает, марширует гусиным шагом.) Ать-два! Ать-два!

Лени. Перестань!

Франц. Ать-два! Ать-два!

Лени. Умоляю тебя, перестань!

Франц. Что, красотка, боишься солдата?

Лени. Боюсь, что начну презирать тебя. (Снимает фартук, бросает его на кровать и направляется к двери.)

Франц (останавливается). Лени!

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosofff.org
Она уже подошла к двери.

(С оттенком нежности.) Не оставляй меня одного.

Лени (оборачивается к нему в страстном порыве). Хочешь, чтобы я осталась?
Франц (тем же тоном). Ты мне нужна, Лени.

Лени (направляется к Францу. На лице ее смятение). Милый! (Приблизившись к нему, нерешительно поднимает руку и гладит его по лицу.)

Франц (не протестует, потом отскакивает). На расстоянии! Только на почтительном расстоянии и без эмоций!

Лени (с улыбкой). Пуританин!

Франц. Пуританин? (Пауза.) Ты так думаешь? (Приближается к ней, ласково гладит ее плечи и шею.) Пуритане не умеют ласкать. (Ласкает ее.)

Она вздрагивает и закрывает глаза.

А я умею.

Лени прижимается к нему.

(Отпрянув.) Уходи! Ты мне отвратительна!

Лени (отступив на шаг, с ледяным спокойствием). Не всегда.

Франц. Всегда! Всегда! С первого же дня!

Лени. Встань на колени! Чего же ты ждешь? Проси у них прощения.

Франц. За что? Ведь ничего не было!

Лени. А вчера?

Франц. Я тебе говорю, что ничего, ничего!

Лени. Ничего, кроме кровосмешения.

Франц. Ты всегда преувеличиваешь.

Лени. Разве ты мне не брат?

Франц. Ну брат.

Лени. И разве мы не любили друг друга?

Франц. Почти.

Лени. Даже если это было хоть раз... Неужто ты боишься слов?

Франц (пожимая плечами). Слова! (Пауза.) Разве нужно подыскивать слова, чтобы определить все терзания этой падали! (Смеется.) Ты считаешь, это любовь? О сестричка! Ты была рядом, я обнимал тебя, и произошло то, что происходит еженощно со всякой живой тварью на этой земле. (В потолок.) Торжественно заявляю: никогда Франц, старший сын Герлахов, не желал своей младшей сестры Лени.

Лени. Трус! (В потолок.) Вы, незримые обитатели потолка, свидетель защиты нашего века всего лишь лжесвидетель! Я, Лени, преступная сестра, люблю Франца как женщина, и люблю его, потому что он мне брат. Если у вас осталось малейшее представление о том, что такое семья, вы осудите нас без права обжалования. (Францу.) Бедный барашек. Но мне на это плевать! Вот как надо с ними разговаривать. (Крабам.) Он вожделеет, не любя меня, подыхая от стыда, под покровом темноты. И я в выигрыше. Я добилась того, что хотела.

Франц (Крабам). Она сошла с ума. (Подмигивая им.) Я вам все разъясню. Когда мы останемся одни.

Лени. Не смей. Я умру, уже умерла и запрещаю выступать в мою защиту. У меня лишь один судья – я сама, и я оправдываю себя. О свидетель защиты, свидетельствуй лишь перед самим собой. Ты будешь неуязвим, если осмелишься заявить: «Я делал то, что желал, и желал того, что делал».

Франц (внезапно лицо его каменеет, оно полно ненависти и угрозы; голос жесткий, с подозрением). А что я совершил, Лени?

Лени (вскрикнув). Франц! Если ты не будешь защищаться, они тебя доконают.

Франц. Что я делал, Лени?

Лени (беспокойно и уже сдаваясь). Ну как же... Я только что говорила об этом...

Франц. Нет, Лени, у тебя не то было сейчас на уме... (Пауза.) Что я совершил?

Долгая пауза. Оба глядят друг другу в глаза.

Лени (первая отводя взгляд). Хорошо. Я проиграла: забудь обо всем. Я буду защищать тебя без твоей помощи: я к этому привыкла.

Франц. Ступай прочь! (Пауза.) Если не уйдешь, объявляю забастовку – замолкну. Ты знаешь, я могу молчать два месяца.

Лени. Знаю. (Пауза.) А я не могу. (Подходит к двери, отодвигает засов, поворачивает ключ.) Вечером принесу тебе еду.

Франц. Бесплезно: я не открою тебе.

Лени. Дело твое. А мое – принести тебе обед.

Он не отвечает.

(У выхода, Крабам.) Если он не откроет, спокойной ночи, мои милые! (Закрывает за собой дверь.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Франц, один.

Переждав мгновение, он подходит к двери; все его движения выдают человека, чувствующего опасность. Выражение напряженности исчезает с его лица, лишь после того как он задвигает железный засов и запирает дверь. Он становится спокойным, почти добродушным, но именно с этого момента он кажется еще более безумным. На протяжении всей сцены слова его обращены к воображаемому Крабам. Это не монолог, а диалог с невидимым собеседником.

Франц. Не доверяю этому свидетелю. Допрашивать лишь в моем присутствии и согласно моим указаниям. (Пауза. С видом человека спокойного, усталого. Тон нарочито ласковый.) Она утомительна? Да... да... Действительно утомительна. Но какой темперамент! (Зевая.) Основная ее обязанность – не давать мне заснуть. (Зевает.) Вот уже двадцать лет, как длится полночь этого века. Не так-то легко всю долгую полночь держать глаза открытыми. Нет, нет: всего лишь минутная сонливость. Со мной это бывает, когда я один. (Дремота одолевает его.) Не надо было отсылать ее. (Покачнувшись, выпрямился резким движением, военным шагом подходит к столу. Берет ракушки и бросает в портрет Гитлера, кричит.) Осада! Хайль! Осада! Хайль! Осада! (Вытягивается по струнке «смирно». Щелкает каблуками.) Я солдат, фюрер. Плохо будет, если я засну, это серьезно, это очень серьезно – покинуть пост. Клянусь тебе, что не засну. Включайте фары, вы там! Полный свет, прямо в морду, в глаза, тогда сразу проснешься. (Чего-то ждет.) Посижу минутку... (Садится, голова покачивается, глаза полусонные.) Розы... О! Как это прекрасно... (Резко встает, опрокидывая стул.) Розы? Если я приму букет, меня отметят на карнавале. (Крабам.) Постыдный карнавал! Ко мне, друзья, я слишком много знаю, меня хотят загнать в яму, это великое искушение! (Подходит к ночному столику, достает таблетки и грызет их.) Тьфу! Дорогие слушатели, прошу

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosofff.org
отметить мои новые позывные: «Д. П. К.» De profundis clamavi! [2 - Из бездны
воззвал (латин.).] Слушайте все! Скрипите! Скрипите! Если вас не будет
слышно, я засну. (Наливает бокал шампанского, пьет, проливая на мундир.
Рука его безжизненно опускается и повисает вдоль туловища, не выпуская
бокал.) А тем временем век продолжает свою скачку... Они набили мне голову
ватой. Туман. Все бело. (Мигая.) Туман стелется по полям... Он защищает их.
Они ползут. Сегодня ночью прольется кровь.

Отдаленные выстрелы, крики, топот ног. Франц погружается в сон. Глаза его
закрыты. Открывается дверь, из туалета выходит фельдфебель Герман, подходит
к Францу. Тот, не открывая глаз, поворачивается к публике. Фельдфебель
отдает честь и вытягивается.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Франц, фельдфебель Герман.

Франц (не открывая глаз, глухим голосом). Партизаны?

Фельдфебель. Человек двадцать.

Франц. Убитые есть?

Фельдфебель. Нет. Двое раненых.

Франц. У нас?

Фельдфебель. У них. Их заперли в сарай.

Франц. Приказ вы знаете. Идите.

Фельдфебель (смотрит на Франца в нерешительности и с раздражением).
Слушаюсь, господин лейтенант. (Отдает честь, повернувшись кругом, выходит.)

Пауза. Голова Франца опускается на грудь. Он издает страшный крик и
просыпается.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Франц, один.

Франц (внезапно просыпается и растерянно смотрит на публику). Нет! Генрих!
Генрих! Я сказал – нет! (С трудом поднимаясь, берет со стола линейку,
ударяет по пальцам левой руки, словно повторяя заученный урок.) Разумеется
– да. (Ударяет линейкой.) Я один несу ответственность за все. Что она
сказала? (Применяя к себе слова Лени.) Я делал то, что желал, и желал того,
что делал. (С видом затравленного зверя.) Заседание от двадцатого мая три
тысячи пятьдесят девятого года, лейтенант Франц фон Герлах. Не выбрасывайте
на свалку мой век, не выслушав меня до конца. Зло, господа судьи, Зло было
нашим единственным сырьем. Его перерабатывали на наших очистительных
заводах. А законченной продукцией было Добро. В результате Добро обращалось
во Зло. Не воображайте, пожалуйста, что Зло превращалось в Добро.
(Добродушно улыбается. Опустив голову.) Что? (Кричит.) Сонливость?
Опомнись! Это уже маразм. Они решили уничтожить меня. Будьте начеку, судьи:
если я потеряю рассудок, век мой погибнет. Во все времена для стада нужна
заблудшая овца. Что скажет сороковой век, о Ракообразные, если двадцатый
век будет затерян? (Пауза.) Нет помощи? никогда нет помощи? Да свершится
воля твоя. (Доходит до авансцены и возвращается обратно, чтобы сесть.) Не
следовало мне прогонять ее.

Стук в дверь.

(Прислушивается к сигналам и выпрямляется.)

Снова условный стук.

(Радостно вскрикивает.) Лени! (Бежит к двери, снимает засов, движения его четки и решительны. Он уже совсем проснулся. Открывает дверь.) Входи скорей! (Отступает, чтобы пропустить.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Франц, Иоганна.

Иоганна появляется на пороге. Она очень красива, накрашена, в длинном платье. Франц отступает.

Франц (с глухим криком). Что? (Отступает.) Что такое? (Не дает ей ответить.) Ни слова! (Пятится и садится верхом на стул. Точно зачарованный, долго ее разглядывает. Затем, кивнув головой, словно соглашаясь с чем-то, тихим голосом.) Да. (Короткая пауза.) Она войдет...

По мере того как он говорит, Иоганна все это проделывает.

И я останусь один. (Крабам.) Спасибо, друзья! Ваша поддержка крайне необходима. (Словно в экстазе.) Она не проронит ни слова, точно видение; я буду смотреть на нее!

Иоганна (она тоже как бы зачарована, но, спохватившись, улыбается, чтобы побороть страх). Я должна поговорить с вами.

Франц (пятясь, медленно отходит, не сводя с нее глаз). Нет! (Стучит по столу.) Я знал, что она все испортит. (Пауза.) Значит, кто-то здесь есть. У меня! Исчезни!

Иоганна не двигается.

Сейчас вас вышвырнут как попрошайку.

Иоганна. Кто?

Франц (кричит). Лени! (Пауза.) О трезвая головка, вы нашли уязвимое место: я один. (Резко поворачивается к ней. Пауза.) Кто вы такая?

Иоганна. Жена Вернера.

Франц. Жена Вернера? (Встает. Смотрит на нее.) Жена Вернера? (Смотрит на нее еще более удивленно.) Кто вас послал?

Иоганна. Никто.

Франц. Откуда вы узнали сигнал?

Иоганна. От Лени.

Франц (с сухим смешком). От Лени! Так я вам и поверил.

Иоганна. Она стучала. Я... случайно услышала и сосчитала удары.

Франц. Меня предупреждали, что вы повсюду рыщете. (Пауза.) Сударыня, вы могли убить меня.

Иоганна смеется.

Смейтесь! Смейтесь! Я мог умереть от изумления. Что бы вы делали тогда? У меня больное сердце, мне не разрешено принимать посетителей. Мое сердце могло не выдержать подобного сюрприза К счастью, вы оказались красивы. О! Минуточку: теперь все прошло. Я принял вас бог знает за кого... возможно, за видение. Воспользуйтесь моей ошибкой, скройтесь, прежде чем совершить преступление!

Иоганна. Нет!

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosofff.org
Франц (кричит). Да я... (С угрожающим видом бросается на нее и останавливается. Тяжело опускается на стул. Щупает пульс.) Не менее сорока ударов в минуту. Ступайте прочь отсюда! О господи, вы что, не видите – я могу околоть в любую минуту!

Иоганна. Это будет самым лучшим выходом.

Франц. Как? (Отнимает руку от сердца, изумленно уставившись на Иоганну.) Она была права: вас подкупили! (Встает и шагает взад и вперед.) Не так-то легко со мной расправиться. Спокойно! Спокойно! (Быстро подходит к ней.) Лучший выход? Для кого? Для всех лжесвидетелей земли?

Иоганна. Для Вернера и для меня. (Смотрит на него в упор.)

Франц (ошеломлен). Я вам мешаю?

Иоганна. Вы наш тиран.

Франц. Я даже не знаю вас.

Иоганна. Вы знаете Вернера.

Франц. Я забыл, как он выглядит.

Иоганна. Нас силой держат здесь. Из-за вас.

Франц. Кто?

Иоганна. Отец и Лени.

Франц (насмешливо). Вас бьют или заковывают в цепи?

Иоганна. Нет.

Франц. Что же тогда?

Иоганна. Шантаж.

Франц. Да. Это они умеют. (Короткий смешок. И снова удивленно.) Из-за меня? Но чего же они хотят?

Иоганна. Держать нас на всякий случай в резерве, на смену.

Франц (развеселившись). Ваш муж будет меня кормить, а вы – подметать мою комнату? Вы умеете штопать?

Иоганна (указывая на изорванный мундир). Очевидно, работы будет не очень много.

Франц. Ошибаетесь! Лохмотья целебные. У моей сестры руки волшебницы... (Внезапно переходит на серьезный тон.) Замена не нужна. Забирайте вашего Вернера к черту, и чтобы я вас больше не видел! (Идет к столу, оборачивается, прежде чем сесть.) Вы еще здесь?

Иоганна. Да.

Франц. Вы что, не поняли: я вам возвращаю свободу.

Иоганна. Вы мне ровным счетом ничего не возвращаете.

Франц. Повторяю – вы свободны.

Иоганна. Это всего лишь выброшенные на ветер слова!

Франц. От меня ждут действий?

Иоганна. Да.

Франц. Каких же?

Иоганна. Лучший исход, если вы покончите с собой.

Франц. Опять! (Смеется.) На это не рассчитывайте. Не старайтесь.

Иоганна (после паузы). Тогда, помогите нам.

Франц (ошеломленно). Что?

Иоганна (с жаром). Франц, вы должны нам помочь.

Пауза.

Франц. Нет. (Пауза.) Я не принадлежу этому веку. Я спасу всех сразу и никого в отдельности. (Взволнованно шагает по комнате.) Запрещаю вам впутывать меня в вашу историю. Я болен. Понимаете? Моим недугом злоупотребляют, вынуждая меня жить в унижительной зависимости. И вам должно быть стыдно, вам, молодой и здоровой, призывать на помощь угнетенного калеку. (Пауза.) Я очень слаб, сударыня, и мне прежде всего необходим покой. Таков приказ врачей. Вас могут задушить у меня на глазах, и я пальцем не шевельну. (Заискивающе.) Я вам противен?

Иоганна. Глубоко противны.

Франц (потирая руки). Вот и отлично.

Иоганна. Но недостаточно противны, чтобы я ушла.

Франц. Отлично. (Берет револьвер и целится в нее.) Считаю до трех.

Она улыбается.

Раз! (Пауза.) Два! (Пауза.) Хлоп! и больше никого! Исчезла! (Крабам.) Какое спокойствие! Она замолкла. В этом все дело, друзья: «Будь красив и молчи!» Видение. Оно тоже отразилось на вашем стекле? Нет! А что могло отразиться? Ничего не изменилось; ничего не произошло. Пустоту комнаты прорезал выстрел, вот и все. Пустота, бриллиант, не оставивший следа на стекле, небытие. Красота. Вы видите только огонь, бедные Ракообразные. Вы присвоили себе наши глаза, чтобы изучать отражение того, что есть. Но зато нам, во времена человека на земле, этими же глазами удавалось видеть то, что скрыто, чего нет.

Иоганна (спокойно). Отец скоро умрет.

Пауза.

Франц (отбрасывает револьвер и быстро поднимается). Какая неувязка! Лени сегодня сообщила мне, что отец могуч как дуб.

Иоганна. Она лжет.

Франц (уверенно). Всем, кроме меня: таково правило игры. (Резко.) Уходите скорее, скройтесь, любой на вашем месте умер бы от стыда. Ваша грубая ложь шита белыми нитками! Как прекрасное видение, вы дважды возникали здесь в течение часа и не сумели даже воспользоваться своим счастьем! Невероятно! Вы примитивны, дорогая моя невестка, ж я ничуть не удивлен, что Вернер выбрал вас. (Отворачивается, садится, постукивая ракушками. Лицо жестоко и замкнуто. Игнорирует присутствие Иоганны.)

Иоганна (впервые растерявшись). Франц! (Пауза.) ...Он умрет через полгода. (Пауза. Поборов страх, приближается к Францу, прикасается к его плечу. Никакой реакции. Рука ее повисает. Она молча смотрит на Франца.) Вы правы: я не сумела использовать своей возможности. Прощайте. (Направляется к дверям.)

Франц (резко). Постойте!

Иоганна медленно оборачивается.

(Стоит к ней спиной.) Там таблетки. На ночном столике. Дайте их мне!

Иоганна (подойдя к ночному столику). Бензедрин?

Он кивает.

(кидает ему баночку.)

Он ловит ее на лету.

Зачем вы принимаете бензедрин?

франц. Чтобы вынести ваше присутствие. (Глокает четыре таблетки.)

Иоганна. Сразу четыре?

франц. И четыре совсем недавно. Итого восемь. (Запивает их водой.) Я знаю, сударыня, на мою жизнь покушаются; вы орудие убийцы. Надо собраться с мыслями, не правда ли? (Проглатывает еще одну таблетку.) Здесь (указывая на лоб) было точно в тумане... а теперь я взял себя в руки, и все прояснилось. (Пьет, делает над собой усилие, оборачивается. Лицо жесткое и сосредоточенное.) Кто посоветовал вам надеть это платье, драгоценности, золотые цепочки? Кто посоветовал надеть их сегодня? Вас подослал отец?

Иоганна. Нет.

франц. Но дал вам полезный совет.

Иоганна порывается ответить ему.

Бесполезно! Я слишком хорошо его знаю, как если бы сам создал его. Если говорить начистоту, я не могу осознать до конца, кто из нас двоих кого создал. Когда я пытаюсь предугадать, какой трюк он затевает, я освобождаю голову от всяких мыслей и доверяюсь пустоте. Первые зарождающиеся мысли – обязательно его мысли. Знаете почему? Потому что он создал меня по своему образу и подобию. Впрочем, возможно, он сам уподобился тому, что создал. (Смеется.) Вы ничего не поняли? (Как бы все отменяя, усталым жестом.) Игра отражения. (Подражая отцу.) «А главное – будьте красивы!» Так и слышу его. Он любит красоту, этот старый безумец: и, следовательно, знает, что и для меня нет ничего выше ее. Разве что мое собственное безумие. Вы его любовница?

Она отрицательно качает головой.

Значит, постарел! Тогда – соучастница?

Иоганна. До сих пор была его противником.

франц. А... Измена союзу? Он это обожает. (С внезапной серьезностью.) Полгода?

Иоганна. Не больше.

франц. Сердце?

Иоганна. Горло.

франц. Рак?

Иоганна кивает.

Еще бы – тридцать сигар в день! Болван! (Пауза.) Рак? Тогда он убьет себя. (Пауза. Встает, берет раковины и кидает их в портрет Гитлера.) Он убьет себя, старина фюрер, убьет!

Пауза. Иоганна смотрит на него.

франц. В чем дело?

Иоганна. Ни в чем. (Пауза.) Вы его любите.

франц. Как самого себя, не меньше, чем холеру. А чего он хочет? Аудиенции?

Иоганна. Нет.

Франц. Тем лучше для него. (Кричит.) Мне наплевать на то, жив он или нет! Наплевать на то, что он подохнет! Посмотрите, во что он меня превратил! (Берет баночку с пилюлями и хочет отвинтить крышку.)

Иоганна (тихо). Отдайте баночку.

Франц. Какое вам дело?

Иоганна (протягивая руку). Отдайте.

Франц. Я принимаю наркотики и не выношу, когда нарушают мои привычки.

Она стоит с протянутой рукой.

Хорошо, но не напоминайте мне больше об этой дурацкой истории. Согласны?

Иоганна делает неопределенный жест, который может сойти за знак согласия.

(Отдает ей лекарство.) Я все забуду. Мгновенно. Я могу забыть все, что захочу! Это ведь говорит о силе воли? Вот, прошение удовлетворено. (Пауза.) Ну, рассказывайте.

Иоганна. О ком? О чем?

Франц. Обо всем, исключая семьи. О вас.

Иоганна. О себе мне нечего рассказывать.

Франц. Предоставьте мне решать. (Пристально смотрит на нее.) Ваша красота – ловушка. Вот вы что такое. (Внимательно ее разглядывает.) Такая красота уже профессиональна. (Пауза.) Актриса?

Иоганна. Была актрисой.

Франц. А потом?

Иоганна. Вышла замуж за Вернера.

Франц. Карьера не удалась?

Иоганна. Не вполне.

Франц. Статистка? Небольшая звездочка?

Иоганна (как бы отбрасывая жестом все прошлое). Э!

Франц. Звезда?

Иоганна. Если вам нравится это слово.

Франц (с ироническим восхищением). Звезда! И вы считали это неудачей? Чего же вы желали?

Иоганна. Чего можно желать? Всего.

Франц (медленно). Да. Всего. Или ничего. Всего или ничего. (Смеется.) Обычно это плохо кончается, не правда ли?

Иоганна. Всегда.

Франц. А Вернер? Он тоже хочет всего?

Иоганна. Нет.

Франц. Почему вы вышли за него?

Иоганна. Потому что любила.

Франц (тихо). Полно.

Иоганна (насторожившись). Что?

Франц. Те, что хотят всего...

Иоганна (с той же интонацией). Что же?

Франц. ...не могут любить.

Иоганна. Но я уже ничего не хочу.

Франц. Кроме его счастья, надеюсь!

Иоганна. Да. Помогите нам!

Франц. Чего именно вы ждете от меня?

Иоганна. Чтобы вы воскресли.

Франц (смеясь). Вот как? Вы предлагали самоубийство?

Иоганна. Или то, или другое.

Франц (со злой усмешкой). Все становится ясным! (Пауза.) Я обвинен в убийстве, только моя гражданская смерть дала возможность прекратить дело. Вам известно об этом?

Иоганна. Да.

Франц. Понятно. И вы хотите, чтобы я воскрес?

Иоганна. Да.

Франц. Я вижу. (Пауза.) Если не удастся убить братца, его можно запрятать в тюрьму.

Она пожимает плечами.

Что прикажете – ждать полицию или явиться туда самому?

Иоганна (раздраженно). Вы не попадете в тюрьму.

Франц. Нет?

Иоганна. Разумеется, нет.

Франц. Иными словами, он все уладит.

Иоганна утвердительно кивает.

Вот неужели. Ничто его не уgomонит. (Со злобной иронией.) Чего он только не делал для меня, этот почтенный человек. (Жестом показывает на комнату и на самого себя.) И вот результат! (Яростно.) Идите все к дьяволу!

Иоганна (с подавленным разочарованием). О Франц! Вы просто трус!

Франц (выпрямляясь резким движением). Что? (Берет себя в руки. С подчеркнутым цинизмом.) Да, трус. Ну и что?

Иоганна. А это? (Пальцем касается медалей на его груди.)

Франц. Это? (Срывая медаль, снимает с нее серебряную бумажку.) Медаль шоколадная. (Кладет ее в рот.) Я их заслужил; они мои, и я имею право их съесть. Героизм – мое призвание. А герои... вам самой известно, что это такое.

Иоганна. Нет.

Франц. Они весьма разнообразны. Среди них может быть кто угодно: и полицейский и вор. Военный и штатский, штатских, впрочем, меньше, трус и даже смельчак. Как на ярмарке. У них одна общая черта – медали. Я герой-трус и потому ношу шоколадные медали: так пристойней. Хотите? Не стесняйтесь: у меня их тут в ящике больше сотни.

Иоганна. Охотно.

Франц срывает с груди шоколадную медаль, протягивает Иоганне. Она берет ее и ест.

Франц (с внезапной резкостью). Нет!

Иоганна. Что вы сказали?

Франц. Я не позволю жене моего младшего брата судить меня. (С силой.) Я не трус, сударыня, и тюрьма меня не страшит: я живу в ней. Вы и трех дней не выдержали бы такого режима.

Иоганна. Что это доказывает? Вы сами его избрали.

Франц. Я? Дорогая моя, я никогда ничего не выбирал! Я избранный. За девять месяцев до моего рождения мне определили мою будущность, выбрали мне имя, занятие, характер и судьбу. Повторяю – мне навязали этот тюремный режим. Пора понять, что я бы не подчинился ему, не будь на то веских причин.

Иоганна. Каких?

Франц (отступает на шаг. Короткая пауза). У вас глаза заблестели. Нет, сударыня, я не стану исповедоваться.

Иоганна. Вы приперты к стенке, Франц: либо ваши доводы приемлемы, либо жена вашего младшего брата вынесет вам окончательный приговор. (Подходит к нему и хочет сорвать медаль.)

Франц. Так, значит, вы – смерть? Нет, возьмите лучше крест: он из швейцарского шоколада.

Иоганна (взяв крест). Спасибо. (Отходит от него.) Смерть? Разве я похожа на нее?

Франц. Моментами.

Иоганна (взглянув в зеркало). Вы меня удивляете. Когда же?

Франц. Когда вы прекрасны. (Пауза.) Вы орудие в их руках, сударыня. Они подстроили, чтобы вы заставили меня заговорить. А я рискую шкурой, если стану отчитываться в своих поступках. (Пауза.) Впрочем, рискну. Спрашивайте.

Иоганна (после паузы). Почему вы скрываетесь здесь?

Франц. Во-первых, я не скрываюсь. Пожелай я скрыться от преследования, я давно бы уехал в Аргентину. (Указывая на стену.) Вот здесь некогда было окно. Оно выходило туда, где был наш парк.

Иоганна. Почему – был?

Франц. Да.

Мгновение они смотрят друг на друга.

(Продолжает.) Я приказал замуровать его. (Пауза.) Там происходит нечто такое, чего я не хочу видеть.

Иоганна. Что же?

Франц (смотрит на нее с вызовом). Убийство Германии. (Продолжает смотреть на нее с мольбой и угрозой, как бы желая помешать ей говорить: они приблизились к опасной теме.) Молчите. Я сам видел развалины.

Иоганна. Когда?

Франц. По возвращении из России.

Иоганна. С тех пор прошло четырнадцать лет.

Франц. Да.

Иоганна. И вы считаете, что ничего не изменилось?

Франц. Я знаю, что с каждым часом все становится хуже.

Иоганна. Это Лени вас информирует?

Франц. Да.

Иоганна. А газеты вы читаете?

Франц. Она читает их мне. Разрушенные города, разбитые машины, уничтоженная промышленность, растущая безработица. Туберкулез. Страшное падение рождаемости – все это я знаю. Сестра выписывает для меня все статистические данные. (Указывая на ящик стола.) Они у меня в этом ящике. Самое неслыханное убийство в истории. У меня имеются все доказательства. Через двадцать лет и не позже как через пятьдесят умрет последний немец. Не думайте, что я ропщу: мы побеждены, нас убивают, это справедливо. Но, быть может, вы поймете – у меня нет желания быть свидетелем этой бойни. Я не турист и не желаю осматривать разрушенные соборы, сожженные фабрики. Не желаю наносить визиты семьям, загнанным в подвалы. Не желаю шляться среди калек, рабов, предателей и потаскух. Я полагаю, что вы привыкли к этому зрелищу, но скажу откровенно – я бы его не вынес. В моих глазах трусы те, кто может это вынести. Надо было выиграть войну. Любыми средствами. Я говорю любыми. А? Что? Или исчезнуть. Поверьте, у меня хватило бы солдатского мужества застрелиться, но раз немецкий народ смирился с унижительной агонией, которую ему навязали, я решил сохранить себя, чтобы кричать: нет! (С внезапным раздражением.) Нет! Невиновен! (Кричит.) Нет! (Пауза.) Вот и все.

Иоганна (медленно). Унизительная агония, которую ему навязали...

Франц (не сводя с нее глаз). Я все сказал – все.

Иоганна (рассеянно). Да, все. Все. (Пауза.) И по этой причине вы стали затворником?

Франц. По этой единственной причине.

Пауза. Иоганна задумалась.

В чем дело? Заканчивайте вашу работу. Я напугал вас?

Иоганна. Да.

Франц. Почему же, душа моя?

Иоганна. Потому, что вы боитесь.

Франц. Не вас ли?

Иоганна. Того, что я скажу. (Пауза.) Я хотела бы не знать того, что знаю.

Франц (подавляя свою смертельную тоску, вызывающе). А что же вы знаете?

Она колеблется. Они испытующе глядят друг на друга.

Ну? Что вы знаете?

Она не отвечает. Пауза. Они продолжают глядеть друг на друга. Им страшно.

Стук в дверь. Пять ударов, четыре, три раза по два. Легкая улыбка скользит по лицу франца. Он встает и идет в глубь комнаты. Открывает дверь, там видна ванна.

(Тихо.) Она ненадолго.

Иоганна (вполголоса). Я не стану прятаться.

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosoff.org
Франц (приложив палец к губам). Молчите. (Шепотом.) Гордость ни к месту сейчас, не то вы потеряете все, на что надеялись, когда шли сюда.

Она колеблется, потом решается пройти в ванную комнату.

Снова стук.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Франц, Лени.

Лени (входит с подносом в руках. Поражена.) Как? Ты не запер дверь?

Франц. Нет.

Лени. Почему?

Франц (сухо). Ты меня допрашиваешь? (Поспешно.) Дай поднос. И не входи сюда. (Забирает у нее поднос и ставит его на стол.)

Лени (поражена). Что с тобой?

Франц. Он очень тяжелый. (Повернувшись в ее сторону.) Ты что, упрекаешь меня за внимание к тебе?

Лени. Нет, но оно меня пугает. Когда ты добреешь, я жду худшего.

Франц (смеется). Ха-ха!

Лени проходит в комнату, закрывая за собой дверь.

Я не просил тебя заходить. (Пауза. Берет крылышко курицы и ест.) Я буду ужинать. До завтра.

Лени. погоди. Я хочу попросить у тебя прощения, что затеяла ссору с тобой.

Франц (с полным ртом). Ссору?

Лени. Да. Во время уборки.

Франц (неопределенно). А... сегодня? (Поспешно.) Ну что ж, я прощаю тебя.

Лени. И я солгала, сказав, что начинаю презирать тебя.

Франц. Отлично! Отлично! Все отлично. (Ест.)

Лени. Я принимаю твоих потомков и подчиняюсь их суду. Хочешь, я сейчас скажу им об этом? (Крабам.) Ракообразные, я почитаю вас.

Франц. Что с тобой?

Лени. Не знаю. (Пауза.) И еще я хотела тебе сказать: мне необходимо, чтобы ты существовал, наследник нашего имени, единственный, чьи ласки меня волнуют не унижая. (Пауза.) Я ничего не стою, но я урожденная фон Герлах, это значит, что я безумно горда и могу любить лишь фон Герлаха. Кровосмешительство – мой закон и моя судьба. (Смеясь.) Словом, таким образом, я укрепляю семью.

Франц (повелительно). Хватит. Психологией займемся завтра.

Она вздрагивает. Снова настораживается, внимательно наблюдает за францем.

Мы помирились. Честное слово. (Пауза.) Скажи-ка, а горбунья...

Лени (застыгнутая врасплох). Какая горбунья?

Франц. Ну, жена Вернера. Она по крайней мере хорошенькая?

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosofff.org
Лени. Простушка.

Франц. Понятно. (Пауза. Очень серьезно.) Спасибо, сестренка! Ты сделала все, что могла. Все, что могла. (Провожает ее до двери.)

Она не сопротивляется, но обеспокоена.

Я был не очень покладистым больным, не правда ли? Прощай.

Лени (пытаясь засмеяться). Как торжественно! Ведь завтра я тебя увижу.

Франц (тихо, почти нежно). Надеюсь, от всей души. (Открыл дверь и, наклонившись, целует ее в лоб.)

Она поднимает к нему лицо, быстро целует его в губы и выходит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Франц, один.

Он закрывает дверь на все замки и на засов, достает платок, вытирает губы и возвращается к столу.

Франц. Успокойтесь, дорогие друзья: Лени не может лгать. (Указывая на дверь ванной комнаты.) Лгунья там, и я сейчас уличу ее во лжи. А? Что? Не беспокойтесь, я знаю много приемов. Сегодня вы увидите, как разоблачают лжесвидетеля. (Замечает, что руки его дрожат, и, не сводя с них глаз, делает над собой резкое усилие.) А ну-ка, малютки, спокойней, спокойней, так. (Понемногу руки перестают дрожать. Смотрится в зеркало, одергивает мундир, поправляет ремень. Преобразился. Впервые с начала действия он полностью владеет собой. Подходит к двери ванной комнаты, раскрывает ее и говорит спокойно.) За работу, сударыня!

Входит Иоганна. Франц закрывает дверь и идет следом за Иоганной. Жесткий, настороженный. На протяжении всей сцены будет видно, что он старается подчинить себе волю Иоганны.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Франц, Иоганна.

Франц приближается к Иоганне. Та делает шаг в сторону двери и останавливается.

Франц. Не шевелитесь, Лени еще не ушла из гостиной.

Иоганна. Чем она там занята?

Франц. Наводит порядок.

Еще шаг.

Ваши каблуки! (Слегка стучит по двери, подражая стуку женских каблуков. Говоря, не сводит глаз с Иоганны. Чувствуется, что он взвешивает опасность, которой подвергается, и все его слова рассчитаны.) Прежде чем уйти, вы собирались что-то сказать мне.

Иоганна (с тех пор как она вышла из ванной комнаты, ей не по себе). Да нет.

Франц. Ах вот как! (Пауза.) Очень жаль! (Пауза.) Вы ничего не скажете?

Иоганна. Мне нечего сказать.

Франц (резко). Нет, дорогая невестка, так легко вам не отделаться. Меня собирались освободить, затем передумали и хотят навсегда удалиться,

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosoff.org
зародив во мне сомнения, которые отравят мне жизнь. Этого я не допущу!
(Направляется к столу, наливает в бокалы шампанское.) Так что с Германией?
Она возрождается? Мы процветаем?

Иоганна (раздраженно). Германия...

Франц (поспешно затыкает себе уши). Бесплезно! Бесплезно! Я вам не поверю.

Иоганна смотрит на него, пожимает плечами и умолкает.

(Непринужденно ходит взад и вперед.) Короче говоря, полный провал?

Иоганна. Чего провал?

Франц. Вашей затеи.

Иоганна. Да. (После паузы, глухо.) Вас надо бы вылечить или убить.

Франц. О да! (Очень любезно.) Придумайте что-либо другое. (Пауза.) Мне вы доставили удовольствие, разрешив любоваться вами, и я искренне благодарен вам за вашу щедрость.

Иоганна. Я не из щедрых.

Франц. Как же назвать ваше прилежание? Вашу работу перед зеркалом? Ведь вам потребовалось несколько часов. Сколько хлопот ради одного человека!

Иоганна. Я тружусь так каждый вечер.

Франц. Для Вернера?

Иоганна. Для Вернера. Иногда для его друзей.

Франц (улыбается, качает головой). Нет.

Иоганна. Вы полагаете, что я слоняюсь по дому замарашкой и не слежу за собой?

Франц. Не совсем так. (Повернувшись к стене, описывает ее такой, какой воображает.) Вы держитесь прямо. Очень прямо. Будто держите голову над водой. Волосы зачесаны. Губы не накрашены. Ни чуточки пудры. Вернер имеет право на заботу, на нежность, на поцелуй; но только не на улыбку; вы больше не улыбаетесь.

Иоганна (улыбаясь). Ясновидящий!

Франц. Добровольные затворники обладают особым чутьем. Оно позволяет им узнавать друг друга.

Иоганна. Вряд ли они часто встречаются.

Франц. Как видите, иногда встречаются.

Иоганна. Вы узнали меня?

Франц. Мы узнали друг друга.

Иоганна. Так я затворница? (Встает, смотрит в зеркало и оборачивается к нему, очень красивая и в первый раз вызывающая.) Вот никогда бы не подумала. (Идет к нему.)

Франц (поспешно). Каблуки!

Иоганна (снимает туфли, с улыбкой бросает их одну за другой в портрет Гитлера. Подойдя к Францу.) Я видела дочь одного человека, которого защищал Вернер: в цепях, она весила тридцать пять килограммов и вся была покрыта вшами. Разве я похожа на нее?

Франц. Как родная сестра. Я полагаю, она тоже хотела всего. В таких случаях всегда проигрывают. Она все проиграла и заперлась у себя в комнате, сделав

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosofff.org
вид, что от всего отказалась.

Иоганна (раздраженно). Долго мы еще будем говорить обо мне? (Отступает на шаг и указывает на пол.) Лени, вероятно, уже ушла из гостиной.

Франц. Нет еще.

Иоганна (взглянув на часы). Вернер сейчас вернется. Восемь часов.

Франц (резко). Нет!

Иоганна смотрит на него удивленно.

Здесь не существует времени: здесь вечность. (Успокоившись.) Потерпите немного: вы сейчас будете свободны.

Пауза.

Иоганна (с вызовом и любопытством). Так, значит, я добровольная затворница?

Франц. Да.

Иоганна. Из гордости?

Франц. Разумеется.

Иоганна. Чего мне не хватало?

Франц. Вы были недостаточно красивы.

Иоганна (улыбаясь). Лстец!

Франц. Я говорю то, что вы думаете.

Иоганна. А вы? Что думаете вы?

Франц. О себе?

Иоганна. Обо мне.

Франц. Что вы одержимы.

Иоганна. Безумная?

Франц. Абсолютно.

Иоганна. Что вы мне рассказываете? Вашу историю или мою?

Франц. Нашу.

Иоганна. Чем же вы одержимы?

Франц. Разве этому есть название? Пустотой. (Пауза.) Или, скажем: величием... (Смеется.) Оно владело мною, но я не владел им.

Иоганна. Вот и все.

Франц. Да. А вы следили за собой? Хотели поймать себя с поличным?

Иоганна делает утвердительный жест.

И поймали?

Иоганна. Куда там! (Сурово смотрит в зеркало.) Я видела лишь это. (Указывая на свое отражение в зеркале. Пауза.) Ходила в маленькие кинематографы. Когда на стене зала скользила звезда Иоганна Тисс, я слышала шорох. Все волновались волнением соседа. Я смотрела...

Франц. И что же?

Иоганна. Ничего. Мне никогда не удавалось видеть то, что видели они.

(Пауза.) А вы?

Франц. Я стал тем же, чем и вы. Неудачником. Меня наградили перед строем всей армии. Скажите, а Вернер вас считает красивой?

Иоганна. Надеюсь, что – нет. Единственный мужчина, думаете вы. Разве это в счет?

Франц (медленно). Я вас нахожу красивой.

Иоганна. Тем лучше для вас, но не говорите мне об этом. Никто, слышите ли вы, никто не считал меня красивой, с тех пор как публика отвернулась от меня... (Немного успокоившись, смеется.) Вы ощущаете себя целым армейским корпусом.

Франц. А почему нет? (Не сводит с нее глаз.) Надо мне поверить, в этом ваша надежда, если вы мне верите, я стану неисчислимым.

Иоганна (нервно смеется). Это сделка: «Разделите мое безумие – я разделю ваше».

Франц. А почему бы и нет? Вам больше нечего терять. Что касается моего безумия, то вы давно его разделили. (Указывая на входную дверь.) Когда я вам открыл дверь, вы увидели не меня, а то, что отражалось в глубине моих глаз, Иоганна.

Иоганна. Потому что они пусты.

Франц. Вот именно.

Иоганна. Я уже не помню точно, что я увидела, – кажется, фотографию умершей кинозвезды. Все исчезло, когда вы заговорили.

Франц. Сначала заговорили вы.

Иоганна. Молчание становилось невыносимым. Надо было прервать его.

Франц. И развеяли чары.

Иоганна. Так или иначе, все уже кончено.

Пауза.

Что с вами? (Нервно смеется.) Можно подумать, словно объектив камеры. Довольно. Вы мертвы.

Франц. Дабы услужить вам. Смерть – это зеркало Смерти. Мое величие отражает вашу красоту.

Иоганна. Но я хотела нравиться живым.

Франц. Усталым толпам, мечтающим о смерти? Вы открывали им чистое и спокойное лицо Вечного Покоя. Ведь кинематограф, дорогая, это кладбище. Как вас зовут?

Иоганна. Иоганна.

Франц. Иоганна, я не желаю вас и не люблю. Я ваш свидетель и свидетель всех людей. Я свидетельствую перед веками и говорю: вы прекрасны.

Иоганна (как зачарованная). Да.

Франц (сильно ударяет по столу. Жестким голосом). Признайтесь, что вы солгали: скажите, что Германия в агонии.

Иоганна (вздрагнув, как от боли). Наступило пробуждение. Ах! (Вздрагивает, на лице раздражение, оно почти что некрасиво.) Вы все испортили.

Франц. Все! Я стер изображение. (Резко.) И вы хотели, чтобы я воскрес? Вы хотели разбить зеркало, ради пустоты. Я бы спустился к вам, сел за семейный стол, а вы поехали бы в Гамбург со своим Вернером. Куда это нас всех

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosofff.org
приведет?

Иоганна (взяв себя в руки, улыбается). В Гамбург.

Франц. Там вы никогда не будете больше красивой.

Иоганна. Нет, никогда.

Франц. Здесь – ежедневно.

Иоганна. Да. Если я буду ежедневно приходить сюда.

Франц. Вы придете.

Иоганна. И вы откроете дверь?

Франц. Открою.

Иоганна (подражая францу). Куда это нас приведет?

Франц. Сюда, в Вечность.

Иоганна (улыбаясь). Бред вдвоем. (Задумалась. Очарование прошло, чувствует, что она возвращается к своим первоначальным планам.) Хорошо. Я вернусь.

Франц. Завтра?

Иоганна. Возможно, завтра.

Франц (вкрадчиво). Скажите, что Германия в агонии.

Иоганна молчит.

Скажите. Иначе от зеркала останутся осколки. (Он нервничает. Руки начинают дрожать.) Скажите! Скажите! Скажите!

Иоганна (медленно). Бред вдвоем: пусть так. Германия в агонии.

Франц. Правда?

Иоганна. Да.

Франц. Нас уничтожают?

Иоганна. Да.

Франц. Хорошо. (Прислушиваясь.) Ушла. (Берет туфли Иоганны и, став перед ней на колени, надевает ей на ноги.)

Иоганна встает.

(Поднимается и, щелкнув каблуками, сгибается в поклоне.) До завтра!

Иоганна почти дошла до двери, он идет за ней, отодвигает засов, открывает дверь. Она кивает ему и улыбается. Уже готова выйти.

(Останавливая Иоганну.) Подождите!

Она оборачивается к нему.

(Смотрит на нее, с неожиданным вызовом.) Кто выиграл?

Иоганна. Что?

Франц. Первую партию.

Иоганна. Угадайте. (Выходит.)

Франц закрывает дверь, запирает ее на все затворы. Он как бы чувствует облегчение. Идет на середину комнаты.

Останавливается.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Франц, один.

Франц. Уф! (На мгновение улыбка задержалась на его лице, но потом черты исказились страхом.) De profundis clamavi! (Лицо его выражает страдание.) Скрипите! Скрипите! Скрипите же! (Начинает дрожать.)

Занавес

АКТ ТРЕТИЙ

Кабинет Вернера. Современная мебель. Зеркало. Две двери.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Отец, Лени.

Сцена пуста. Раздается стук в дверь. Через некоторое время стук повторяется. Входит отец. В левой руке у него портфель, в правой – свернутый плащ. Захлопнув дверь, он кидает портфель и плащ на кресло, решительным шагом подходит ко второй двери, приоткрывает ее.

Отец (зовет). Я вижу тебя! Лени!

Тишина.

Лени!

Лени тотчас входит.

Лени (несколько смущена). Вот и я!

Отец (глядя ее по волосам). Здравствуй. Пряталась?

Лени (слегка отстраняясь). Добрый день, отец. Да, пряталась. (Окинув его взглядом.) У тебя странный вид.

Отец. Прилив крови после дороги. (Кашляет; сухой и отрывистый кашель явно причиняет ему боль.)

Лени. Разве в Лейпциге грипп?

Отец (с недоумением). Грипп? (Догадывается.) Нет. Просто кашляю.

На лице Лени проскальзывает тревога.

Почему это тебя тревожит?

Лени (отворачивается; глядя в сторону). Мне кажется, что меня это ничуть не тревожит.

Отец (живо). Но ты следишь за мной?

Лени (вежливо). Присматриваю. Теперь мой черед.

Отец. Ты времени не теряешь: я только что приехал.

Лени. Хотелось выяснить, что вы предпримете по приезде.

Отец. Как видишь – нанес визит Вернеру.

Лени (бросив беглый взгляд на часы-браслет). Вы отлично знаете, что Вернер на верфи.

Отец. Я подожду его.

Лени (подчеркнуто). Вы?

Отец. А почему нет? (Садится.)

Лени. В самом деле, почему бы и нет. (Тоже садится.) Со мной?

Отец. Один.

Лени. Хорошо. (Поднимаясь.) Чем вы занимались?

Отец (поражен). В Лейпциге?

Лени. Здесь.

Отец (та же игра). Чем я занимался?

Лени. Я вас спрашиваю.

Отец. Я шесть дней был в отъезде, дитя мое.

Лени. Что вы делали в воскресенье вечером?

Отец. А! Ты меня раздражаешь. (Пауза.) Ничего. Обедал. Спал.

Лени. Все изменились. Почему?

Отец. Кто изменился?

Лени. Вы знаете кто.

Отец. Я прямо с самолета: откуда мне знать, я никого не видел.

Лени. Но меня вы видите.

Отец. Бесспорно. (Пауза.) Но ты никогда не переменишься, Лени. Что бы ни случилось.

Лени. Отец! (Указывая в сторону зеркала.) Я тоже себя вижу. (Подходит к зеркалу.) Однако вы меня растрепали. (Приглаживает волосы.) Вот смотрю на себя...

Отец. И не узнаешь?

Лени. Совсем не узнаю. (Опустив руки.) Ба! (Разглядывает себя; весело, с недоумением.) Тщетные усилия! (Не оборачиваясь.) Вчера вечером Иоганна была нарумянена.

Отец. Да? (На мгновение глаза его загораются; сдержанно.) И что же?

Лени. Больше ничего.

Отец. Женщины обычно румянятся каждый день.

Лени. Иоганна никогда не румянилась.

Отец. Решила взять своего мужа в руки.

Лени. Мужа! (Возмущенно замолкает.) Вы не видели ее глаз.

Отец (с улыбкой). Не видел. Что же в них было?

Лени (отрывисто). Увидите. (После паузы, с легким смешком.) Ах! Все переменялись до неузнаваемости. У Вернера зычный голос; ест и пьет за

четверых.

Отец. Я неповинен в этих переменах.

Лени. Так кто же тогда?

Отец. Никто. Когда отец уезжает в отпуск... На что ты, собственно, жалуешься? Я вас предупредил. В вашем распоряжении полгода, чтобы все переделать по-своему. Ты должна быть мне благодарна.

Лени. Я благодарна. (Пауза. Изменившимся голосом.) В воскресенье вечером вы угостили нас бомбой замедленного действия. Но где она?

Отец пожимает плечами, усмехается.

Я ее найду.

Отец. Бомба! Зачем ты?..

Лени. Сильные мира сего не хотят умирать в одиночку.

Отец. Ах вот оно что – я решил взорвать всю семью?

Лени. Семью – нет. Вы недостаточно ее любите для этого. (Пауза.) Франца.

Отец. Бедняга Франц! Не хочу, чтобы он меня пережил и потому потащу его за собой в гроб? Надеюсь, ты мне не помешаешь, Лени.

Лени. Не сомневайтесь. (Приближаясь к нему.) Если кто-нибудь тронет его... вы отправитесь раньше всех и один.

Отец. Хорошо.

Молчание.

Это все, что ты хотела мне сказать?

Она кивает головой.

(Властно, не меняя дружелюбного тона.) Ступай!

Лени минуту глядит на него, затем, склонив голову, выходит из комнаты. Отец встает, приоткрывает дверь, проверяя, ушла ли Лени; затем запирает дверь; поверх ключа вешает носовой платок, чтобы закрыть замочную скважину. Поворачивается, пересекает комнату, подходит к дверям в глубине.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Отец, затем Иоганна.

Отец (громко). Иоганна!

Голос его срывается – он снова кашляет. Теперь, оставшись один, он более не сдерживается, и видно, что страдает. Подойдя к бюро, он наливает воду из графина и пьет. Когда из глубины входит Иоганна, он стоит спиной к ней.

Иоганна. Кто здесь?

Отец поворачивается.

Это вы?

Отец (еще слабым, сдавленным голосом). Да, я. (Целует ей руку. Более окрепшим голосом.) Вы не ждали меня?

Иоганна. Совсем забыла о вас. (Смеется.) Довольны поездкой?

Отец. Весьма. (Замечая ее взгляд, устремленный на ключ, прикрытый платком.)

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosofff.org
На всякий случай – повязка на глаза. (Пауза. Устремив на нее пристальный взгляд.) Вы не нарумянены.

Иоганна. Нет.

Отец. Вы не идете к францу?

Иоганна. Я никуда не иду. Я жду мужа.

Отец. Но вы видели его?

Иоганна. Кого?

Отец. Моего сына.

Иоганна. У вас их двое – не знаю, кого вы имеете в виду.

Отец. Старшего. (Молчание.) Итак, дитя мое?

Иоганна (надменно). Отец?

Отец. А наш уговор?

Иоганна (с видом шутивого изумления). Ах, правда, вы вправе спрашивать! Какая комедия (Почти искренне.) До чего все смешны на этой земле, даже вы, приговоренный к смерти. И как только вам удастся сохранять эту рассудочность? (Пауза.) Да, я видела его. (Снова пауза.) И уверена, что вы ничего не поймете.

Отец (ждал этого признания и все же охвачен волнением). Вы видели франца? (Пауза.) Когда? В понедельник?

Иоганна. В понедельник и все остальные дни.

Отец. Все остальные дни! (Потрясен.) Пять дней подряд!

Иоганна. Вероятно. Я не считала.

Отец. Пять раз. (Пауза.) Да, это же чудо! (Потирает руки.)

Иоганна (значительно, не повышая голоса). Пожалуй.

Отец засовывает руки в карманы.

Вы напрасно радуетесь.

Отец. Я должен покаяться и принести мои извинения, Иоганна. На обратном пути домой я обливался холодным потом в самолете: думал, все потеряно.

Иоганна. А сейчас?

Отец. Узнаю, что вы виделись с ним ежедневно.

Иоганна. И тем не менее для меня все потеряно.

Отец. Почему?

Иоганна пожимает плечами.

Дитя мое, если он впускает вас к себе, значит, вы оба отлично понимаете друг друга.

Иоганна. Стараемся понять. (Цинично и жестко.) Как плуты на ярмарке.

Отец (недоумевая). Что?

Молчание.

Во всяком случае, вы друзья?

Иоганна. Все, но только не друзья.

Отец. Все? (Пауза.) Вы хотите сказать...

Иоганна (опешив). Что? (Хохочет.) Влюбленные? Представьте себе, об этом мы не подумали. А это тоже входило в ваши планы?

Отец (шутливо). Простите, невестка, но вы сами виноваты: вы себе внушили, что я ничего не пойму, и ничего не объяснили.

Иоганна. Нечего объяснять.

отец (с беспокойством). Он не болен... по крайней мере?

Иоганна. Болен? (Понимает. С неподдельным презрением.) Помешан? (Пожав плечами.) Откуда мне знать?

Отец. Вы же видели его.

Иоганна. Если он безумен, то и я безумна. Вполне возможно, что это так.

Отец. Во всяком случае, скажите мне хотя бы одно: он очень несчастен?

Иоганна (слегка забавляясь). Так вот. (Искренне.) Там, наверху, слова имеют другой смысл.

Отец. Хорошо. Какие же слова говорят там, наверху, если там страдают?

Иоганна. Там не страдают.

Отец. Ах вон как?

Иоганна. Там заняты.

Отец. Франц занят?

Иоганна кивает.

чем?

Иоганна. Чем? Вы хотите сказать: кем?

Отец. Да, именно это меня интересует.

Иоганна. Меня это не касается.

Отец (мягко). Вы не хотите со мной говорить о нем?

Иоганна (совершенно усталым голосом). На каком языке? Пришлось бы все время переводить: это очень утомительно. (Пауза.) Я отступаю, отец.

Отец. Вы отступитесь от него?

Иоганна. Ему никто не нужен.

Отец. Разумеется, вы вольны поступать, как вам заблагорассудится. (Пауза.) Вы дали мне слово.

Иоганна. Я сдержала его.

Отец. Он знает?... (Значительно взглянув на Иоганну.) Что он сказал?

Иоганна. Что вы слишком много курите.

отец. И что еще?

Иоганна. Больше ничего.

Отец (глубоко оскорбленный). Я так и знал. Она ему лжет на каждом шагу – дрянь! Могу себе представить, что она наплела за все эти тринадцать лет...

Иоганна тихо посмеивается. Отец останавливается и глядит на нее в упор.

Иоганна. Я ведь предупреждала, что вы ничего не поймете!

Взгляд отца становится жестче.

А как, вы думаете, я веду себя с францем? Тоже лгу.

Отец. Вы?

Иоганна. Не раскрываю рта, чтобы не солгать.

Отец (поражен; почти обескуражен). Но вы... вы ненавидите ложь.

Иоганна. Всегда ненавидела.

Отец. Тогда – зачем же...

Иоганна. Вот так: все время лгу. Вернеру – молча; францу – словами.

Отец (очень сухо). Мы договаривались о другом.

Иоганна. Да, о другом.

Отец. Вы были правы: я ничего не понимаю. Вы действуете против своих интересов.

Иоганна. Против интересов Вернера.

Отец. Они же и ваши.

Иоганна. Я уже запуталась. (Молчание.)

Отец (в смятении, затем приходит в себя). Вы перешли в другой лагерь?

Иоганна. Нет никакого лагеря.

Отец. Хорошо. Слушайте меня: францу можно сочувствовать, и мне понятно ваше желание пощадить его. Но вы должны прекратить это!.. Если вы не сумеете подавить жалость, которую испытываете к нему.

Иоганна. Мы безжалостны.

Отец. Кто это – мы?

Иоганна. Я и Лени.

Отец. Лени – совсем другое дело. Вы же, моя невестка, можете называть ваше чувство каким угодно словом, но прекратите лгать моему сыну, иначе вы погубите его.

Иоганна улыбается.

(Более резко.) У него одно стремление – бежать от всего. Когда вы напичкаете его вашей ложью, он не вынесет и погибнет.

Иоганна. У меня нет времени губить его. Я уезжаю.

Отец. Когда и куда?

Иоганна. Завтра; все равно куда.

Отец. Вместе с Вернером?

Иоганна. Не знаю.

Отец. Что же, бегство?

Иоганна. Да.

Отец. Но почему?

Иоганна. Два языка, две жизни, две истины, вы не находите, что это слишком много для одного человека? (Смеется.) Сироты Дюссельдорфа... я не в силах заставить себя забыть о них.

Отец. Что это? Еще одна ложь?

Иоганна. Для того, кто там, наверху, – это правда. Обездоленные дети, умирающие в лагере с голоду. Они должны во что бы то ни стало существовать, и они преследуют меня. Вчера вечером я чуть было не спросила Вернера, возможно ли их спасти. (Смеется.) Здесь это ничего не меняет, но там наверху...

Отец. Что наверху?

Иоганна. Я себе самый злейший враг. Мой голос лжет, мое лицо выдает меня. Я рассказываю, как наша семья голодает, чуть ли не при смерти. А поглядите – неужто я произвожу впечатление истощенного человека? Если бы Франц замечал это...

Отец. Но ведь он видит вас?

Иоганна. Он меня еще не разглядел. (Будто про себя.) Предатель. Вдохновенный. Убеденный. Говорит, его слушают. Вдруг он замечает свое отражение в зеркале; через всю его грудь – надпись, единственное слово, которое огласят, если он замолчит: предательство. Вот кошмар, подстерегающий меня ежедневно в комнате вашего сына.

Отец. Этот кошмар преследует всех. Дни и ночи.

Пауза.

Иоганна. Разрешите задать вам вопрос.

Отец кивает.

Зачем я вам нужна? Зачем вам понадобилось вмешивать меня во всю эту историю?

Отец (с досадой). Вы теряете разум, невестка, – вы сами вмешались.

Иоганна. Откуда вы знали, что я соглашусь?

Отец. Я не знал.

Иоганна. Зачем вы лжете? А еще упрекаете меня во лжи. Шесть дней – немалый срок, у меня было время разобраться во всем. (Пауза.) Семейный совет был созван для меня одной.

Отец. Нет, дитя мое, – для Вернера.

Иоганна. Для Вернера! О! Вы умышленно напали на него, зная, что я буду его защищать. Правда, мне самой пришлось в голову поговорить с францем. Вернее, вы навели меня на эту мысль; припрятав ее, вы играли со мной, пока она не захватила меня. Разве неправда?

Отец. Я в самом деле хотел, чтобы вы встретились с францем по хорошо известным вам причинам.

Иоганна (с жаром). По неизвестным мне причинам. (Пауза.) Когда вы нас столкнули лицом к лицу, мне стало ясно, что он ни о чем не хочет знать, вы даже не предупредили меня, что довольно одного слова, чтобы убить его.

Отец (с достоинством). Иоганна, я ничего не знаю о моем сыне.

Иоганна. Ничего. Кроме того, что он избегает всего и мы нашей ложью помогаем ему. Бросьте! Вы играете наверняка: вы даже в лице не изменились, а я ведь вам говорю, что одно слово может убить его.

Отец (улыбаясь). Какое же слово, дитя мое?

Иоганна (смеясь ему в лицо). Изобилие.

Отец. Что?

Иоганна. Любое слово, которое его убедит, что мы – самое богатое государство в Европе. (Пауза.) Вы не очень удивлены, как я вижу?

Отец. Нет. Вот уже двенадцать лет, как по некоторым фразам Франца мне стало ясно, что страх за судьбу своей страны, некогда охвативший его, прошел бесследно. Тогда он был убежден, что Германию хотят стереть с лица земли, и удалился, дабы не быть свидетелем ее гибели. Будь в ту пору возможно предугадать облик грядущей Германии, он был бы исцелен моментально. Спасти его сейчас труднее: он втянулся в эту жизнь, свикся с ней; Лени поощряет его; жизнь отшельника в какой-то степени представляет известные удобства. И все же опасения ваши напрасны: против его болезни самое верное лекарство – правда. Когда вы откроете ему глаза, его оскорбленная гордость поначалу будет страдать, но он перенесет, и через неделю первым поблагодарит вас за свое освобождение.

Иоганна (с яростью). Какой вздор! (Резко.) Я видела его вчера – вам этого недостаточно?

Отец. Нет.

Иоганна. Там, наверху, Германия более мертва, чем луна. Воскреси я ее – он пустит себе пулю в лоб.

Отец (смеется). Вы так думаете?

Иоганна. Для меня это очевидно.

Отец. Он не любит своей родины?

Иоганна. Обожает.

Отец. Во всем, что вы говорите, Иоганна, нет здравого смысла.

Иоганна. Ох, кто же говорит о здравом смысле. (Смеется несколько вызывающе.) Здравый смысл в этой голове. (Указывая на его голову.) А передо мной стоят его глаза. (Пауза.) Остановитесь! Ваш адский план погубит его...

Отец. Я ничего не могу остановить.

Иоганна. Тогда я уеду навсегда, не повидавшись с ним. А что касается правды, я ее скажу, будьте спокойны. Но не Францу, а Вернеру.

Отец (поспешно). Нет! (Спохватившись.) Не надо причинять ему зла.

Иоганна. Начиная с воскресенья я только это и делаю.

Издалека слышен гудок автомобиля.

Вот он. Через четверть часа Вернер узнает обо всем.

Отец (повелительно). Подождите!

Она в нерешительности останавливается.

Отец (подойдя к двери, снимает платок, поворачивает ключ, затем круто поворачивается к Иоганне.) У меня к вам новое предложение.

Иоганна стоит молча, точно оцепенев.

Не рассказывайте ничего мужу. Подите к Францу в последний раз и передайте, что я прошу его о встрече. Если он согласится, я освобожу Вернера от клятвы и вы уедете, когда захотите. (Пауза.) Иоганна, я предлагаю вам свободу!

Иоганна. Знаю.

Машина въезжает в парк.

Отец. Ну, так что же?

Иоганна. Я не хочу приобретать ее такой ценой.

Отец. Какой ценой?

Иоганна. Смертью франца.

Отец. Что с вами творится, дитя мое! Порой мне кажется, что я слышу Лени.

Иоганна. Вы правы. Мы – близнецы. Не удивляйтесь: вы сделали нас близнецами. Если женщины всего мира окажутся в комнате франца, они все, как Лени, восстанут против вас.

Автомобиль остановился у подъезда дома.

Отец. И все же я вас очень прошу, не решайте пока ничего! Я обещаю...

Иоганна. Бесплезно. Платя за убийство, адресуйтесь к себе подобным.

Отец. И вы расскажете обо всем Вернеру?

Иоганна. Да.

Отец. Ну хорошо. А если я расскажу все Лени?

Иоганна (остолбенев от испуга). Вы – Лени?

Отец. Почему бы нет? Дом взорвется.

Иоганна (на грани истерики). Пусть взорвется весь дом! Вся планета! Мы наконец успокоимся. (Не в силах сдерживаться.) Успокоимся! Успокоимся! Успокоимся!

В коридоре раздаются шаги. Отец стремительно подходит к Иоганне, глядит на нее в упор, взяв за плечи, встряхивает ее несколько раз. Иоганна приходит в себя, затихает. Отец отходит от нее в ту самую минуту, когда открывается дверь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Вернер.

Вернер (торопливо входит и видит отца). Какая встреча.

Отец. Добрый день, Вернер.

Вернер. Добрый день, отец. Довольны своей поездкой?

Отец. Еще бы! (Машинально потирая руки.) Разумеется, доволен; очень даже доволен.

Вернер. Вы хотели поговорить со мной.

Отец. С тобой? Нет, совсем не хочу. Я покидаю вас, дорогие дети. (В дверях, Иоганне.) Подумайте о моем предложении, Иоганна. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Иоганна, Вернер.

Вернер. Что за предложение?

Иоганна. Сейчас узнаешь.

Вернер. Не нравится мне, что он приходит сюда выслеживать... (Достает из

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosoff.org
шкафа бутылку шампанского и два бокала, ставит их на бюро, начинает раскупоривать бутылку.) Шампанского?

Иоганна. Нет, не хочу.

Вернер. Отлично. Выпью один.

Иоганна (отодвигает бокалы). Не пей сейчас. Ты мне нужен сегодня вечером.

Вернер. Весьма удивлен. (Поглядев на нее, резко.) Во всяком случае, это не помешает мне выпить.

Пробка выскакивает; Иоганна, вскрикнув, отшатывается.

(Смеется, наполняет бокалы, не сводя глаз с Иоганны.)

Честное слово, ты что-то очень пуглива!

Иоганна. Я нервничаю.

Вернер (удовлетворенно). Вот я и говорю, что ты боишься. (Пауза.) Кого? Отца?

Иоганна. И его также.

Вернер. Ждешь моей защиты? (Усмехаясь, с легкой издевкой.) Роли переменялись. (Выпивает бокал залпом.) Чем ты встревожена? Поделись со мной твоими огорчениями. (Пауза.) Неужто так трудно? (Почти с силой притягивает ее к себе; глухо.) Положи голову ко мне на плечо!

Она не двигается.

(Насильно принуждает Иоганну склонить голову к себе на плечо.) Вот так! (После паузы, глядя на свое отражение в зеркале; усмехаясь.) Все в порядке. (Помолчав.) Ну, так говори же, дорогая!

Иоганна (поднимая голову, чтобы увидеть его лицо). Я видела франца.

Вернер (отталкивает ее; в ярости). Франца! (Круто поворачивается к ней спиной, подходит к бюро, наливает бокал, отпивает глоток, ставит на место, затем поворачивается к Иоганне; спокойно, улыбаясь.) Тем лучше! Теперь ты познакомилась со всей семьей.

Она с недоверием смотрит ему в глаза.

Как ты нашла моего старшего брата? Настоящий рыцарь? Что ты скажешь?

Все еще в оцепенении, Иоганна отрицательно качает головой.

Вот оно что! (С издевкой.) Смотри-ка! Разве он так захирел?

Ей трудно говорить.

Ну, что же ты молчишь?

Иоганна. Ты гораздо выше его...

Вернер (та же игра). Ха... ха... ха... (Пауза.) А офицерский мундир? Его роскошный мундир все еще на нем?

Иоганна. Нет на нем роскошного мундира.

Вернер. В заплатах? Значит, бедняга франц совсем опустился.

Напряженное молчание Иоганны.

(Берет бокал.) За его выздоровление. (Поднимает бокал, увидев, что у Иоганны его нет, разыскивает бокал и протягивает ей.) Выпьем!

Она колеблется.

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosoff.org
(Повелительно.) Бери бокал.

Иоганна (раздраженно принимая бокал, вызываяще). За франца! (Протягивает бокал, чтобы чокнуться с Вернером, тот быстро отдергивает руку.)

Они растерянно глядят друг другу в глаза, затем Вернер с громким смехом выливает вино на пол.

Вернер (неистово и весело). Все неправда! Неправда!

Иоганна по-прежнему в оцепенении.

(Приближаясь к ней.) Ты не видела его. Ни разу; меня не так легко разыграть. (Смеясь ей в лицо.) А замки, девочка? А железный засов? У них имеется сигнал, будь спокойна.

Иоганна (приняв надменный вид). Есть сигнал, и я его знаю.

Вернер (по-прежнему смеясь). Откуда? Ты обратилась с этой просьбой к Лени?

Иоганна. Я спросила у отца.

Вернер (остолбенев от неожиданности). А!.. (Долгая пауза. Направляется к бюро, ставит бокал, стоит в раздумье, затем круто поворачивается к Иоганне, все так же бодро и самоуверенно, но чувствуется, что он с трудом сдерживается.) Этого следовало ожидать! (Пауза.) Отец никогда ничего не делает зря, – каковы же его интересы в данном случае?

Иоганна. Я бы сама хотела понять.

Вернер. Что он тебе предлагал сейчас?

Иоганна. Что освободит тебя от клятвы, если франц согласится на встречу с ним.

Вернер (хмуро и подозрительно, его подозрительность возрастает в последующих репликах). На встречу с ним? А франц согласится?

Иоганна (убежденно). Да.

Вернер. А потом?

Иоганна. Ничего. Мы будем свободны.

Вернер. Свободны? Что это значит?

Иоганна. Сможем уехать.

Вернер (со злобным смешком). В Гамбург?

Иоганна. Куда нам угодно.

Вернер (та же игра). Отлично! (Злобно посмеиваясь.) Ну, жена, более отменного удара я еще не получал за всю свою жизнь.

Иоганна (ошеломлена). Вернер, ни одной секунды отец не думает...

Вернер. О своем младшем сыне? Бесспорно, нет. Франц займет мой кабинет, развалится в моем кресле, будет распивать мое шампанское, кидать устриц под мою кровать. Кому в это время взбрет в голову вспомнить обо мне? Разве со мной считаются? (Пауза.) Старик переменял свое намерение, вот и все.

Иоганна. Ты что, ничего не понимаешь?

Вернер. Понимаю, он мечтает снова увидеть франца во главе предприятия, понимаю также, что ты, превосходный посредник, оказала им услугу; у тебя одна цель: вырвать меня отсюда, тебе наплевать, что я получил коленом под зад...

Иоганна холодно глядит на него, дает ему возможность высказаться, не пытаясь возражать.

Мне испортили мою карьеру адвоката, переселили в эту резиденцию в качестве надзирателя этой страшной крепости, памятной мне хорошо по дорогим воспоминаниям детства; а в один прекрасный день, когда блудный сын дает согласие покинуть комнату, закалывают жирного тельца, и меня выбрасывают вон; и все счастливы и довольны заодно с моей женой! Великолепная история, не правда ли? Тебе будет о чем рассказать в Гамбурге. (Подходит к бюро, наливает бокал шампанского, пьет; он уже явно опьянел, к концу сцены его опьянение возрастает.) Так вот что я скажу. Не торопись, знаешь ли, укладывать чемоданы... я не допущу, не позволю им распоряжаться собой. (Задыхаясь от ярости.) Я – глава предприятия и право это сохраню за собой. Они еще увидят, чего я стою. (Подходит к письменному столу, садится; спокойным голосом, злобно и отчетливо.) А теперь оставь меня, я должен обдумать ситуацию.

Пауза.

Иоганна (неторопливо, спокойным и невозмутимым голосом). Все, что происходит, не имеет никакого отношения к предприятию. Никто не посягает на твои права.

Вернер. Никто, кроме отца и его сына.

Иоганна. Франц не намерен управлять предприятием.

Вернер. Потому что...

Иоганна. Потому что не хочет.

Вернер. Не хочет или не может?

Иоганна (против воли). И то и другое. (Пауза.) Отцу это известно.

Вернер. Тогда что же?..

Иоганна. Перед смертью отец хочет увидеть Франца.

Вернер (с облегчением). Сплошное лицемерие!

Иоганна. Лицемерие. Но не по отношению к тебе.

Вернер встает, направляется к ней, не сводя с нее глаз; она выдерживает его взгляд.

Вернер. Я верю тебе. (Пьет.)

Иоганна с отвращением отворачивается от него.

Ничтожество. (Смеется.) Вдобавок ко всему высохший скелет... а в воскресенье отец еще беспокоился, как бы он не ожирел...

Иоганна (торопливо). У Франца только кожа да кости.

Вернер. И брюшко, как у всех заключенных. (Бросив на себя взгляд в зеркало, бессознательно выпрямляет торс.) Ничтожество! Отребье! Мазохист! (Поворачиваясь к Иоганне.) Ты часто... навещала его?

Иоганна. Ежедневно.

Вернер. Небезынтересно знать, о чем же вы толковали... (Расхаживает по комнате уверенной поступью, которой у него ранее не было.) «В семье не без уроды». Не помню, кто это сказал. Трагично, но правильно. А? А мне всегда казалось, что этот урод – я. (Положив руки на плечи Иоганны.) Спасибо, жена; все, что я узнал, полностью освободило меня... (Тянется за бокалом.)

Иоганна его удерживает.

Хорошо, хватит пить! (Подбрасывает бокалы, они падают и разбиваются.) Пусть моего брата снабжают бутылками за мой счет. (Смеется.) А что касается тебя, ты его больше не увидишь: я запрещаю.

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosofff.org
Иоганна (все тем же ледяным голосом). Прекрасно. Увези меня отсюда.

Вернер. Я повторяю, ты меня успокоила... мне бог знает что померещилось... теперь все наладится, все будет отлично...

Иоганна. Не для меня.

Вернер. Не для тебя? (Глядит на нее, выражение лица его внезапно меняется; он как-то сразу весь поник.) Даже если я поклянусь, что с сегодняшнего дня я стану другим, я переродился... я поставлю их на место...

Иоганна. Все равно.

Вернер (неожиданно). Вы что же, занимались там любовью? (Неприятно смеется.) Признайся, я не рассержусь на тебя... ему надо было только свистнуть, и женщины сразу ложились к нему в постель. (Гадко глядит на нее.) Кажется, я задал тебе вопрос?

Иоганна (ожесточенно). Я тебе никогда не прощу, если ты заставишь меня отвечать.

Вернер. Можешь не прощать, но отвечай.

Иоганна. Нет.

Вернер. В таком случае чего же ты боишься?

Иоганна (по-прежнему ледяным тоном). До встречи с тобой безумие и смерть неудержимо манили меня. Там, наверху, все началось сызнова. Я не хочу этого. (Пауза.) Его Крабы... – порой мне кажется, я верю в них больше, чем он сам.

Вернер. Потому что ты любишь его.

Иоганна. Потому что в этом вымысле – правда. Сумасшедшие говорят правду, Вернер.

Вернер. В самом деле? Какую же?

Иоганна. Существует только одна правда: жить невыносимо страшно. (Со свойственным ей пылом.) Мне не вынести этого! Не вынести! Лучше снова обманывать себя! Если ты действительно любишь меня, то спаси... (Указывает на потолок.) Он душит меня, этот потолок... Увези меня отсюда, туда, где люди, как все обычные люди, где все себе лгут... пусть будет какое-то движение воздуха... свежий ветер издалека... Мы еще найдем друг друга... Клянусь тебе, Вернер!

Вернер (внезапно в дикой ярости). Найдем? Ха! А как же я могу потерять тебя, Иоганна, когда ты никогда не была моей? Оставь! Я не сочувствия ждал от тебя... Ты надула меня, Иоганна! Я хотел иметь жену, а получил живой труп... Тем хуже, если ты сойдешь с ума, мы останемся здесь! (Имитируя ее.) «Защити! Спаси!» А как? Бежать, да? Об этом ты просишь? (Овладев собой, со злобной и хитровой усмешкой.) Я погорячился. Прости. У меня нет сомнений, ты сделаешь все и останешься честной женой. Такова твоя роль в жизни. Но только одной тебе это доставит радость. (Пауза.) Через какие мытарства надо будет пройти, прежде чем ты забудешь моего брата? Куда бежать? Спальные вагоны, самолеты, пароходы... Сколько хлопот, и как утомительно... И ты на все будешь глядеть пустым, невидящим взором трагической женщины... прозябающая богачка... ничто тебя не изменит... А я? Ты спросила себя – каково будет мне, что я буду думать все это время? Признать себя побежденным раньше времени, сдаться без слов, убежать... Трус... да, трус – вот таким ты любишь меня, такого способна утешать по-матерински на своей груди. (С силой.) Мы останемся здесь, покуда один из нас троих не околеет – ты, мой брат или я!

Иоганна. Как ты меня ненавидишь!

Вернер. Я смогу любить, когда завоюю тебя, Иоганна! И я буду сражаться, будь спокойна. (Смеется.) Победа мне обеспечена. Вы признаете только силу, вы – женщины. А сила на моей стороне. (Насильно притягивает ее к себе, бесцеремонно целует с животной страстью.)

Иоганна (сжав кулаки, бьет его, вырывается и смеется. Сквозь смех). Ох, Вернер! Уж не думаешь ли ты, что он кусается?

Вернер. Кто? Франц?

Иоганна. Старый солдафон, на которого ты хочешь походить. (Пауза.) Если мы останемся, я буду навещать твоего брата каждый день.

Вернер. Я на это рассчитываю. И каждую ночь будешь проводить в моей постели. (Смеется.) Волей-неволей придется сравнивать.

Иоганна (медленно, с грустью) Бедный Вернер. (Идет к дверям.)

Вернер (внезапно сломлен). Куда ты идешь?

Иоганна (язвительно смеется). Иду сравнивать. (Открывает дверь и уходит, прежде чем Вернер успевает остановить ее.)

Занавес

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Комната франца. Та же декорация, что во втором акте. Все плакаты исчезли со стены. Остался только один портрет Гитлера. Устричные раковины прибраны. На столе – настольная лампа.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Франц, один.

Франц. Незримые обитатели потолка, слушайте меня! Внимание! Незримые обитатели потолка! Внимание! (Пауза. Подняв голову кверху.) Что? (Сквозь зубы.) Я не ощущаю их! (С силой.) Друзья! Друзья! Говорит Германия, страдающая Германия! (После паузы. Уныло.) Они все там вымерли! (Поднимается, шагает по комнате.) Любопытное ощущение, но непостижимое: сегодня вечером История остановилась. Стоп! Взрыв планеты, ученые держат палец на кнопке. Прощай! (Пауза.) Но ведь захотят же узнать, что произошло с человечеством, если оно переживет? (Раздраженно, почти яростно.) Я как шлюха изгибаюсь перед ними, соблазняю их, а они не хотят даже слушать меня. (С пылом.) Дорогие слушатели, я умоляю вас, внимайте же мне! Если лжесвидетели ввели вас в заблуждение... (Резко.) Обождите! (Роясь в карманах.) Виновник найден! Вот он! (Вынимает из кармана часы, держит их за кожаный ремешок, с отвращением.) Мне подарили это животное, я совершил ошибку, приняв этот подарок. (Смотрит на циферблат.) Пятнадцать минут! Опоздать на пятнадцать минут! Непростительно! Я их уничтожу, эти часы! (Сжимает часы в кулаке.) Пятнадцать минут! Уже шестнадцать! (Взрываясь.) Как сохранить мое неиссякаемое терпение, если я весь исколот булавками? Все кончится очень плохо. (Пауза.) Я не открою; очень просто: заставлю ее простоять два часа на площадке.

В дверь стучат три раза.

(Подбегает к двери.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Франц, Иоганна.

Франц (отступая, пропускает Иоганну. Указывая на часы). Семнадцать!

Иоганна. Простите?..

Франц (подражая автоматическим часам). Четыре часа семнадцать минут тридцать две секунды. Вы принесли фотографию моего брата? (Пауза.)

Иоганна (недружелюбно). Да.

Франц. Покажите.

Иоганна (тем же тоном). На что она вам нужна?

Франц (вызывающе смеется). На что бывает нужна фотография?

Иоганна (немного колеблясь). Прошу.

Франц (разглядывая снимок). Никогда бы не узнал его. Да ведь он атлет! Поздравляю! (Прячет фотографию в карман.) Как себя чувствуют наши сироты?

Иоганна (в замешательстве). Какие сироты?

Франц. Вы забыли? Дюссельдорфские сироты.

Иоганна. Ах, да... (Неожиданно.) Они умерли.

Франц (устремив взгляд на потолок). Вы слышите, Крабы? Семьсот несчастных малюток без крова... (Останавливается.) Мой добрый друг, они мне надоели... пусть предадут их земле как можно скорее. К чему нам они... (Пауза.) Вот видите, по вашей вине я стал дурным немцем.

Иоганна. По моей вине?

Франц. Я должен был предвидеть, что эти стрелки перевернут все вверх дном. Чтобы изгнать время из этой комнаты, мне понадобилось пять лет; вам хватило одного мгновения, чтобы водворить его на место. (Показывает на часы.) Этот зверек, что так ласково мурлычет вокруг моего запястья, есть Время Вселенной, говорящие часы – верный страж времени; я прячу их в карман, как только слышу стук Лени. К чему они мне, по-вашему? Разве я связан с вселенной? (Поглядев на часы.) Я весьма скептически отношусь к вашему подарку.

Иоганна. Ну раз так, то верните его.

Франц. Не подумаю. Оставлю у себя. Мне только хочется знать, для чего вы их мне подарили?

Иоганна. Потому что я живу, живите так же и вы.

Франц. Жить? Что это значит? Ждать вас? Я уже ничего не ждал для себя на ближайшее тысячелетие. Лампа эта не зажигается; Лени приходит, когда ей вздумается; иногда мне удается заснуть на часок, когда сон милостив ко мне; короче говоря, я потерял ощущение времени. (Шутливо.) Сумятица дней и ночей. (Покосившись на часы.) Четыре часа двадцать пять минут – тени удлиняются, день угасает; как я ненавижу полдень. Когда вы уйдете, здесь настанет ночь, несмотря на дневной свет! И мне станет страшно. (Внезапно.) Несчастные малыши, когда их предадут земле?

Иоганна. Кажется, в понедельник.

Франц. Да воздадут им пламенную молитву среди развалин церкви. Семьсот маленьких деревянных гробов, окруженных толпой в рубищах. (Поглядев на нее.) Вы не нарумянены?

Иоганна. Как видите.

Франц. Забыли?

Иоганна. Нет. Просто не собиралась к вам.

Франц (в негодовании). Что?

Иоганна. Это день Вернера. (Пауза.) Ведь сегодня суббота.

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosofff.org
Франц. Зачем ему день, когда по ночам он с вами. Суббота? Ну да...
английская суббота... (Пауза.) И, разумеется, также и воскресенье...

Иоганна. Разумеется.

Франц. Если я правильно понял вас, сегодня у нас суббота. Ах, сударыня, часы об этом молчат, придется вам подарить мне календарь. (Шутливо улыбается. Внезапно.) Два дня без вас? Немыслимо!

Иоганна. Мы обычно проводим эти дни вместе; уж не думаете ли вы, что я отменю из-за вас?

Франц. Почему бы и нет?

Вместо ответа она смеется.

Он имеет права на вас? Весьма сожалею, но и у меня они есть.

Иоганна (возмущенно). У вас? Никаких!

Франц. Я не звал вас – вы сами пришли ко мне. (Кричит.) Когда же вы наконец поймете – эти бессмысленные ожидания отрывают меня от главного моего дела. Крабы в сомнении, они не доверяют мне: лжесвидетели торжествуют. (Желая обидеть ее.) Далила!

Иоганна (зло смеется). Уф! (Подходит к нему; вызывающе и надменно.) А вы Самсон? (Звонко хохочет.) Самсон! Самсон! (Обрывает смех). Я представляла его иным.

Франц (строго). Да, это я. Я возложил бремя века на свои плечи, если я выпрямлюсь – тогда все рухнет. (Просто, с горькой иронией.) Кроме того, Самсон всего-навсего несчастный человек; я в том уверен. (Шагает по комнате.) Какая зависимость! (Молчание. Садится.) Вы мешаете мне, сударыня. (Пауза.)

Иоганна. Я не буду вам больше мешать.

Франц. На что же вы решились?

Иоганна. Я все рассказала Вернеру.

Франц. Вот оно что! Зачем?

Иоганна (горько). Сама не знаю.

Франц. Как он это принял? Надеюсь, хорошо?

Иоганна. Очень плохо.

Франц (встревожен; нервно). Он уедет и увезет вас?

Иоганна. Он останется здесь.

Франц (облегченно). Тогда все хорошо (Потирает руки.) Очень хорошо.

Иоганна (с горькой иронией). Вы так пристально смотрите на меня! И что же вы видите? (Приближается к нему, берет его голову и почти насильно заставляет его взглянуть на себя.) Поглядите мне в глаза. Вот так. А теперь посмейте еще раз сказать, что все хорошо.

Франц (взглянув на нее, освобождается). Вижу... вижу! Вы тоскуете о Гамбурге. Легкая жизнь, вами восхищаются... вас желают. (Поддергивает плечами.) Ваше дело, как знаете.

Иоганна (с грустью). Самсон всего-навсего несчастный человек.

Франц. Да. Да. Да. Несчастный человек. (Топчется на месте, делая шаг то вправо, то влево.)

Иоганна. Что с вами?

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosofff.org
Франц (скрипучим, глухим голосом). Изображаю Краба. (Приходит в ужас от своих слов.) А? Что?.. (Возвращаясь к Иоганне, обычным голосом.) Почему я несчастный человек?

Иоганна. Потому что вы ничего не понимаете. (Пауза.) Мы будем страдать как в аду.

Франц. Кто?

Иоганна. Вернер, вы и я. (Короткая пауза.) Он остается здесь из ревности.

Франц (опешив). Что?

Иоганна. Из ревности. Теперь вам ясно? (Пауза. Пожав плечами.) Вы даже не понимаете, что это такое.

Франц смеется.

Он будет каждый день отпускать меня к вам, даже в воскресенье; разыгрывая из себя мученика в своем огромном министерском кабинете, там, на верфи. А по вечерам я буду расплачиваться.

Франц (искренне удивленный). Прошу простить меня, дорогой друг, но к кому же он ревнует?

Она пожимает плечами.

(Вынимает фотографию, разглядывает ее.) Ко мне? (Пауза.) Вы рассказали ему... во что я превратился?

Иоганна. Рассказала.

Франц. И что же?

Иоганна. Ревнует.

Франц. Это ненормально! Я болен; вероятно, душевнобольной; в заточении... Война сломила меня, сударыня!

Иоганна. Но она не сломила вашей гордыни.

Франц. Этого достаточно, чтобы ревновать ко мне?

Иоганна. Да.

Франц. Скажите ему, что от моей гордыни остались жалкие крохи. Мое бахвальство не что иное, как самозащита. Я пойду на крайнее унижение – передайте Вернеру, что я завидую ему.

Иоганна. Завидуете – ему?

Франц. Его свободе, его мускулам, его улыбке, его жене, его чистой совести. (Пауза.) Не довольно ли? Какой бальзам для его самолюбия.

Иоганна. Он мне не поверит.

Франц. Тем хуже для него. (Пауза.) А вы?

Иоганна. Я?..

Франц. Вы верите?

Иоганна (неуверенно, раздраженно). Нет, конечно.

Франц. Сударыня, простите за нескромность, но мне известна каждая минута вашей личной жизни.

Иоганна (вздернув плечами). Лени лжет вам.

Франц. Лени никогда не говорит мне о вас. (Указывая на часы.) Вот эта трещотка: она сплетничает. Стоит вам уйти, и она начинает болтать. Восемь

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosoff.org
часов тридцать минут – семейный обед; десять часов – все расходятся по комнатам; вы наедине с мужем. Одиннадцать часов – вечерний туалет; Вернер ложится, вы принимаете ванну. Полночь – вы ложитесь с ним рядом на его кровать.

Иоганна (вызывающе смеется). На его кровать? (Пауза.) Нет.

Франц. Две кровати?

Иоганна. Да.

Франц. На какой же из них вы обнимаете его?

Иоганна (раздраженно и цинично). То на одной, то на другой.

Франц (брюзжит). Ого! (Глядя на снимок.) Восемьдесят килограммов. Это тяжело. Атлет. Вам он нравится?

Иоганна. Если я выбрала его, значит, я предпочитаю атлетов.

Франц (бормочет, разглядывает снимок, затем прячет фотографию в карман). Шестидесять часов я не смыкал глаз.

Иоганна. Почему?

Франц. Мне неприятно, что вы с ним, когда я сплю.

Иоганна (сухо смеется). Ну что ж, придется вам не спать совсем.

Франц. Так и будет. Сегодня ночью, когда вы ляжете рядом с ним, знайте – я бодрствую.

Иоганна (в негодовании). Меня не интересуют ваши грязные мысли... И потом, спите спокойно: Вернер не прикаснется ко мне.

Франц (в замешательстве). А...

Иоганна. Вы разочарованы?

Франц. Нет.

Иоганна. Он не прикаснется ко мне, покуда мы будем жить здесь по его вине. (Пауза.) Знаете, что он вообразил? Что вы меня соблазнили. (Оскорбительно.) Это вы-то! (Пауза.) Вы с ним во многом похожи друг на друга.

Франц (вытаскивая фото). Да нет. Нисколько.

Иоганна. Похожи. Два брата Герлаха. Каждый из вас сосредоточен только на самом себе. Эгоцентрики-мечтатели. Что я такое? Ничто. Орудие для наслаждения. (Приближаясь к Францу.) Взгляните на меня. (Берет его руку и почти насильно кладет себе на плечо.) Когда я жила среди настоящих людей, они не служили черной мессы, чтобы почувствовать ко мне влечение. (Отталкивает его и отходит. Пауза. Внезапно.) Отец хочет говорить с вами.

Франц (безразлично). А...

Иоганна. Если вы его примете, он освободит Вернера от клятвы.

Франц (спокойно и равнодушно). А потом? Вы уедете?

Иоганна. Это зависит только от Вернера.

Франц (тем же тоном). Вы хотите этой встречи?

Иоганна. Да.

Франц (тем же тоном). Значит, отказаться видеть вас?

Иоганна. Разумеется.

Франц (тем же тоном). Что же будет со мной?

Иоганна. Вернетесь к вашей Вечности.

Франц. Хорошо. (Пауза.) Передайте отцу...

Иоганна (внезапно). Нет!

Франц. А?

Иоганна (неудержимо и пылко). Нет! ничего ему не передам!

Франц (бесстрастно, понимая, что выиграл). Надо же ответить ему.

Иоганна (так же горячо). Бесполезно: я не передам.

Франц. Тогда зачем же вы сообщали мне его просьбу?

Иоганна. Наперекор себе.

Франц. Наперекор?

Иоганна (чуть усмехнувшись, во взоре еще сквозит ненависть). Можете себе представить: у меня возникло желание убить вас.

Франц (очень любезно). Вот как! Давно?

Иоганна. Пять минут тому назад.

Франц. И оно уже прошло?

Иоганна (улыбающаяся, спокойная). У меня осталось одно желание: отлупить вас как следует по щекам. (Схватив обеими руками его голову, треплет по щекам.)

Он не вырывается.

Вот так. (Отпускает его и отходит.)

Франц (учтиво). Пять минут. Желание убить вас длилось у меня всю ночь.

Пауза.

Иоганна (присев на кровать, она глядит в пространство. Как бы самой себе). Я никогда не уеду отсюда.

Франц (подзадоривая ее). Никогда?

Иоганна (не глядя на него). Никогда. (Смущенно смеется, растерянно разводит руками, глядит вниз, точно что-то обронила.)

Франц (наблюдает за ней; внезапно превращаясь в надменного маньяка, каким он был во втором действии). Тогда останьтесь со мной. Навсегда.

Иоганна. В этой комнате?

Франц. Да.

Иоганна. И никогда не выходить отсюда?

Франц кивает.

Значит – затворничество?

Франц. Именно. (Шагает по комнате.)

Иоганна следит за ним. По мере того как он говорит, она приходит в себя, постепенно ожесточается, понимая, что Францу нужно только одно – утвердить свое безумие.

Я пробыл двенадцать лет на стеклянной крыше, на вершине горы, я кинул в ночь стеклянную, блестящую игрушку.

Иоганна (уже с презрением). Какую игрушку?

Франц. Мир – дорогая моя. Мир, в котором вы живете. (Пауза.) Суетные мысли вновь воскресли во мне. Из-за вас. Когда вы уходите, они окружают меня, ибо вы в них. Вы раздавили меня у подножия саксонской Швейцарии, и я несущу чушь перед вами, в охотничьем павильоне, в пяти метрах над уровнем моря... Вода наполняет ванну, в которой вы сидите... Но все идет своим чередом – Эльба течет, трава растет. Женщина всегда предает, сударыня.

Иоганна (мрачно и сурово). Если я предаю кого-нибудь, то не вас.

Франц. И меня. Также и меня, мой двойной агент! Двадцать часов из двадцати четырех вы думаете, чувствуете, говорите с другими, в то время как я брожу здесь наверху, над вами; вы хотите подчинить меня законам пошлости. (Пауза.) Если я буду держать вас под замком, все успокоится; мир канет в бездну, и вы будете такой, какая вы есть на самом деле. (Указывая на нее.) Такой, как сейчас! Крабы возвратят мне свое доверие, и я вновь смогу заговорить с ними.

Иоганна (насмешливо). А со мной вы будете иногда говорить?

Франц (указывая на потолок). Мы станем оба говорить с ними.

Иоганна раздражается смехом.

(Сердито.) Вы отказываетесь?

Иоганна. От чего отказываться? Это какой-то кошмар. Вы бредите. Я вас слушаю. Вот и все.

Франц. Вы не покинете Вернера?

Иоганна. Я вам уже сказала: нет.

Франц. Тогда оставьте меня. Вот вам фотография вашего мужа. (Протягивает ей фотографию.) Что же касается часов, пусть они канут в вечность. (Снимает с руки часы, разглядывает циферблат.) Вот! (Бросает часы на пол.) По последнему сигналу будет навсегда ровно четыре часа тридцать минут. В память о вас, сударыня. Прощайте. (Подходит к двери, поворачивает ключ, отодвигает железный засов. Длинная пауза. Он молча кланяется, указывая ей на дверь.)

Иоганна неторопливо подходит к двери, запирает ее. Двигает засов. Вновь возвращается к нему, спокойно, без улыбки. Во всех ее движениях ощущается сила.

Хорошо. (Пауза.) Что же вы будете делать дальше?

Иоганна. То, что делала все эти дни, начиная с понедельника: давать сигнал. (Указывая на дверь.)

Франц. А если я не открою?

Иоганна (уверенно). Откроете.

Франц наклоняется, поднимает часы, подносит их к уху; выражение его лица меняется, в голосе слышится некая страстность. С этой реплики на какое-то время между ними возникает настоящая близость.

Франц. Нам повезло: они идут. (Разглядывая циферблат.) Четыре часа тридцать одна минута. Вечность плюс одна минута. Бегите, бегите, стрелки, надо жить. (Иоганне.) Но как?

Иоганна. Не знаю.

Франц. Нас будет три буйных безумца.

Иоганна. Четыре.

Франц. Четыре?

Иоганна. Если вы откажетесь принять отца, он расскажет Лени.

Франц. Он на это способен.

Иоганна. И что тогда?

Франц. Лени не терпит осложнений.

Иоганна. И что же?

Франц. Она все упростит.

Иоганна (взяв револьвер, который лежит на столике). Вот этим?

Франц. Может, этим, может, другим способом.

Иоганна. В таких случаях обыкновенно женщина стреляет в женщину.

Франц. Лени только наполовину женщина.

Иоганна. У вас нет охоты умереть?

Франц. Откровенно говоря, нет. (Указывает в потолок.) Я еще не нашел слов, понятных для них А у вас – есть?..

Иоганна. Мне бы не хотелось оставить Вернера одиноким.

Франц (приходит к выводу; с усмешкой). Мы не способны ни умереть, ни жить.

Иоганна (тем же тоном). Ни соединиться, ни расстаться.

Франц. Мы как-то странно прикованы друг к другу.

Иоганна. Да, странно. (Садится на кровать.)

Молчание. Франц поворачивается спиной к Иоганне и трет устричную ракушку одну о другую.

Франц (спиной к Иоганне). Надо найти выход.

Иоганна. Выхода нет.

Франц (с силой). Надо найти. (С какой-то безумной, бессильной яростью трет ракушки.) Ну что?

Иоганна. Оставьте же наконец ракушки! Это невыносимо.

Франц. Замолчите. (Кидает ракушку в портрет Гитлера.) Чего мне это стоило. (Полуобернувшись, показывает ей на свои трясущиеся руки.) Знаете, что меня страшит?

Иоганна. Выход?

Франц утвердительно кивает, по-прежнему подавленный.

Почему?

Франц. Тише. (Поднимается, в сильном волнении ходит по комнате.) Не торопите меня. Все голоса заглохли, даже голос наименьшего зла... все пути закрыты, кроме одного; остается только один, самый тяжелый, – и его-то мы изберем.

Иоганна (с криком). Нет!

Франц. Вот видите, значит, вы знаете выход.

Иоганна (пылко). Мы были счастливы.

Франц. Счастливы – в Аду?

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosoff.org
Иоганна (охвачена стремлением убедить его). Да. Счастливы в Аду. Наперекор вам, наперекор мне... я вас прошу, умоляю... останемся такими, как есть... будем ждать, не надо никаких слов, пусть все будет по-прежнему... (Схватив его за руку.) Не будем ничего изменять.

Франц. Другие изменят, Иоганна. Другие заставят нас измениться. (Пауза.) Неужели вы думаете, Лени позволит нам жить?

Иоганна (с отчаянием). Лени я беру на себя... Если будет нужно, я первая нажму курок.

Франц. Отбросим Лени. Мы наедине с вами сейчас: что будет с нами?

Иоганна (с той же страстью). Ничего не будет!.. Ничего не изменится... мы будем...

Франц. Вы погубите меня.

Иоганна (тем же тоном). Никогда!

Франц. Погубите... медленно, верно... погубите... одно ваше присутствие освобождает меня от безумия. Безумие – мое убежище, Иоганна, что станет со мной, когда я опомнюсь?

Иоганна (так же). Вы исцелитесь.

Франц (коротко усмехаясь). Да! (После паузы, сурово посмеиваясь.) Впаду в полный маразм.

Иоганна. Я никогда не причиню вам зла; я не хочу вас исцелять. Ваше безумие – моя клетка, я мечусь в ней.

Франц (с грустной нежностью и горечью). Вы мечетесь, маленькая белка? Но у белок острые зубки: вы разгрызете прутья.

Иоганна. Неправда! У меня и в мыслях этого нет. Я потворствую всем вашим причудам.

Франц. О да. Это видно сразу. Ваша ложь понятна и слепому.

Иоганна (сдавленным голосом). Я никогда вам не лгу.

Франц. Ничего иного вы не делаете. Вы лжете бесконечно, мужественно, как маленький храбрый солдат. И притом очень искусно. Для того чтобы хорошо лгать, надо самому быть ложью – вот как я. А вы... вы – сама правда. Глядя на вас, я знаю, что правда существует и она против меня. (Смеется.) Могу поручиться, если в Дюссельдорфе есть сироты, – они жирнее перепелов.

Иоганна (непроизвольно и упорно.) Они все погибли. Германия мертва!

Франц (резко). Замолчите! (Пауза.) Ну что? Теперь вам понятно, как безысходен наш путь? Вы открываете мне глаза, пытаетесь изо всех сил закрыть их. А я каждый раз, разгадывая ваш обман, становлюсь вашим сообщником, потому что... потому что верю в вас, Иоганна.

Иоганна (постепенно смягчаясь). Значит, каждый из нас действует наперекор тому, к чему стремится.

Франц. Именно.

Иоганна (отрывисто, упрямо). Где же исход?

Франц. Пусть каждый из нас стремится осуществить то, что считает необходимым.

Иоганна. И мне стать виновницей вашей гибели?

Франц. Помочь друг другу добиться Истины – вот наша задача.

Иоганна. Вы всегда будете надувать себя. В недрах вашей души вы жаждете исказить Истину.

Франц (сухо и отчужденно). Надо же как-то защищать себя, дорогая моя. (Пауза. Смягчившись.) Я откажусь от своих вымыслов, когда... (Он колеблется.)

Иоганна. Когда?

Франц. Когда полюблю вас сильнее, чем свою ложь, когда вы полюбите меня не взирая на мою правду.

Иоганна (иронически). У вас есть правда? Какая? Не та ли, которую вы рассказываете вашим крабам?

Франц (яростно обрушиваясь). Какие крабы? Вы что, помешались? Какие крабы? (Пауза. Отвернувшись в сторону.) Ах, да. (Его точно осеняет.) Ведь крабы – это люди. (Пауза.) А? Что? (Садится.) Когда мне стало это ясно? (Пауза.) Я понял это однажды... да, да, да... Но голова у меня так забита разными мыслями... (Пауза. Решительным тоном.) Настоящие люди, добрые, прекрасные на всех этапах столетий. Я еще ползал в загоне, когда мне послышалось, что кто-то сказал: «Погляди-ка, братец, что там за существо?» Это он говорил обо мне. (Встает, вытягивается по-военному, отдает честь; громко.) Я – краб. (Повернувшись к Иоганне, задушевно, просто.) И тогда я сказал себе: «Нет! Люди не смеют судить мое время. Какими же после всего они будут? Сыновья наших сыновей? Мыслимо ли позволить сосункам судить своих предков? Я решил обменяться ролями и воскликнул: «Вот – человек! После меня потоп! После потопа вы – крабы!» Разоблачайтесь! Уступы веков заполонили Ракообразные. (Торжественно.) Вы, конечно, знаете, человечество встало на путь беззакония... я решил прикончить их чудовищные преступления и предал их бранные останки Суду Ракообразных... (Пауза. Медленно шагая из стороны в сторону.) Хорошо, назовем их людьми. (Тихонько посмеиваясь, с отсутствующим взглядом пятится назад, к портрету Гитлера.) Люди?! Поглядите-ка на него! (Неожиданно взрываясь.) Я лишаю их права судить меня, Иоганна. Я даю им отвод и передаю дело вам. Судите меня.

Иоганна (скорее покорно, чем удивленно). Судить вас?

Франц (кричит). Вы что, оглохли? (Ярость мгновенно переходит в испуг; точно изумившись.) А? Что? (Овладев собой, мрачно, слегка вызывающе смеется.) Вам придется судить меня, видит бог, именно вам, Иоганна.

Иоганна. Вчера вы были еще свидетелем. Свидетелем защиты Человека.

Франц. То было вчера. (Проводит рукой по лбу.) Свидетель Человека? (Смеется.) А как вы думаете, кто может им быть? Послушайте, сударыня, даже ребенку понятно, что свидетельские показания о себе дает сам обвиняемый. Я сознаю – это какой-то порочный круг (с мрачной гордостью.) Я – человек, Иоганна, я – человек; я – Человечество, я – Время! (Неожиданно приниженно, почти шутовски.) Как любой другой!

Иоганна. Значит, я должна судить не вас?

Франц. А кого же?

Иоганна. Любого другого.

Франц. Обвиняемый обещает быть ни на кого не похожим; я мог быть свидетелем защиты, но я буду обвинять себя, если разрешите. (Пауза.) Разумеется, вы свободны, но знайте, если, не выслушав, вы покинете меня из страха горько разочароваться во мне, узнав поближе, – значит, я осужден, волей-неволей осужден вами. Решайте. (Пауза. Указав на потолок.) Я рассказывал им небылицы, смешные приключения и до сих пор не знаю, поверили они мне или настроились против меня. Пирамида безмолвия над моей головой. Молчание тысячелетий. Оно убивает меня. Может, они не знают о моем существовании? Забыли обо мне? Что же станет со мной без суда? Какое унижение! «Поступай как хочешь – плевать нам на тебя!» Что же тогда будет со мной? Я ничего не стою? Бесплодную жизнь поглощает земля. Так гласил ветхий завет. А вот и Новый. Вы мое грядущее и настоящее, вы для меня весь мир, кроме вас – ничего: вы заставите меня позабыть о вечности; я буду жить. Вы услышите мою исповедь и поразитесь, станете возражать, я буду внимать вам. Пройдут годы, наступит день, вы признаете меня невиновным, и я это почувствую. Какой торжественный праздник: вы станете для меня всем, и мир простит меня.

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosoff.org
(Пауза.) Иоганна, возможно ли это?

Пауза.

Иоганна. Да.

Франц. Меня еще можно любить?

Иоганна (печально улыбаясь, глубоко искренне). К несчастью.

Франц (поднимается с чувством освобождения, он почти счастлив. Подходит к Иоганне и обнимает ее). Я никогда не буду больше одинок... (Наклоняется над ней, намереваясь ее поцеловать, но тут же отшатывается, отходит с ожесточенным видом, точно повинуясь своей навязчивой идее.)

Иоганна, взглянув на него, понимает, что он снова замкнулся в своем одиночестве, и тоже становится отчужденной.

(С горькой иронией в свой адрес.) Прошу простить меня, Иоганна, я слишком рано собрался обольстить судью, которого я себе выбрал.

Иоганна. Я вам не судья. Тех, кого любят, не судят.

Франц. А когда вы разлюбите меня? Разве это не будет судом надо мной? Страшным судом?

Иоганна. Разве это мыслимо?

Франц. Когда узнаете, кто я такой на самом деле.

Иоганна. Но я уже знаю.

Франц (потирая руки, язвительно, почти весело). О, нет. Не все! Не все! (Пауза. У него совсем помешанный вид.) Наступит день, как все обычные дни, я начну рассказывать о себе, вы будете слушать и вдруг любовь исчезнет! В ваших глазах я увижу ужас и почувствую, что вновь превращаюсь... (Опустившись на пол, становится на четвереньки, пятясь в сторону)... в Краба!

Иоганна (глядит на него в ужасе). Прекратите!

Франц (на четвереньках). Точно такими же глазами вы поглядите на меня, как сейчас! Да, такими же! (Поднимаясь с пола.) И я буду осужден, не так ли? Осужден без права обжалования. (Уже другим, голосом, торжественно и оживленно.) Но ведь можно еще надеяться, что я буду оправдан.

Иоганна (вся презрение, напряженно). Я не уверена, что вы этого добиваетесь.

Франц. Сударыня, у меня только одно желание – поскорее ускорить развязку... прийти к концу любым способом.

Иоганна. Вы выиграла, поздравляю! Если я уеду – значит, я осудила вас; если останусь – вы отравите наше чувство недоверием: оно уже сейчас горит в вашем взгляде... Что ж, пойдем по избитому пути: будем опускаться на глазах друг у друга, падать все ниже и ниже; сделаем из своей любви орудие пытки, превратимся во врагов, будем пить; уж, конечно, без этого нам не обойтись, не правда ли? Я буду приносить вам шампанское, себе – виски, каждый молча, сидя за своей бутылкой, друг против друга. (Зло усмехаясь.) Вот когда мы станем подлинными свидетелями Человечества, да? Счастливая чета, как все остальные! (Наливает шампанское, поднимает бокал.) За нас! (Отпивает глоток и кидает бокал в портрет Гитлера; бокал со стуком ударяется о портрет. Идет налево, вытаскивает из груды сломанной мебели кресло, ставит его, садится.) И так?

Франц (понуру). Иоганна... что вы?..

Иоганна. Сейчас моя очередь спрашивать что вы намерены мне рассказать?

Франц. Вы меня не поняли... если бы не было никого... кроме нас... то клянусь...

Иоганна. Кроме нас... кто же еще?

Франц (с усилием). Лени, моя сестра. Если я решусь говорить, то только для того, чтобы отвести от нас удар... Я расскажу все, что надо рассказать, ничего не утаив, но постепенно... пройдет время, месяцы, годы, пока я выскажусь до конца... я прошу вас лишь об одном – о доверии. Я верю вам... обещайте никому не верить, только мне.

Иоганна (устремив на него долгий, пристальный взгляд; смягчившись). Хорошо. Обещаю верить только вам.

Франц (в какой-то мере торжественно, но искренне). Если вы сдержите ваше обещание, Лени потеряет власть над нами. (Садится.) Я так испугался... вы были в моих объятиях, меня влекло к вам... я словно воскрес... и вдруг я увидел свою сестру, и тут же сказал себе: она все погубит... (Вынимает носовой платок из кармана, проводит по лбу.) Уф! (Тихо.) Сейчас лето, не правда ли? Душно, должно быть, очень. (Пауза. Глядя в пространство.) Знаете, ведь он превратил и меня в отвратительный автомат.

Иоганна. Отец?

Франц (так же). Да. Человек-автомат, ни на что не способный, разве только командовать. (Усмехнувшись, после паузы.) Еще одно лето прошло. Машина все вертится. И, как всегда, впустую. (Поднимаясь.) Я расскажу вам о своей жизни, но не рассчитывайте услышать повесть о крупных преступлениях. О нет, я даже этим не могу похвастать. Знаете, в чем я себя упрекаю?.. Я ни на что не способен...

Свет медленно гаснет.

Ни на что! Ни на что! Никогда!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Франц, Иоганна, женщина.

Голос женщины еле слышен: «Солдат!»

Иоганна (не слышит голоса женщины). Но вы воевали.

Франц. Подумаешь!

Свет начинает гаснуть.

Голос женщины явственней: «Солдат!»

Франц, один на авансцене; Иоганна в кресле, погружена в темноту.

Франц. Война, ее не делают, это она делает нас. Покуда сражались, я развлекался вовсю: оставался штатским в военной форме. Одна ночь навсегда превратила меня в солдата. (Берет со стола офицерский шлем и одним жестом нахлобучивает его на голову.) Бедный, побежденный бродяга, бездарь. Я возвращался из России, крадучись пробирался по Германии, вошел ночью в разрушенную деревушку.

Голос женщины (по-прежнему из мрака; громче): «Солдат!»

Кто там? (Резко поворачивается; в левой руке – электрический фонарь; в правой – револьвер, прицеливается, не зажигая фонаря.) Кто звал меня?

Голос женщины: «Погляди».

Вас много?

Голос женщины: «Рядом с тобой – никого. На земле – я одна».

Франц внезапно зажигает фонарь, опускает его вниз: на полу, прислонясь к

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosofff.org
стене, полулежит женщина в черном.

Женщина. Ты ослепил меня. Потуши.

Франц тушит фонарь, рассеянный свет освещает их.

Ну, стреляй! Стреляй! Стреляй же! Убивай немку, заканчивай свою войну!

Франц (видя, что бессознательно держит револьвер направленным на женщину, с ужасом засовывает его в карман). Ты что тут делаешь?

Женщина. Разве не видишь, я у стены. (Гордо.) Это моя стена. Самая надежная стена во всей деревне. Одна удержалась.

Франц. Идем со мной.

Женщина. Зажги свой фонарь.

Франц зажигает фонарь.

(Резким движением срывает с себя покрывало.) Смотри!

Франц опускает глаза вниз и видит изуродованные ноги женщины. Зритель этого не различает. Франц, бормоча проклятья, мгновенно тушит фонарь

Вот что осталось от моих ног.

Франц. Чем я могу помочь тебе?

Женщина. Присядь на минуту.

Он садится возле нее.

Наконец-то мне удалось поставить к стенке нашего солдата! Ни о чем другом я не просила. (Пауза.) Я надеялась, что это будет мой брат, но он убит. В Нормандии Пусть ты заменишь его. Я мечтала ему сказать: «Гляди! (Указывает на развалины деревни.) Это твоя работа!»

Франц. Его работа?

Женщина (выпрямляясь, францу). И твоя, мой мальчик.

Франц. Почему?

Женщина (как бы обличая его). Ты бежал с поля боя.

Франц. Не говори глупостей. (Резко поднимается, взор его падает на плакат, не замеченный им прежде из-за темноты.)

Плакат приклеен к стене на высоте полутора метров от пола, направо от женщины: «Винный – это ты!»

Еще один плакат! Они повсюду их расклеивают! (Намеревается сорвать плакат.)

Женщина (откинув голову, глядя на него). Оставь! Оставь, тебе говорю! Это моя стена!

Франц отходит.

(Указывая на плакат, читает.) «Винный – это ты!» Ты, мой брат, вы все!

Франц. Значит, ты заодно с ними?

Женщина. Как ночь заодно с днем. Они рассказывают господе богу, что мы каннибалы, и господь бог верит им, раз они победители. Но меня никто не переубедит: истинный каннибал – это победитель. Сознайся, солдат, у тебя не было желания съесть человека. Сознайся, солдат.

Франц (устало). Мы все уничтожили! Города! Деревни! Столицы!

Женщина. Если они победили вас, значит, они разрушили больше, чем вы.

Франц пожимает плечами.

Ты пожирал человека?

Франц. А твой брат? Он был способен на это?

Женщина. Разумеется, нет: он был хорошо воспитан. Как ты.

Франц (после паузы). Тебе рассказывали о лагерях?

Женщина (после паузы). О каких?

Франц. Ты знаешь, о чем я спрашиваю: об истребительных лагерях.

Женщина. Да, рассказывали.

Франц. Когда б ты узнала, что твой брат перед смертью был сторожем в одном из таких лагерей, ты бы гордилась им?

Женщина (в диком исступлении). Да. Выслушай меня, солдат, будь на совести моего брата тысячи убитых, будь среди убитых женщины, как я, дети, как те, что зарыты здесь под этими камнями, я бы гордилась им; я бы знала, что он в раю и вправе сказать: «Я сделал все, что смог!» Но я знаю его: он любил свою честь, свою добродетель больше нас. И вот чего он добился. (Жестом указывает вокруг, с яростью.) Необходим был террор! Чтобы вы все опустошили.

Франц. Мы только это и делали.

Женщина. Мало! Мало крови! Мало лагерей! Ты нас предал, ты щадил то, что тебе не принадлежит; каждый раз, когда ты щадил жизнь врага, будь он даже в колыбели, ты забирал нашу жизнь; ты хотел сражаться без ненависти, но ты отравил ненавистью меня, и она терзает мое сердце. Где твоя доблесть, плохой солдат? Будь ты проклят, солдат поражения! Где твоя честь? Виновный – это ты! Бог будет судить тебя не по твоим поступкам, а по тому, чего ты не осмелился совершить: по тем преступлениям, которые надо было совершить, и ты их не совершил!

Мрак понемногу рассеивается. Виден только один плакат.

Голос женщины (постепенно удаляясь, глухо повторяет): «Виновный – это ты! Ты! Ты!»

Плакат исчезает.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Франц, Иоганна.

Голос франца (во мраке): «Иоганна!»

Свет. Франц стоит возле стола, с непокрытой головой. Иоганна сидит в кресле. Женщина исчезла.

Иоганна (невольно содрогнувшись). Что?

Франц (подходит и пристально смотрит на нее). Иоганна! (Не отрываясь, глядит ей в лицо, пытаясь отогнать нахлынувшие воспоминания.)

Иоганна (откинувшись в кресле, несколько сухо). Что с ней случилось?

Франц. С женщиной? Смотря по обстоятельствам...

Иоганна (изумленная). Каким?

Франц. В моих снах.

Иоганна. Разве это не воспоминание?

Франц. В той же мере, как и сон. Иногда я веду ее за собой, иногда бросаю по дороге, иногда... По как бы ни было, она всегда умирает, и это кошмар. (С остановившимся взглядом; про себя.) Не знаю, может, я пристрелил ее.

Иоганна (не изумлена, с отвращением). Ох!

Франц (смеется. Как бы нажимая на воображаемый курок). Вот так! (Пренебрежительно улыбаясь.) А по-вашему, лучше было оставить ее мучиться? Все дороги кишели несовершенными преступлениями, которые только и ждали своих преступников. Настоящий солдат идет и берет это на себя. (Внезапно.) Вам не по душе эта история? Мне не нравится, когда вы на меня так смотрите! Ладно! Придумайте какую угодно развязку. (Стремительно отходит от нее, подойдя к столу, оборачивается.) «Виновный – это ты!» Что вы на это скажете? Она права?

Иоганна (пожимая плечами). Это была сумасшедшая.

Франц. Да. А что это меняет?

Иоганна (с силой, ясно). Мы проиграли, потому что у нас не хватало ни людей, ни самолетов.

Франц (обрывая ее). Знаю! Знаю! Это слова Гитлера. (Пауза.) А я вам говорю свое. Война была моей участью: что я мог еще совершить?

Она хочет что-то сказать.

Подумайте! Подумайте хорошенько: ваш ответ будет решающим.

Иоганна (недовольная, раздраженно и колко). Все уже продумано.

Франц (после паузы). Если бы я совершил те злодеяния, за которые судили в Нюрнберге...

Иоганна. Какие?

Франц. Откуда мне знать? Геноцид и весь бордель.

Иоганна (пожимая плечами). Зачем вам было их совершать?

Франц. Затем, что война стала моей участью: когда наши отцы брюхатили наших матерей, они делали солдат. Откуда мне знать – зачем?

Иоганна. Солдат – это человек.

Франц. Но прежде всего – он солдат. Что тогда? Вы продолжали бы меня еще любить? (Не давая ей ответить.) Нет, ради Христа, подумайте, прежде чем ответить.

Она молча глядит на него.

Ну, так как?

Иоганна. Нет.

Франц. Вы перестали бы меня любить?

Иоганна кивает.

Пришли бы в ужас?

Иоганна. Да.

Франц (разражаясь смехом). Превосходно! Успокойтесь, вы имеете дело с ягненком. Поверьте мне, что я невиновен.

У нее по-прежнему недоверчивый и раздраженный вид.

Вы можете даже улыбнуться; я убил Германию своей чрезмерной

Дверь из ванны распахивается; входит Клаг, закрывает дверь, медленными шагами подходит к стулу Франца, садится. Ни Франц, ни Иоганна не замечают его.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Франц, Иоганна. Клаг.

Франц. Мы находились в пятистах километрах от Смоленска. Окопались в одной деревушке Командир убит, капитаны убиты, из командиров нас осталось двое лейтенантов и один фельдфебель. Забавный триумvirат; лейтенант Клаг был сыном священника, идеалист, витающий в облаках... Фельдфебель Генрих твердо стоял на земле и был стопроцентным нацистом. Партизаны отрезали нам путь к отступлению: дорога обстреливалась и день и ночь. Припасов оставалось на три дня. Кто-то из солдат поймал двух русских крестьян; их заперли в сарай, и они считались пленными.

Клаг (удрученно). Какая скотина!

Франц (не оборачиваясь). А?

Клаг. Генрих! Говорю – какая он скотина!

Франц (сумрачно, в той же позе). А... да..

Клаг (жалобно и мрачно) Франц, я влип!

Франц круто поворачивается к нему.

Он вбил себе в голову, что заставит заговорить этих крестьян.

Франц. А-а-а-а... (Пауза.) А ты, ты против того, чтобы он издевался над ними?

Клаг. Я не прав?

Франц. Не в этом дело.

Клаг. А в чем?

Франц. Ты запретил ему входить в сарай?

Клаг молча кивает.

Так пусть не входит.

Клаг. Ты прекрасно знаешь, что он меня не слушает.

Франц (возмущенно, с притворным удивлением). Как?

Клаг. Нет у меня нужных слов.

Франц. Каких слов?

Клаг. Чтобы убедить его.

Франц (ошарашен). Ты еще хочешь убедить его! (Грубо.) Обращайся с ним как с собакой, заставь его ползать.

Клаг. Не могу. Если я позволю себе презирать человека, даже палача, то больше никого не смогу уважать.

Франц. Если один из подчиненных хоть раз ослушается тебя, то конец. Никто не будет тебе повиняться. Уважать человека смешно, и запомни лучше: если ты наплюешь на дисциплину, это приведет к поражению, к резне или к тому и другому одновременно.

Клаг (поднимается, подходит к двери, приоткрывает ее и выглядывает наружу). Он опять перед сараем: выслеживает их. (Закрывает дверь, поворачивается к францу.) Спасем их!

франц. Ты их можешь спасти, если спасешь свой авторитет.

Клаг. Я думал...

франц. Что?

Клаг. Генрих почитает тебя, как господа бога.

франц. Потому что для меня он мешок с дерьмом: это логично.

Клаг (смущенно). Если ты ему прикажешь... (С мольбой.) Франц!

франц. Нет. Пленные – твое дело. Тебя перестанут уважать, если прикажу я. А случись, что меня убьют, Генрих, понимая, что ты за слюнтяй, примет командование. Это будет катастрофой и для моих солдат, потому что он скотина, и для твоих пленных, потому что он живодер. (Пересекает комнату, подходит к Иоганне.) И также для Клага: в каком бы он чине ни был, Генрих все равно закопал бы его в яму.

Иоганна. Почему?

франц. Клаг мечтал о нашем поражении.

Клаг. Я не мечтал: я хотел этого!

франц. Не имеешь права!

Клаг. Это будет крахом Гитлера!

франц. И также Германии. (Смеясь.) Капут! Капут! (Возвращаясь к Иоганне.) Он сражался с ними только мысленно: проклинал нацистов в душе, пытаясь забыть, что на деле был их слугой.

Иоганна. Он не был их слугой.

франц (Иоганне). Бросьте! Вы из той же породы. Голосом, руками, всей своей плотью он служил им. А богу твердил, что не волен в своих поступках... Но он их совершал! (Возвращаясь к Клагу.) Война – это ты. Отрицая ее, ты обрекаешь себя на бессилие: отдаешь задаром свою душу, моралист. За свою я потом рассчитаюсь. (Пауза.) Главное – выиграть! А тогда уж займемся Гитлером.

Клаг. Поздно будет.

франц. Поживем – увидим! (Возвращаясь к Иоганне, злобно.) Меня надули, сударыня, и я решил, что во второй раз я не дам себя надуть.

Иоганна. Кто же надул вас?

франц. И вы еще спрашиваете? Лютер. (Смеясь.) Ну, теперь вам понятно. Я послал Лютера к черту и уехал. Война была моей судьбой, и я жаждал ее всей душой. Наконец-то я мог действовать! Я отдавал приказы, я был в полном согласии с самим собой.

Иоганна. Разве убивать – это действовать?

франц. Да. Вписывать свое имя.

Клаг. Куда?

франц. В список тех, кто там находился. Я запечатлел свое имя на этой равнине. Я отвечаю за войну, будто веду ее один; когда я выиграю, буду считать, что исполнил свой долг.

Иоганна (очень сухо). А что с пленными, Франц?

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosofff.org
Франц (поворачиваясь к ней). Что?

Иоганна. Вы считали себя в ответе за все; как вы ответили за двоих?

Франц (после паузы). Я выпутал их из этого дела. (Клаг.) Как отдать ему приказ, не унизив твоего авторитета? погоди немного! (Размышляет.) Вот! (Подходит к двери, зовет.) Генрих! (Возвращается к столу.)

Вбегает Генрих.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Франц, Иоганна, Клаг, Генрих.

Генрих (отдает честь; руки по швам). К вашим услугам, господин лейтенант. (Стоит навывтяжку перед Францем, на лице мелькает довольная улыбка, почти с любовной преданностью глядит ему в глаза.)

Франц (не спеша приближается к фельдфебелю, внимательно оглядывает его с ног до головы). Что за небрежность, фельдфебель? (Указывает на плохо пришитую пуговицу). Это что такое?

Генрих. Это... ох, это пуговица, господин лейтенант.

Франц (дружелюбно). Вы потеряете ее, мой друг. (Резким движением отрывает пуговицу, держит ее в левой руке.) Пришейте.

Генрих (скорбно). Не могу, господин лейтенант, ниток нет.

Франц. А, ты еще отвечаешь, каналья? (Размахнувшись, правой рукой дает ему две пощечины подряд.) Подбери! (Бросает пуговицу.)

Фельдфебель нагибается, чтобы поднять пуговицу.

Смирно!

Фельдфебель, подняв пуговицу, стоит навывтяжку, руки по швам.

Лейтенант Клаг и я обменялись сегодня нашими обязанностями. Лейтенант Клаг отправился сейчас на осмотр передовых позиций вместо меня. Вы будете его сопровождать. Я остаюсь здесь и до понедельника буду выполнять его функции. Ступайте.

Генрих отдает честь.

Обождите! (Клаг.) Если не ошибаюсь, у нас есть пленные?

Клаг. Двое.

Франц. Превосходно. Я займусь ими.

Генрих (глаза его блестят, он надеется, что Франц поддержит его). Господин лейтенант!

Франц (с изумленным видом, резко). Слушаю.

Генрих. Это партизаны.

Франц. Возможно! Что еще?

Генрих. Если позволите...

Клаг. Я уже запретил ему заниматься ими.

Франц. Вы слышите, Генрих? Выполняйте приказ. Ступайте.

Клаг. Обожди. Ты знаешь, что он мне сказал?

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosoff.org
Генрих (францу). Я... я пошутил, господин лейтенант.

Франц (нахмутив брови). С начальством? (Клаг.) Что он сказал?

Клаг. «А что будет, если я ослушаюсь вас?»

Франц (безучастно). А-а-а... (Поворачиваясь к Генриху). Сегодня, фельдфебель, я вам отвечу сам. Если вы ослушаетесь (похлопывая по портупее). ...я пристрелю вас... (Пауза.)

Клаг (Генриху). Пошли! (Обменивается с Францем взглядом, выходит следом за Генрихом.)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Франц, Иоганна.

Франц. Я поступил правильно, убив своих солдат?

Иоганна. Вы не убивали их.

Франц. Но я ничего не сделал, чтобы помешать им умереть.

Иоганна. Пленные не стали бы говорить.

Франц. Откуда вы знаете?

Иоганна. Крестьяне? Им нечего было говорить.

Франц. Какие доказательства, что они не были партизанами?

Иоганна. Как правило, партизаны никогда не говорят.

Франц. Как правило, да! (Настойчиво, с обезумевшим видом.) Германия стоит преступления. Не так ли? (Надменно, с усталой развязностью, почти рисуясь.) Не знаю, поймете ли вы меня. Вы уже другое поколение. (Пауза. С неистовой злобой, не глядя на нее, встав на вытяжку.) Жизнь коротка! Впереди смерть! Шагать! Шагать! В самую глубь кошмаров, за пределы Ада. Пороховой склад. Если я взорву его, среди мрака, все полетит в преисподнюю, кроме моей страны, одно мгновение, и я, кружась волчком, взлечу ввысь, как праздничная ракета... и затем – ничего... Ночь – и мое имя на медной доске. (Пауза.) Согласитесь, что я сопротивлялся. Принципы, моя дорогая, принципы прежде всего, во всем... Этих случайных пленных, как вы догадываетесь, я предпочел моим людям. И все же я был обязан сказать – нет! Что же, выходит, я – людоед? Простите, вернее – вегетарианец. (Пауза. Помпезно, нравоучительно.) Тот, кто не доходит до конца, – ничего не совершает, я ничего не совершил. Тот, кто ничего не совершил, есть ничто. Ничто? (Указывая на себя, как бы во время переклички.) Вот он, здесь! (Пауза. Иоганне.) Вот первый пункт в обвинительном акте.

Иоганна. Я вас оправдываю.

Франц. Я говорю, что надо во всем разобраться.

Иоганна. Я вас люблю.

Франц. Иоганна!

Раздается стук в дверь. Сначала пять раз, затем четыре раза и два раза по три. Они глядят друг на друга.

Поздно...

Иоганна. Франц...

Франц. Мало времени для моей защиты. (Пауза.) Отец говорил Иоганна, вы будете свидетельницей страшной казни.

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosofff.org
Иоганна (глядя на него). Вашей?

Стук повторяется.

И вы дадите себя убить? (Пауза.) Вы не любите меня?

Франц (беззвучно смеется.) О нашей любви я буду сейчас говорить...
(указывая на дверь) в ее присутствии. Ничего хорошего не произойдет. И
запомните мои слова: я буду вас просить о помощи, и вы мне откажете в ней.
(Пауза.) Но если он оставил хотя бы один шанс... Пройдите туда.

Отводит ее в ванную, закрывает за ней дверь и идет открывать дверь Лени.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Франц, Лени.

Франц поспешно снимает с руки часы и прячет их в карман. Входит Лени, в
руке у нее тарелка с тортом, обсыпанным сахарной пудрой, на нем четыре
свечи. Под мышкой – газеты.

Франц. К чему тревожить меня в такой час?

Лени. Ты знаешь который час?

Франц. Я знаю, что ты заходила ко мне уже раз, а потом мы расстались.

Лени. Не заметил, как промелькнуло время?

Франц. Да. (Указывая на торт.) Что это?

Лени. Торт. Собиралась преподнести его завтра к десерту.

Франц. И что же?

Лени. Как видишь, принесла сегодня вечером, со свечками.

Франц. А при чем свечи?

Лени. Сосчитай.

Франц. Одна, две, три, четыре. И что?

Лени. Тебе тридцать четыре года.

Франц. Да. Пятнадцатого февраля.

Лени. Пятнадцатое февраля – день твоего рождения.

Франц. А сегодня?

Лени. Дата.

Франц. Хорошо. (Берет у нее из рук тарелку и ставит на стол. Читает.)
«Франц»! Это ты вывела здесь мое имя?

Лени. А ты бы хотел, чтобы кто его написал?

Франц. Слава! (Сосредоточенно разглядывая торт, читает.) «Франц» на розовой
помадке. Премило, не менее лестно, чем на бронзе. (Зажигает свечи.) Горите
себе понемногу, мы догорим вместе... (Небрежно.) Ты видела отца?

Лени. Он нанес мне визит.

Франц. Он был у тебя?

Лени. Да!

франц. Долго?

лени. Довольно долго.

франц. В твоей комнате – это особая милость.

лени. Я заплачу за нее!

франц. И я.

лени. И ты тоже.

франц (отрезав два куска торта). Вот тело мое. (Наливает шампанское в два бокала.) Вот кровь моя. (Протягивает торт Лени.) Угощайся.

Она отрицательно качает головой, улыбается.

Отравлен?

лени. С какой стати?

франц. Ты права: с какой стати? (Протягивает бокал.) Выпей со мной.

лени, принимая бокал, презрительно разглядывает его.

франц. Что ты там увидела? краба?

лени. Губную помаду.

франц (вырывает у нее из рук бокал и разбивает его о край стола). Это твой бокал! Плохо моешь посуду. (Протягивает свой бокал Лени; наливает себе шампанское в третий.) Выпей за меня!

лени. За тебя. (Поднимает бокал.)

франц. За меня!

Они чокаются.

Что ты мне пожелаешь?

лени. Чтобы ничего не было.

франц. Ничего? О! Совсем ничего? Превосходная мысль! (Поднимая бокал.) Пью за ничего. (Выпивает залпом, ставит бокал на стол.)

лени пошатывается.

(Обнимает ее и подводит к креслу.) Садись, сестренка.

лени (сажаясь). Прости, но я устала. (Пауза.) И самое тяжелое еще впереди.

франц. Верно. (Вытирает лоб.)

лени (про себя). Холодно. Еще одно гнилое лето.

франц (оторопев). А мне душно.

лени (благодушно). А? Возможно. (Пристально смотрит на него.)

франц. Что ты на меня смотришь?

лени. Ты изменился. (Пауза.) Этого нельзя не заметить.

франц. Так заметно?

лени. Нет. Но я вижу. (Пауза.) Никто не виноват, дорогой мой, – ты должен был любить меня. Но понимаю, ты не смог.

франц. Я любил тебя.

Лени (в гневе, яростно кричит). Замолчи! (Сдерживается, но в голосе до конца слышны жесткие нотки.) Отец сказал, что ты познакомился с нашей невесткой.

Франц. Она заходит иногда ко мне. Очень милая. Я рад за Вернера. Что ты наплела мне о ней? Она вовсе не горбунья.

Лени. Конечно, горбунья.

Франц. Совсем нет! (Делает вертикальный жест рукой.) У нее...

Лени. Ну да, держится она прямо. Но это не мешает ей быть горбуньей. (Пауза.) Ты находишь ее красивой?

Франц. А ты?

Лени. Красива, как смерть.

Франц. Это ты весьма тонко заметила. Я как-то ей тоже об этом сказал.

Лени. Пью за нее! (Опорожняет бокал и бросает его на пол.)

Франц (небрежно). Ревнуешь?

Лени. Не вижу смысла.

Франц. Да. Еще рано.

Лени. Слишком рано.

Пауза.

Франц (указывая на торт, смеется). Это пустой выстрел. (Перекладывает торт в левую руку, правой открывает ящик, вынимает револьвер и, продолжая есть, протягивает его Лени.) Держи!

Лени. На что он мне?

Франц (указывая на себя). Стреляй. И оставь ее в покое.

Лени (смеясь). Положи его в ящик. Я понятия не имею, как обращаются с этой штукой.

Франц (рука по-прежнему протянута к Лени, револьвер лежит у него на ладони). Ты не причинишь ей зла?

Лени. За кем я ухаживала тринадцать лет? Выпрашивала, как милостыню, ласки? Сносила все обиды? Кормила, обмывала, одевала, защищала от всех? Она-то мне ничем не обязана, я к ней и не прикоснусь. Если я хочу заставить ее немного пострадать, то только из-за моей любви к тебе.

Франц (скорее утвердительно). Я обязан тебе всем?

Лени (исступленно). Всем.

Франц (указывая на револьвер). Возьми же его.

Лени. Ты только этого и ждешь, умираешь от желания. Какое воспоминание ты оставил бы ей о себе! И вдовство ей к лицу: она создана для него. (Пауза.) Разве я решилась бы убить тебя, любовь моя? Ничего на свете я так не боюсь, как твоей смерти. Я только хочу, чтобы и ты пострадал: я намерена рассказать обо всем Иоганне.

Франц. Обо всем?

Лени. Обо всем. Я вырву тебя из ее сердца.

Рука франца судорожно сжимает револьвер.

Лени. Стреляй в твою бедную сестренку, стреляй: я оставила письмо; если случится несчастье, Иоганна получит его вечером. (Пауза.) Ты считаешь, – я

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosofff.org
хочу отомстить?

Франц. Это не месть?

Лени. Нет. Я хочу быть справедливой. Живой или мертвый, ты должен принадлежать мне, потому что только я одна люблю тебя таким, какой ты есть.

Франц. Ты одна? (Пауза.) Скажи ты об этом вчера, я бы тебя убил. Сегодня мне почудилось, что есть проблеск надежды. Один шанс из ста, что она не оттолкнет меня. (Кладет револьвер в ящик.) Ты жива еще, Лени, только потому, что я решил использовать эту возможность до конца

Лени. Прекрасно. Пусть она узнает то, что знаю я; и посмотрим, кто выиграет. (Поднимается, направляется к ванной комнате. Проходя мимо него, бросает газету на стол.)

Франц (привскакивает). Что это?

Лени. Газета «Франкфуртер цейтунг»: пишут о нас.

Франц. О тебе и обо мне?

Лени. О нашей семье. Они печатают целый ряд очерков. «Гиганты, возродившие Германию». В знак признательности выдающимся людям страны. Они начали с Герлахов.

Франц (не решаясь взять в руки газету). Отец – гигант?

Лени (указывая на статью). Так они его называют. Ты только почитай: они считают его самым выдающимся.

Франц берет газету, разворачивает, и у него вырывается какой-то хриплый звук; он сидит лицом к зрителю, головой уткнувшись в развернутые страницы, спиной к ванной комнате.

(Стучит в дверь ванной.) Откройте! Я знаю, что вы здесь.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Франц, Лени, Иоганна.

Иоганна (открывая дверь). Тем лучше. Не люблю прятаться. (Любезно.) Здравствуйтесь.

Лени (любезно). Здравствуйтесь.

Иоганна (в тревоге проходит мимо Лени, направляясь прямо к Францу). Ах, вот что, газеты!

Франц даже не оборачивается.

(Повернувшись к Лени.) Вы не теряете времени зря.

Лени. Да. Я тороплюсь.

Иоганна. Торопитесь убить его?

Лени (пожав плечами). Совсем нет.

Иоганна. Поспешите: мы обогнали вас! Я убеждена, что теперь он уже вынесет любую правду.

Лени. Вот смешно: он также убежден, что вы выдержите все.

Иоганна (с улыбкой). Я все выдержу! (Пауза.) Отец доложил обо всем?

Лени. Да.

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosoff.org
Иоганна. Выполнил свою угрозу. Это он помог мне прийти сюда.

Лени. А...

Иоганна. Этого он вам не сказал?

Лени. Нет.

Иоганна. Мы для него пешки.

Лени. Очевидно.

Иоганна. Вас ото устраивает?

Лени. Да.

Иоганна. Чего же вы хотите?

Лени (указывая на франца). Уйдите из его жизни.

Иоганна. Я не уйду.

Лени. Я заставлю вас уйти.

Иоганна. Попробуйте.

Молчание.

Франц (откладывает в сторону газету, поднимается, подходит к Иоганне). Вы обещали верить только мне одному, Иоганна; настал час напомнить об этом обещании; теперь наша любовь зависит только от вас.

Иоганна. Я верю только вам.

Они глядят друг другу в глаза. Она нежно и доверчиво улыбается ему. Лицо франца бледно, искажено конвульсиями; он судорожно пытается улыбнуться ей, затем, повернувшись, возвращается на место, берег газету,

Иоганна. Итак, Лени?

Лени. Нас двое. Одна из нас лишняя. Это должно быть ясно само собой.

Иоганна. Как же мы поступим?

Лени. Испытание разрешит все, если вы победите, то замените меня.

Иоганна. Вы смошенничаете.

Лени. В этом нет необходимости.

Иоганна. Почему?

Лени. Потому что вы проиграете.

Иоганна. В чем же испытание?

Лени. Сейчас узнаете. (Пауза.) Он исповедовался вам о фельдфебеле Генрихе и русских пленных? Корил себя, что, спасая жизнь партизанам, стал виновником смерти своих товарищей.

Иоганна. Да.

Лени. И вы его утешили, сказав, что он прав?

Иоганна (насмешливо). Вы все знаете!

Лени. Не удивляйтесь: он и ко мне обратил свою жалобу.

Иоганна. Что из того? Вы хотите сказать, что он лгал?

Лени. Все, что он рассказал, – правда.

Иоганна. Тогда... что же...

Лени. Это не развязка. История этим не заканчивается. Вот в чем испытание, Иоганна.

Франц. Невероятно! (Отбросив в сторону газету, поднимается; бледен, глаза сумасшедшего.) Сто двадцать верфей! Можно покрыть расстояние от земли до луны, если выстроить в ряд наши корабли, выпущенные за год! Германия – на ногах! Да здравствует Германия! (Механически направляется к Лени крупным военным шагом.) Спасибо, сестра. А теперь оставь нас.

Лени. Нет.

Франц (повелительно кричит). Я сказал – оставь нас. (Хватает ее за руку.)

Иоганна. Франц!

Франц. Да?

Иоганна. Я хочу знать конец истории.

Франц. История не имеет конца: все умерли, кроме меня.

Лени. Послушайте его. Однажды в сорок девятом году он мне признался во всем.

Иоганна. В чем признался?

Франц. Все выдумки. Разве можно говорить с ней серьезно? Я развлекался! (Пауза.) Иоганна, вы дали обещание верить только мне.

Иоганна. Я верю вам.

Франц. Так верьте же, господа, верьте мне!

Иоганна. Я... вы совсем другой в ее присутствии

Лени смеется.

Заставьте же меня поверить вам! Скажите, что она лжет, скажите! Вы ничего не совершили... ведь правда?

Франц (почти со стоном). Ничего.

Иоганна (исступленно). Говорите же!.. Я хочу слышать ваш голос. Скажите – я ни в чем не виноват!

Франц (сдавленным голосом). Я ни в чем не виноват.

Иоганна (глядя на него, кричит в ужасе). А-а-а-а! (подавляя крик.) Я не узнаю вас!

Франц (упрямо). Я ничего не сделал.

Лени. Ты не воспротивился.

Иоганна. Кому?

Лени. Генриху.

Иоганна. Двое пленных?..

Лени. Только поначалу их было двое.

Иоганна. Значит, были другие?

Лени. Трудно только начало.

Франц. Я все объясню. Когда я вижу вас вдвоем, я теряю голову. Вы меня убиваете... Иоганна, когда мы будем одни... Все произошло слишком быстро...

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosoff.org
Я вспомню свои мысли, я открою вам всю правду, Иоганна, я люблю вас больше жизни... (Берет ее за руку.)

Иоганна (с воплем вырывается от него). Оставьте меня! (Подбегает к Лени.)

Франц в тупом оцепенении стоит перед ней.

Лени (Иоганне). Вы плохо подготовились к испытанию.

Иоганна. Испытание проиграно. Оставайтесь с ним.

Франц (неистово). Послушайте, вы обе...

Иоганна (с ненавистью). Вы пытали! Вы!

Франц. Иоганна!

Она глядит на него.

Не смотрите на меня! Не хочу видеть ваших глаз! (Пауза.) Я предвидел, что так будет. (Разражается смехом и становится на четвереньки.) Назад! Назад!

Лени кричит.

(Поднимается.) Ты забыла, что я краб, сестричка? (Пауза.) Ступайте отсюда обе.

Лени направляется к столу с намерением открыть ящик.

Пять часов, десять минут. Передайте отцу, что я встречу с ним ровно в шесть в зале совещаний. Ступайте!

Долгое молчание. Свет гаснет. Иоганна первая уходит не оглядываясь. Лени сначала колеблется, затем уходит следом за ней.

(Садится и разворачивает газету.) Сто двадцать верфей: Империя!

Занавес

АКТ ПЯТЫЙ

Та же декорация, что и в первом действии. День только близится к концу, однако комната погружена в полумрак, потому что стеклянные двери снаружи прикрыты ставнями. Часы отбивают шесть ударов. На третьем ударе ставни слева распахиваются и в комнату проникает свет. Отец открывает дверь и входит. В это же самое время – наверху, на площадке, появляется Франц. Какое-то мгновение они оба в упор глядят друг на друга. В руках у Франца небольшой черный квадратный ящик – магнитофон.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Отец, Франц.

Франц (не двигаясь). Здравствуй, отец.

Отец (естественным тоном, добродушно). Здравствуй, малыш. (Покачнувшись, опирается на спинку кресла.) Погоди, сейчас станет светлее. (Открывает вторую дверь и ставни.)

Зеленоватый свет, точно такой, как в конце первого действия, заливают комнату.

Франц (спустившись, на одну ступеньку). Слушаю вас.

Отец. Мне нечего сказать.

Франц. Нечего? Вы осаждали Лени просьбами...

Отец. Дитя мое, я пришел, потому что ты вызвал меня сюда.

Франц (опешив, глядит на него, потом раздражается смехом). Да, правда. (Спускается, затем приостанавливается на ступеньке.) Превосходная партия! Нанесли удар Лени, двинув против нее Иоганну, затем – Иоганне, двинув против нее Лени. Мат в три хода.

Отец. Кому мат?

Франц. Мне – королю черных. Вы не устали выигрывать?

Отец. Я устал от всего, мой сын, помимо игры. Никто никогда не выигрывает; я просто пытаюсь не проиграть.

Франц (пожимая плечами). В конце концов вы всегда добиваетесь того, чего хотите.

Отец. Самый надежный способ проиграть.

Франц (горько). Возможно. (Резко.) Итак, чего вы хотите?

Отец. В настоящую минуту? Видеть тебя.

Франц. Я перед вами! Можете досыта налюбоваться, пока есть желание. Я собираюсь вам рассказать кое-что о себе.

Отец кашляет.

Не кашляйте.

Отец (уязвленный). Попытаюсь... (Снова кашляет.) Это не так легко... (Овладев собой.) Ну, вот.

Франц (устремив взгляд на отца; медленно). Какой плачевный вид! (Помолчав.) Да улыбнитесь же наконец! В такой торжественный день, когда отец встречается с сыном, закалывают жирного теленка. (Неожиданно.) Вы не будете моим судьей.

Отец. Кто сказал, что я собираюсь судить тебя?

Франц. Ваш взгляд. (Пауза.) Два преступника: один выносит приговор другому во имя убеждений, над которыми оба надругались. Как называется этот фарс?

Отец (спокойно и равнодушно). Справедливость. (Короткая пауза.) Ты преступник?

Франц. Да. И вы также. (Пауза.) Я не считаю вас вправе судить меня.

Отец. Тогда почему же у тебя возникло теперь желание говорить со мной?

Франц. Хотел поставить вас в известность, что я все проиграл, так же как проиграете вы. (Пауза.) Поклянитесь на Библии, что не будете меня судить! Клянитесь, не то я немедленно поднимусь к себе в комнату.

Отец (подходит к Библии, раскрывает ее, протягивает руку). Клянусь!

Франц. Отлично. (Спускается, подходит к столу, ставит на него магнитофон, оборачивается.)

Отец и сын стоят друг перед другом во весь рост, лицом к лицу.

Куда девались следы всех этих лет? Вы ничуть не изменились. Все тот же...

Отец. Нет.

Франц (подходит ближе к нему, как замороженный; вызывающе, точно обороняясь). Я смотрю вам в глаза, но не испытываю никакого волнения. (Молчит; затем, как бы произвольно, протягивает руку и кладет ее на плечо

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosoff.org
отца.) Старый Гинденбург! Ну, что? (Отшатываясь, сухо, неприязненно.) Я пытал. (Молчание; с яростью.) Вы слышите?

Отец (не меняясь в лице). Да. Продолжай.

Франц. Это все. Партизаны не давали нам покоя, ни днем, ни ночью. В деревне им помогали. Я хотел заставить крестьян заговорить. (Пауза; лаконично и нервно.) Старая история. Всегда одно и то же.

Отец (вздыхая, тихо и невыразительно). Всегда.

Пауза.

Франц (высокомерно поглядев на отца). Вы, кажется, осуждаете меня?

Отец. Нет.

Франц. Тем лучше, отец. Должен вас предупредить: я палач, потому что вы – доносчик.

Отец. Я ни на кого не доносил.

Франц. Ни на кого? А тот раввин из Польши?

Отец. Я не доносил на него. А пошел на известный риск... Мог навлечь на себя серьезные неприятности...

Франц. Именно это я и имел в виду. (Мысленно переносясь в прошлое.) Могли навлечь на себя неприятности? Я тоже пошел на известный риск. (Смеется.) Серьезные неприятности! (Снова смеется.)

Отец пользуется этим и кашляет.

Франц. Что с вами?

Отец. Ничего. Смеюсь вместе с тобой.

Франц. Вы кашляете! Остановитесь, ради бога, вы разрываете мне горло.

Отец. Извини меня.

Франц. Вы умрете?

Отец. Ты это знаешь.

Франц (против своей воли приближается к нему и тотчас отступает). Счастливое избавление! (Его руки дрожат.) Вам, должно быть, чертовски больно.

Отец. Отчего?

Франц. Этот кашель...

Отец (угрюмо). Да нет... (Приступ возобновляется, затем кашель стихает.)

Франц. Я чувствую, как вы страдаете. (Быстро окинув его взглядом.) У меня не хватало воображения.

Отец. Когда?

Франц. Там. (Длительная пауза; отворачивается от отца, глядит на дверь в глубине. Вспоминая прошлое, доверчиво.) Высшее командование уничтожено, фельдфебель и Клаг в моем распоряжении, солдаты на коленях передо мной. Единый приказ всем – держитесь. Я держусь. Я решаю, кому умереть, кому жить. Вот ты – ступай на смерть! А ты – останешься здесь! (Пауза. Приближается к авансцене, с мрачным достоинством.) Я облечен высшей властью. (Пауза.) А? Что? (Словно прислушивается к невидимым голосам, поворачиваясь к отцу.) Меня все время спрашивают: «Что ты собираешься делать?»

Отец. Кто спрашивает?

Франц. Голоса. Воздух пронизан ими по ночам. Все ночи напролет я их слышу. (Имитирует шепот невидимых голосов.) «Что ты собираешься делать? Что ты собираешься делать?» (Кричит.) Идиоты! Пойду до конца! До предела! (Резко, отцу.) Знаете почему?

Отец. Да.

Франц (слегка озадачен). Что?

Отец. Раз в жизни тебе пришлось испытать, что такое бессилие.

Франц (вскрикивает; смеясь). Старый Гинденбург еще в своем уме: ура ему! Да, я ощутил, что значит бессилие. (Обрывает смех.) Благодаря вам я испытал его здесь. Вы отдали им раввина, а четверо скрутили и держали меня, остальные душили его. Что я мог сделать? (Поднимает мизинец левой руки и смотрит на него.) Ничего! Даже мизинцем не мог пошевелиться. (Пауза.) Любопытное переживание, но я не рекомендую испытать его будущим вождям – после него уже не поднимешься. Вы сделали меня Принцем, отец. Но знаете, кто сделал меня Королем?

Отец. Гитлер.

Франц. Да. Позор короновал меня. После того... случая – власть стала моей потребностью. Вам известно, что я восхищался им?

Отец. Гитлером?

Франц. А вы не знали? О, я ненавидел его. И раньше и позже. Но в тот день я принадлежал ему. В такой момент обыкновенно или убивают, или подчиняются... как жены своим мужьям. Раввин истек кровью, а я в глубине своего бессилия подчинился ему. (Обращаясь к прошлому.) Я почувствовал, как во мне зарождается эта потребность власти... Гитлер сделал меня Сверхчеловеком, неумолимым и священным, как он сам. И я ощутил себя Гитлером, выше всех. (Пауза, отцу.) Никаких признаков пищи, голод; мои солдаты околачиваются возле сарая. (К прошлому.) Четверо здоровых немцев повергли меня в прах, а мои солдаты по моему приказу запыряли на смерть пленных. Нет! Я никогда не увязну снова в бездне бессилия. Клянусь! Кругом темно. Но кошмар еще закован в цепи... Я ускорю развязку, сорву с него цепи, восстановлю зло; провозглашу свою власть – совершу неслыханный, незабываемый поступок: превращу человека в жалкую тварь; сам займусь пленными, кину их в бездну, и они заговорят. Власть – это пропасть, погружусь в нее; я не ограничусь одним решением – кому умирать, кому жить; пушу в ход нож, кирпич и утвержу царство людей... (Взволнованно.) Поистине заманчиво! Властители попадут в Ад – в этом их слава, и я за ними... (Стоит в припадке галлюцинации среди сцены.)

Отец (спокойно). Они заговорили?

Франц (оторвавшись от своих видений). А? что? (Пауза.) Нет. (Пауза.) Так и умерли.

Отец. Проигравший выигрывает.

Франц. Это начинаешь понимать позже. Я еще не приобрел опыта. Тогда еще не приобрел.

Отец (с печальной усмешкой). Ничего бы не помогло... Это они выбирали – жить или умирать.

Франц (неистово). Я бы поступил, как они! Я бы умер под плетьюми, не сказав и единого слова! (Успокаивается.) Кроме всего, мне наплевать! Я сохранил свой авторитет.

Отец. Надолго?

Франц. На десять дней. Через десять дней вражеские танки атаковали нас, все убиты – даже пленные. (Смеется.) Простите, убиты все, кроме меня! Я не умер, как видите, а жив! (Пауза.) Я не ручаюсь за точность того, что рассказал, одно достоверно – я пытался.

Отец. А потом?

Франц пожимает плечами.

Ты скитался по дорогам? Прятался? А потом вернулся сюда.

Франц. Да. (Пауза.) Развалины были для меня правосудием; я привязался к нашим разгромленным домам, к нашим искалеченным детям. Я лицемерил, когда говорил, что заживо похороню себя, чтобы не видеть агонию Германии. Ложь! Я мечтал о гибели моей страны и замуровал себя, чтобы не стать свидетелем ее возрождения. (Пауза.) Судите меня!

Отец. Ты заставил меня поклясться на Библии...

Франц. Я переменял свое намерение: покончим с этим.

Отец. Нет.

Франц. Повторяю, вы освобождены от клятвы.

Отец. Палач согласится принять приговор доносчика?

Франц. Но ведь бога нет? А?

Отец. Как будто бы нет... иногда это даже досадно.

Франц. В таком случае доносчик вы или нет, но вы мой неизбежный судья.

Пауза. Отец отрицательно качает головой.

Вы отказываетесь? Не хотите судить меня окончательно? У вас что-то другое в голове! Тем хуже! (Резко.) Вы ждете. Чего?

Отец. Чего мне ждать? Ведь ты здесь.

Франц. Вы ждете! Я знаю, как долго и упорно вы умеете ждать. Я не раз видел, как стояли перед вами твердокаменные люди, ненавидели, оскорбляли вас, а вы не отвечали, вы ждали. Под конец они исчезали, как призраки... (Пауза.) Говорите! Скажите что угодно. Это невыносимо.

Пауза.

Отец. Что ты собираешься делать?

Франц. Поднимусь наверх.

Отец. И когда спустишься?

Франц. Никогда не спущусь.

Отец. Никого не будешь принимать?

Франц. Только Лени; надо же, чтобы кто-то меня обслуживал.

Отец. А Иоганну?

Франц (сухо). Все кончено! (Пауза.) У нее не хватило мужества...

Отец. Она не увлекла тебя?

Франц. Одиночество гнетет. (Пауза.) Если бы она приняла меня таким, как я есть...

Отец. А ты принимаешь себя таким, как ты есть?

Франц. А вы? Принимаете?

Отец. Нет.

Франц (с болью). Даже отец.

Отец. Даже отец.

Франц (деланно). В таком случае, что мы еще сварганим вместе?

Отец не отвечает.

(Неистово, с тоской.) Не надо было видеться с вами! Я сомневался! Все время сомневался.

Отец. В чем?

Франц. В том, что меня ожидает.

Отец. Тебя? Ничего.

Франц. Пока еще ничего. Но вы тут, и я здесь. Как и в тех кошмарах, что мне снились, вы выжидаете. (Пауза.) Что ж, я тоже могу ждать. (Указывая на дверь наверху.) Между мной и вами дверь. Полгода терпения. (Пальцем указывает на голову отца.) Через полгода эта голова будет пуста, глаза не смогут видеть, червям достанутся искривленные презрением губы.

Отец. Я тебя не презираю.

Франц (с иронией). Поистине! После всего, что я рассказал?

Отец. Ты не сообщил мне ничего нового.

Франц (ошеломлен). Что вы сказали?..

Отец. О твоих приключениях в Смоленске я узнал три года тому назад.

Франц (исступленно). Быть не может! Мертвы... Свидетелей нет! Умерли и зарыты. Все!

Отец. Кроме двоих, которых отпустили русские. Они пришли ко мне. Это было в марте пятьдесят шестого года. Ферист и Шейдеман. Ты их помнишь?

Франц (в замешательстве). Нет. (Пауза.) Чего они хотели?

Отец. Денег за молчание.

Франц. Что же дальше?

Отец. Не признаю шантажистов.

Франц. Они...

Отец. Замолкли. Ты их забыл? Продолжай.

Франц (глядя в пространство). Три года?

Отец. Три года. Вскоре я получил свидетельство о твоей смерти. А еще через год вызвал Вернера – самое благоразумное, что я мог сделать.

Франц (не слушая его). Три года подряд я произносил длинные речи Крабам, лгал им! И не знал, что в течение всех этих трех лет я уже был разоблачен, здесь, внизу. (Внезапно.) Именно после того, как они посетили вас, вы начали настаивать на нашей встрече, не правда ли?

Отец. Да.

Франц. Зачем?

Отец (пожимая плечами). Просто так!

Франц. Они сидели у вас в кабинете, вы их приняли, потому что они знали меня, а затем в какой-то момент один из них сказал вам: «Франц фон Герлах – палач». Какой эффект! Как в театре. (Пытаясь шутить.) Вы здорово изумились, надеюсь?

Отец. Нет. Не очень.

Франц (исступленно). Я был чист, когда ушел от вас! Я был чист, я хотел спасти раввина... Не изумились? (Неистово.) Что вы подумали? Вы ничего не знали и вдруг внезапно узнали все! (Еще громче.) Что же вы подумали?!

Отец (мрачно, с глубокой нежностью). Мой бедный малыш!

Франц. Что?

Отец. Ты меня спрашиваешь, что я подумал! Я отвечаю. (Пауза.)

Франц выпрямляется во весь рост, затем внезапно падает на плечо отца и рыдает.

Мой бедный малыш! (Неуклюже гладит его по голове.) Мой бедный малыш! (Пауза.)

Франц (внезапно выпрямившись). Хватит! (Пауза.) Столько потрясений. Шестнадцать лет не плакал, и не заплачу еще шестнадцать лет. Не надо жалости, иначе у меня возникает непреодолимое желание убить. (Пауза.) Я ведь не очень-то люблю себя.

Отец. За что тебе любить себя?

Франц. И верно.

Отец. Предоставь мне любить тебя.

Франц. Вы меня любите? Вы? Смоленского палача?

Отец. Смоленский палач – это ты-то?

Франц. Да, да не стесняйтесь. (Смеется нарочито цинично.) У каждого свой вкус. (Внезапно.) Вы меня провели! Вы способны на излияния, только когда они приносят вам пользу. Провели: сначала отхлестали, а потом расчувствовались; судите по крайней мере, не мешкайте... Начинайте! У вас было столько времени обдумать это дело, и ваша гордость не позволит вам, чтобы все решилось не так, как бы вы хотели.

Отец (с мрачной иронией). Моя гордость! Все это в прошлом. (Пауза. Отвернувшись, мрачно усмехается, потом снова поворачивается к Францу; бесконечно нежно, но неумолимо.) Но ты прав – я решу его сам.

Франц (отшатываясь). Это дело мое, и я вам помешаю.

Отец. Я хочу, чтобы ты перестал себя истязать.

Франц (жестко, резко, точно говорит не о себе, а о ком-то другом). Я не истязая себя, я истязал других. Вы улавливаете разницу?

Отец. Улавливаю.

Франц. Я все позабыл, даже их вопли. Я опустошен.

Отец. Я это предвидел. К тому же, это еще тяжелее.

Франц. Что вы хотите мне доказать?

Отец. В течение четырнадцати лет ты был жертвой страданий, которые родились в тебе, ты их не чувствуешь, но ты ими непрестанно одержим.

Франц. Кто вас просит говорить обо мне? Да если хотите знать – это еще страшнее: я точно лошадь, которую оседлали, я не пожелаю вам получить такого наездника. (Резко.) Итак? Какой исход? (Глядит в лицо отца широко открытыми глазами.) Идите к черту! (Поворачивается к отцу спиной и медленно, с трудом поднимается по лестнице.)

Отец (все время неподвижен, но когда Франц достигает площадки второго этажа, громко, во весь голос). И там Германия!

Франц медленно поворачивается.

Она жива, Франц! Ты от нее никуда не уйдешь!

Франц. Она перебивается, несмотря на свою гибель. С этим я еще могу примириться.

Отец. Благодаря своему поражению, она стала самой могущественной во всей Европе. Ты с этим можешь примириться? (Пауза.) Мы яблоко раздора, главный козырь. Нас растлевают; все мировые рынки открыты нам; наши заводы пущены в ход; мы – мировая кузница. Поражение Германии ниспослано провидением, Франц; у нас масло, пушки, солдаты, сын мой! А завтра – бомба! И тогда мы встряхнем гривой, и наши опекуны отскочат, как блохи, увидишь.

Франц (в последней попытке защиты). Мы господствуем над Европой, будучи разгромлены! Окажись мы победителями, что бы мы делали?

Отец. Мы не могли победить.

Франц. Значит, войну надо было вести, чтобы проиграть?

Отец. Надо было сыграть в поддавки: как всегда.

Франц. И вы это сделали?

Отец. Да, с самого начала военных действий.

Франц. А те, кто искренне любил свою страну, – пожертвовал своей честью во имя победы...

Отец (хладнокровно и жестко). Они только рисковали затянуть всю эту резню и задержали бы реконструкцию. (Пауза.) По сути дела, они были пригодны только на отдельные убийства.

Франц. Великолепная тема для размышлений... Вот чем я займусь наверху.

Отец. Ты не выдержишь там ни одной минуты.

Франц. Ошибаетесь, отец: я отрекся от страны, которая повергла меня в прах.

Отец. Все тринадцать лет ты пытался это сделать и безуспешно. Теперь ты знаешь все: неужто ты опять будешь разыгрывать свою комедию?

Франц. Разве я могу отказаться? Германия должна околоть, не то я – обыкновенный уголовный преступник.

Отец. Так оно и есть.

Франц. Значит? (Устремив взгляд на отца, отрывисто.) Я не хочу умирать.

Отец (спокойно). Почему?

Франц. Вам легко спрашивать. Вы вписали ваше имя в историю.

Отец. Если б ты знал, как мне наплевать на это.

Франц. Это ложь, отец. Вы хотели создать флот, и вы его создали.

Отец. Я создал его для тебя.

Франц. Вот оно что! А я-то думал, что вы создали меня для него. Но, как бы там ни было, он существует. Мертвый или живой, вы – флот. А я? Что я оставляю после себя?

Отец. Ничего.

Франц (неистово). Вот потому-то я и буду жить до ста лет. У меня есть только моя жизнь. (С остервенением.) Только она! И я не отдам ее. Вы думаете, что я ее ненавижу, а я считаю, что это лучше, чем ничего.

Отец. Жив ты или мертв, все равно – ты ничто. Ничего не делаешь, ничего не сделал и не в силах ничего сделать. (Долгая пауза. Медленно подходит к

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosofff.org
лестнице, останавливается, поднимает голову, глядя на площадку, где стоит
Франц.) Прости меня, Франц.

Франц (охваченный страхом). Вы? Это новый трюк!

Отец ждет.

(Резко.) За что?

Отец. За тебя. (Пауза; усмехаясь.) Родители подобно творцам: они готовы
остановить солнце. Я верил твердо, что мир не изменится. Он изменился.
Помнишь, какое будущее я готовил тебе?

Франц. Да.

Отец. Мы говорили о нем без конца... ты словно видел его.

Франц кивает головой.

Но все это было лишь моим прошлым.

Франц. Да.

Отец. Ты и тогда понимал?

Франц. Всегда. Но поначалу мне это доставляло удовольствие.

Отец. Мой бедный малыш! Я мечтал, чтобы ты управлял моим делом после меня.
Но, в сущности, управляет оно. Оно выбирает для себя людей. Мое предприятие
принадлежит мне, но, по сути, я уже не распоряжаюсь им. Тебя, мой маленький
принц, оно отвергло сразу же: кому теперь нужны принцы? Оно само создает и
выбирает даже управителей.

Пока отец говорит, Франц медленно спускается вниз.

Я тебе передал весь мой опыт, все мое неумное стремление к господству, но
все напрасно. Очень жаль! Ты жаждал действий и выбрал рискованный путь, и
вот во что превратились твои подвиги. Твои терзания толкнули тебя на
преступление, ты повержен в прах. Я не люблю угрызений совести, Франц, они
бессмысленны. Если бы я верил, что где-то в чем-то ты можешь быть
полезен... Но я сделал из тебя монарха; на сегодняшний день это значит быть
ни к чему не пригодным.

Франц (с улыбкой). Я был обречен?

Отец. Да.

Франц. На бессилие?

Отец. Да.

Франц. На преступление?

Отец. Да.

Франц. Кем же – вами?

Отец. Моими страстями, унаследованными тобой. Скажи на суде твоим Крабам,
что я один виноват – во всем.

Франц (с той же улыбкой). Вот что я жаждал услышать от вас. (Спускается с
последней ступеньки и останавливается возле отца.) Тогда я принимаю.

Отец. Что?

Франц. То, что вы ждете от меня. (Пауза.) Но с одним условием: оба и
немедленно.

Отец (опешив от внезапности). Немедленно?

Франц. Да.

Отец (хрипло). Ты имеешь в виду – сегодня?

Франц. Я хочу сказать – тотчас. (Молчит.) Ведь вы этого хотели?

Отец (кашляя). Не так... скоро.

Франц. А почему?

Отец. Я только что снова тебя обрел.

Франц. Вы никого не обрели. Даже вы. (Спокоен и прост впервые за все время, во всем облике полная безысходность.) Я всегда был и буду ничем; только одним из ваших вымыслов. Остальные остались нереализованными у вас в голове, а этому, к несчастью, суждено было воплотиться. В Смоленске, ночью... минута независимости. Итак, вы виноваты во всем, за исключением той ночи. (Пауза.) Тринадцать лет лежал в ящике моего стола заряженный револьвер. Знаете, почему я не спустил курок? Я говорил себе: что сделано, то сделано. (Пауза; глубоко искренне.) Смерть ничего не меняет, она не изменит и меня. Я бы хотел... только не смейтесь: никогда не родиться. Я но всегда лгал себе, там, наверху. Вечерами я ходил взад и вперед по комнате и думал о вас.

Отец. А я сидел здесь, в этом кресле. Ты шагал, я слушал.

Франц (безразлично и безучастно). Да? (Собираясь с мыслями.) Я размышлял: если бы была возможность вернуть этот мятежный образ, восстановить его, воплотить его в себе, снова ожил бы ваш облик.

Отец. Ничего не было, кроме меня, Франц.

Франц. Не торопитесь; это надо еще доказать. (Пауза.) Покуда мы живы, нас всегда будет двое. (Пауза.) В вашем «мерседесе» было шесть мест, но вы брали с собой только меня. Вы говорили: «Потренируемся, Франц, наберем скорость». Мне было тогда восемь лет; мы мчались по берегу Эльбы... он все на том же месте, этот Чертов мост?

Отец. На том же.

Франц. Опасный пробег: столько смертей каждый год.

Отец. С каждым годом их больше.

Франц. Вы говорили «вот он!» и нажимали на акселератор. Я сходил с ума от страха и радости.

Отец (чуть улыбаясь). Как-то раз застопорил тормоз.

Франц. Два раза. Какую скорость набирают теперь машины?

Отец. «Порш» твоей сестры сто восемьдесят.

Франц. Возьмем его.

Отец. К чему такая поспешность?

Франц. На что вы надеетесь?

Отец. На передышку.

Франц. Она у вас была. (Пауза.) Вы отлично знаете, что она долго не продлится. (Пауза.) Я не могу прожить часа без ненависти к вам.

Отец. И даже сейчас?

Франц. Сейчас – нет. (Пауза.) Ваш живой вымысел сольется со всеми теми, которые навсегда остались в вашей голове. Вы были первопричиной я останетесь моей судьбой до конца.

Пауза.

Отец. Хорошо. (Помолчав.) Я создал тебя и сам уничтожу. Моя смерть прикроет твою, и выйдет так, что умер я один. (Помолчав.) Погоди, я ведь не думал, что все произойдет так быстро. (Грустно, с усмешкой, которая не скрывает его волнения.) Забавно: жизнь взрывается в пустом сиянии. Ничего не скажешь. (Пауза.) Меня никто не будет судить. (Помолчав.) Ведь и я, знаешь, не очень себя любил.

Франц (положив руку на руку отца). Предоставьте мне любить вас.

Отец (с той же страдальческой улыбкой). Наконец-то! Я тень от тучи. Внезапный ливень – и солнце озарит то место, где я жил. Плевать на все... выигрывает тот, кто проиграл. Я создал дело, которое раздавало нас. Не о чем жалеть.

(Пауза.) Наберем скорость, Франц. Это ободрит тебя.

Франц. Возьмем «Порш»?

Отец. Разумеется. Я выведу машину из гаража. Подожди меня здесь.

Франц. Вы дадите сигнал?

Отец. Фарами. (Пауза.) Лени и Иоганна на террасе. Попрощайся с ними.

Франц. Я... хорошо... Позовите их.

Отец. До скорого, мой малыш. (Выходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Франц, один, затем Лени и Иоганна.

Голос отца за сценой: «Иоганна! Лени!»

Франц подходит к камину и смотрит на свой портрет. Внезапно срывает траурную ленту и бросает ее на пол.

Лени (появляясь на пороге). Что ты делаешь?

Франц (смеясь). Ведь я еще жив, а?

Входит Иоганна; Франц выходит на авансцену.

Лени. Ты в штатском, мой лейтенант?

Франц. Отец везет меня в Гамбург, я завтра отплываю. Вы больше не увидите меня. Вы выиграли, Иоганна. Вернер свободен. Свободен, как воздух. Желаю удачи. (Останавливается у стола, подходит к магнитофону.) Примите этот дар. С моей лучшей записью. Семнадцатое декабря тысяча девятьсот пятьдесят третьего года. В тот день на меня нашло вдохновение. Может, у вас позже появится желание узнать аргументы защиты или просто вспомнить мой голос. Принимаете?

Иоганна. Принимаю.

Франц. Прощайте.

Иоганна. Прощайте.

Франц. Прощай, Лени. (Гладит ее по волосам, как отец.) Какие мягкие волосы.

Лени. На какой машине вы едете?

Франц. На твоей.

Лени. По какой дороге?

Франц. Вдоль Эльбы.

Снаружи зажигаются фары, их свет освещает комнату.

Лени. Так. Отец дает сигнал. Прощай.

Франц выходит. Шум мотора; звук усиливается, затем понемногу стихает; свет фар, промелькнув во втором окне, тотчас исчезает.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Иоганна, Лени.

Лени. Который час?

Иоганна (взглянув на часы, стоящие рядом). Шесть часов тридцать две минуты.

Лени. В шесть часов тридцать девять мой «Порш» будет в воде. Прощай.

Иоганна (охвачена ужасом). Почему?

Лени. Потому что Чертов мост в семи минутах отсюда.

Иоганна. Они...

Лени. Да.

Иоганна (сдавленным голосом, беспощадно). Вы его убили!

Лени (так же жестко). А вы? (Пауза.) Впрочем, это не имеет значения: он не хотел жить.

Иоганна (все еще держится, но уже теряя над собой власть). Семь минут.

Лени (подходит к часам). Шесть. Нет. Пять с половиной минут.

Иоганна. Разве нельзя ничего...

Лени (так же жестко). Догнать? Попробуйте. (Пауза.) Что вы собираетесь теперь делать?

Иоганна (пытаясь овладеть собой). Пусть решает Вернер. А вы?

Лени (указывая вверх). Там, наверху, ждут затворника. На этот раз им буду я. Я не увижу вас больше, Иоганна. (Пауза.) Будьте добры, передайте Хильде, пусть постучит в дверь завтра утром – я отдам распоряжения. (Пауза.) Еще две минуты. (Пауза.) У меня не было к вам ненависти. (Приближаясь к магнитофону.) Аргументы защиты... (Открывает ящик.)

Иоганна. Я не хочу...

Лени. Семь минут! Оставьте: они мертвы. (Включает магнитофон.)

Голос франца возникает сразу, Лени пересекает комнату пока франц говорит; поднимается по лестнице и скрывается за дверью.

Голос франца. «Будущие века. Говорит мой век, одинокий изуродованный, осужденный век... Мой подзащитный истекает кровью, белая лимфа, что течет из его вен, – это кровь: красные шарики отсутствуют, осужденный умирает от голода. Я хочу раскрыть вам тайну этой сложной метаморфозы. Мой век не был бы так неисправимо плох, если бы человек не растлил его: жесточайший, исконный враг – дикое, злое, всеядное животное – человек, который поклялся погубить человека... Один плюс один равно одному – вот тайна нашего века. Притаившись, зверь жил внутри нас, мы ощущали его взгляд внезапно в зрачках наших близких, и тогда мы наносили удар: законные предосторожности защиты. Я был охвачен этим зверем, я нанес удар, человек упал, и тогда в его потухающем взоре я увидел живого зверя – себя. Один плюс один равно одному: какая бессмыслица! Откуда, от кого этот затхлый, горький привкус у меня во рту? От человека? От зверя? От меня самого? Это привкус века. О, счастливые

Сартр Жан-Поль Затворники Альтоны filosofff.org
века, вам неведома наша ненависть, как же вам постигнуть жестокою власть нашей смертоносной любви... Любовь, ненависть... – один плюс один... Воздайте же нам должное! Мой подзащитный покрыл себя несмываемым позором: он знает, что он наг. Прекрасные дети, вы придете на смену нам, созданным вашим страданием. Наш век подобен женщине, он разрешится от бремени, – кто же из вас осмелится осудить свою мать? А? Отвечайте же! (Пауза.) Тридцатый век молчит. Может так статься, что после нас не будет больше никакого века. Может, бомба погасит свет всей вселенной. И вся твердь превратится в прах: и глаза, и судьи, и время. И наступит вечная ночь. О, суд ночи, ты был, ты будешь, ты есть – как был я! Я был! Я, Франц фон Герлах, здесь, в этой комнате, возложил бремя века на свои плечи и сказал себе: «Я отвечу за сегодняшний день и во веки веков». А? Что?..»

Лени в комнате Франца. Вернер появляется на пороге. Увидев его, Иоганна идет ему навстречу. Они молча выходят, их лица ничего не выражают. Со слов – «Отвечайте же» – сцена пуста.

Занавес

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!